

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (1917–2017 гг.):
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ**

Сборник научных статей
по материалам региональной научной конференции

(Нальчик, 29 июня 2017 г.)

УДК 94(470.6).084
ББК 63.3(235.7)6–2/7
С69

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор
К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия:

Н.В. Варивода, З.М. Кешева, Д.М. Кумыкова, Л.Х. Махиева, Л.Б. Хавжокова

С69 Социально-культурная трансформация народов Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве (1917–2017 гг.): взгляд сквозь столетие. Сборник научных статей по материалам региональной научной конференции. (Нальчик, 29 июня 2017 г.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 190 с.

В сборник вошли статьи по материалам докладов региональной научной конференции «Социально-культурная трансформация народов Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве (1917–2017 гг.): взгляд сквозь столетие», приуроченной к столетию Октябрьской революции (г. Нальчик, ИГИ КБНЦ РАН, 29 июня 2017 г.).

В фокусе внимания исследователей оказались не только общественно-политические, но и культурные аспекты революции. Рассмотрено влияние масштабных исторических процессов XX века на развитие языков и литератур коренных народов Северного Кавказа.

УДК 94(470.6).084
ББК 63.3(235.7)6–2/7

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Тетуев А.И.</i> Национальная политика большевиков на Северном Кавказе: опыт и уроки (1917–1937 гг.)	5
<i>Опрышко О.Л.</i> Октябрьская революция в судьбах всадников и офицеров Кабардинского конного полка (1917–1920 гг.)	26
<i>Кармов А.Х.</i> Общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе накануне Октябрьской революции	33
<i>Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.</i> Историческое образование в Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны: успехи и трудности	43
<i>Прасолов Д.Н.</i> Проблемы трансформации местного самоуправления в Нальчикском округе в период революций 1905–1907 гг. и 1917 г.	60
<i>Варивода Н.В.</i> Изменения в системе школьного образования Кабардино-Балкарии в контексте советской модернизации в 1920-е гг.	70
<i>Карданова К.А.</i> Миротворческая деятельность органов государственной власти и общественных организаций КБР по урегулированию осетино-ингушского конфликта (1992 г.) и конфликта в Чеченской республике (1994–2005 гг.)	79
<i>Шахалиева Ф.Б.</i> Национально-государственное самоопределение кабардинцев и балкарцев в 1918 г.	89
<i>Пишихачева Д.Т.</i> Динамика гендерных статусов в традиционном кабардинском обществе в переходные исторические периоды (в годы Октябрьской революции и Гражданской войны)	100

<i>Ханаху Р.А., Гучетль З.Х.</i> Нравственные императивы адыгов Северного Кавказа	107
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Хавжокова Л.Б.</i> Художественное отражение истории народа в символике Черного моря (на материале адыгской поэзии)	113
---	-----

<i>Бетуганова Е.Н.</i> Отражение сталинской эпохи в адыгском рассказе постсоветского периода	125
--	-----

<i>Хежева М.Р.</i> Лингвокультурологические особенности употребления чисел (на материале адыгских и других языков)	132
--	-----

<i>Болатова (Атабиева) А.Д.</i> Эсхатологический аспект двоемрия в оценке концептуального содержания романа З. Толгурова «Белое платье»	138
---	-----

<i>Кучмезова Л.Б.</i> Значимость изучения гетерогенных особенностей историко-героических песен (на материале карачаево-балкарского языка)	145
---	-----

<i>Гергокова Л.С.</i> Карачаево-балкарские сказки о животных и их место в фольклорном наследии народа	155
---	-----

<i>Хавжокова Л.Б., Буранова А.Х.</i> Поэтика стихов Латмира Пшуккова	163
--	-----

<i>Хавжокова Л.Б., Жемухова Р.А.</i> Историзм поэзии Исхака Машбаша	171
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	180
---------------------------	-----

THE AUTHORS OF THIS ISSUE	184
---------------------------------	-----

УДК 94 (470.6)

А.И. Тетуев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОПЫТ И УРОКИ (1917–1937 гг.)

В статье рассматривается национальная политика большевиков на разных этапах социалистического строительства. Анализируется специфика национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Показаны достижения, ошибки и деформации в национальной политике.

Ключевые слова: большевики, национальная политика, границы, автономия, достижения, образование, культура, экономика, конституция, деформация.

Направленность национальной политики советского государства существенно отличалась на разных этапах становления и развития общества. На общем фоне достижений советской власти, в условиях строящегося социализма, в государственной национальной политике были допущены серьезные ошибки, деформации. Поэтому истоки многих современных межнациональных конфликтов на территории России и постсоветском пространстве кроются в советской эпохе и более ранних периодах. В связи с этим совершенствование межнациональных отношений в Российской Федерации настоятельно требует обращения к советскому и дореволюционному опыту регулирования межэтнических отношений в многонациональных регионах и государстве в целом. Существует настоятельная необходимость с новых методологических позиций, более объективно и взвешенно оценить смысл и значение происходивших на заре советской власти событий в области межнациональных отношений. Актуальность темы также обусловлена важностью изучения регионального аспекта реализации советской национальной политики. Исследование специфики механизма взаимоотношений вла-

сти и этносов в многонациональном Северном Кавказе позволяет проанализировать многообразие форм и методов подобного взаимодействия, выявить наиболее существенные особенности политики органов государственной власти.

Победа Февральской революции сопровождалась демократическими преобразованиями и активизацией этнических общностей России. Северный Кавказ также не остался в стороне от процесса этнической мобилизации. В результате падения царского самодержавия актуализировалась задача национально-государственного устройства. Стремление к созданию региональной автономии воплотилось в жизнь при формировании «Союза объединенных горцев Кавказа» (6 марта 1917 г.), основной целью которого было создание национально-территориальной автономии в составе Российской Федеративной Демократической Республики. Предполагалось, что она будет провозглашена на Всероссийском Учредительном собрании.

На I съезде горских народов Северного Кавказа и Дагестана, открывшемся 1 мая 1917 г. во Владикавказе, был провозглашен «Союз горцев» как национально-политическая единица, принята Политическая программа и Конституция «Союза объединенных горцев», избран Центральный комитет как руководящий исполнительный орган. Лояльный к Временному правительству Союз являлся законодательным и исполнительным органом на территории Терской, Кубанской и Дагестанской областей¹.

Важно отметить, что в Программе, принятой на I съезде, закладывались основы строительства федеративных отношений не только по вертикали, но и по горизонтали, проводилась линия на союз со всеми силами, выступавшими за федеративное устройство России. В сентябре 1917 г. в Союз вступила Абхазия. 20 октября 1917 г. «Союз объединенных горцев» присоединился к «Юго-восточному союзу», куда входило казачество Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Был заключен «союзный договор», в котором указывалось: «Союз ставит своей целью достижение скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики с признанием членов союза отдельными ее штатами»².

В начале ноября 1917 г. Союз провозгласил создание Горской республики и сформировал Горское правительство. Провозглашение и попытка проведения в жизнь принципов федерализма «Союзом объединенных горцев Кавказа» представляются особо значимыми, если учесть, что большевистская партия в это время еще не имела четкой позиции относительно федеративного характера государственного устройства России.

После прихода к власти большевиков национальная буржуазия на Северном Кавказе в подавляющем большинстве, потеряв надежду укрепиться в составе России, возглавила движение за выход из нее на основе лозунга о праве наций на самоопределение. Россию охватил «бум суверенизации – империя начала распадаться, как карточный домик»³. Лидеры Горской республики также все более склонялись к идее государственной независимости и в мае 1918 г. объявили о решении отделиться от России.

Чтобы предотвратить полный распад страны необходимо было срочно провозгласить теоретико-правовые основы, на которых бы строилось государство. В январе 1918 г. была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой объявлялось, что «Советская Российская Республика утверждается на основе союза свободных наций как Федерация Советских национальных республик». В развитие этого документа на III Всероссийском съезде Советов был принят еще один важный документ – «О федеральных учреждениях Российских республик»⁴. Основные положения этих документов вошли затем в Конституцию РСФСР 1918 г. В ней было закреплено право советов тех областей, которые отличались особым бытом и национальным составом, объединяться в автономные областные союзы и т.д., указывалось, что эти автономные областные союзы входят на началах федерации в РСФСР⁵. Следовательно, по Декларации Россия признавалась Федерацией советских национальных республик, а по Конституции – автономных национальных союзов, т.е. «автономия» уже в законодательном порядке признается элементом федерации. После включения Декларации в Конституцию РСФСР 1918 г. понятия федерация и автономия фактически объединились в одно целое, что и определило

развитие государственно-территориальной организации России на последующие годы.

Автономии в абсолютном своем большинстве появились в результате провозглашения их на съездах народов, проживающих в составе РСФСР. Отсутствие местного пролетариата, не могло не сказаться на состоянии прочности большевистских организаций, возникших как самостоятельные организации в крае только спустя 4 месяца после победы Октябрьской революции в центре страны⁶. Естественно, указанные обстоятельства требовали от большевиков Терека исключительной гибкости, маневренности.

Учитывая сложность обстановки в крае, необходимость сохранения «социалистического блока», большевики не ставили вопрос о провозглашении советской власти на I съезде народов Терской области, проходившем в Моздоке 25–31 января 1918 г. Власть Совета Народных Комиссаров в Терской области была признана в Пятигорске 4 марта 1918 г. на проходившем II съезде народов Терека. Бывшую Терскую область съезд торжественно провозгласил Терской автономной советской республикой и объявил ее частью РСФСР. Процессы возникновения и утверждения советской власти на Тереке имели свои специфические черты, отличалась от остальной части РСФСР и структура органов власти.

Утвержденный съездом «Проект основных положений по управлению Терским краем» исследователи иногда называют Конституцией Терской области. В состав Терского края входили территории четырех отделов и шести округов, в том числе Нальчикского округа, который составляли Кабарда и Балкария. В пределах, предоставленных основными законами Российской Федеративной Советской Республики, Терский край имел всю полноту власти на своей территории. Терский край имел право вступать с соседними республиками в договорные отношения по предметам специального законодательства, суда и управления постольку, поскольку эти договорные отношения не противоречили Конституции Российской Федеративной Советской Республики.

Терский Народный Совет (высший орган государственной власти между съездами) обладал всей полнотой законодательной,

административной и судебной власти при условии, чтобы акты власти: во-первых, не содержали в себе ничего противоречащего Конституции Российской Федеративной Республики; во-вторых, не нарушали основных прав гражданства, предоставленных общероссийской Конституцией; в третьих, могли быть отменены, если того хочет большинство населения Терского края⁷.

Терская Республика, завершившая свое существование в феврале 1919 г., не сыграла той роли в истории Северного Кавказа, которая ей предназначалась, а именно – создание и развитие национальной государственности народов региона. Терская Республика была не национально-территориальной, а территориальной, областной автономией, что не соответствовало национально-территориальному принципу построения советской федерации. С точки зрения теории федерализма, значимо то, что Терская Советская Автономная Республика была важным этапом становления национальной государственности, выступавшей и как форма политического самоопределения горских народов, и как административно-политический институт управления этими народами со стороны центральной государственной власти.

Следующим этапом в истории образования национальной государственности народов Северного Кавказа явилось образование Горской АССР. Поскольку обретение начал государственности каждым из малочисленных народов Северного Кавказа на деле означало дробление его на множество автономных территориальных единиц, что могло затруднить экономическое развитие, был взят курс на создание многонациональных государственных образований.

В октябре 1920 г. на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа были определены конкретные меры по автономизации. В его резолюции признавалось необходимым создание «горских автономных республик, входящих в состав РСФСР»⁸. И только вслед за этим был созван Съезд народов Терека (17 ноября 1920 г. во Владикавказе), провозгласивший образование Горской АССР.

20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР принял постановления «Об Автономной Дагестанской Социалистической Республике», «Об Ав-

тономной Горской Социалистической Республике», состоявшей из шести административных округов: Чеченского, Ингушского, Осетинского, Кабардинского, Балкарского и Карачаевского.

Как административные округа они не могли играть значительной роли в строительстве федеративных отношений, субъектом которых выступала ГАССР. Полномочия последней также не были широки. К весне 1921 г. удалось определить практически те сферы, в которых ГАССР наделялась исключительными правами. К таким относились «внутренние» дела, т.е. дела, затрагивавшие только районы республики, самостоятельное проведение границ между округами, районами и участками, охрана порядка, устройство коммунальной жизни (жилища, юстиция, народное образование), землеустройство, социальное обеспечение, образование совхозов, поиск новых способов урожайности, устройство больничных учреждений по охране здоровья, борьба с эпидемиями, помощь по трудоустройству⁹.

Народные комиссариаты ГАССР были организованы по принципу двойного подчинения. Они несли ответственность в пределах своих полномочий перед вышестоящими наркоматами РСФСР, а также перед Совнаркомом и ЦИК Горской АССР. Вопросы внешней торговли и иностранных дел не подлежали ведению органов республики и относились исключительно к компетенции государственных органов Российской Федерации¹⁰.

Решения ЦИК и СНК Горской Республики могли быть обжалованы исполнительными комитетами округов перед ВЦИК и СНК РСФСР в случаях, если эти акты противоречили Конституции РСФСР или постановлению ВЦИК «Об автономии Горской Социалистической Советской Республики». На практике поводов для этого было немало. Проведение некоторых мероприятий в масштабах всей республики нередко воспринималось отдельной частью населения как ущемление их национальных интересов.

Органы власти Горской АССР подобно руководству Терской Республики в 1918 г. занялись решением наиболее острого земельного вопроса за счет перекраивания границ между горскими народами. Механизм, предложенный органами власти Горской Республики для решения аграрной проблемы, способ-

ствовал разделению народов на два полюса по признаку обеспечения земель: с одной стороны, относительно благополучная в этом плане Кабарда, и практически все остальные – с другой. При таких обстоятельствах начался распад Горской АССР.

21 мая 1921 г. вопрос о выделении Кабарды из Горской АССР в самостоятельную автономную область обсуждался на объединенном заседании Кабардинского окрисполкома и парткома. В последующем рассмотрение его было продолжено на IV съезде советов Кабардинского округа (10–13 июня 1921 г.), партийных, комсомольских, советских и профсоюзных собраниях, сельских сходах и митингах. Таким образом, кабардинский народ сам непосредственно ставил вопрос о создании своей национальной государственности – автономной области¹¹.

1 сентября 1921 г. ВЦИК РСФСР постановил выделить из территории ГАСССР Кабардинскую Автономную область (КАО), после чего она имела связь непосредственно с центром РСФСР. Нормативной базой для этого являлась статья 8 Конституции РСФСР 1918 г., согласно которой сами народы на своих съездах Советов определяют свой политический статус. Организационное образование Кабардинской АО было завершено на учредительном съезде Советов Кабардинской области в конце ноября 1921 г. Так, Кабарда впервые была провозглашена полноправным субъектом РСФСР со статусом автономной области. Кабардинский народ обрел национальную государственность.

Вскоре назрел вопрос о выделении Балкарии из Горской АССР. Прошлое было убедительным подтверждением единства всех сторон общественно-политической жизни кабардинцев и балкарцев. Территориальная и экономическая общность двух разных народов – вот тот объективный фактор, способствовавший их объединению, что отодвинуло этнический признак на второй план. Кроме того, Нальчик являлся единым политическим, экономическим и культурным центром Кабарды и Балкарии.

Постановлением ВЦИК от 16 января 1922 г. Балкарский округ выделился из состава ГАСССР и была образована Кабардино-Балкарская автономная область. В том же году образовалась Карачаево-Черкесская и Чеченская, а в 1924 г. – Северо-Осетинская и Ин-

гушская автономные области. Определение территориальных границ при их выделении осуществлялось в сложных экономических и политических условиях. К тому же реорганизация Горской АССР в автономные национальные республики и автономные области осложнялась чрезвычайной национальной дробностью. В силу этого приходилось объединять в одну автономную единицу несколько национальностей, ибо они были малочисленны, чтобы образовать свое административное целое, и слишком отсталые в культурно-хозяйственном отношении, чтобы иметь свой аппарат власти.

Ввиду того, что в ряде мест за основу брались не национальный, а социально-экономический фактор, принцип национального самоопределения не получил достаточной полноты, что в дальнейшем стимулировало стремление этих народов к образованию своих национальных единиц. Поэтому основы современной конфликтогенности на Северном Кавказе были заложены в 20-е гг. XX в. в период конструирования новых общностей при помощи механизмов административно-территориальных переделов. Национально-государственное строительство осуществлялось субъективно исходя из большевистской концепции, что по мере строительства социализма произойдет стирание национальных различий. Все это привело при отсутствии четких критериев при выборе форм национальной государственности к:

- искусственному созданию многосубъектных государственных образований для неродственных этносов и напротив, разделению этнически близких народов по различным республикам;
- произвольному определению границ без учета исторически установившихся территорий проживающих там народов, частые административно-территориальные изменения.

Провозглашение автономии этнических общностей Северного Кавказа давало им возможность и создавать национально-государственное образование, и реализовать свое право на национальное самоопределение, что способствовало бы усилению экономических и политических связей с более экономически развитыми областями страны, развивало хозяйственную и культурную жизнь народов. Получение народами Северного Кавказа своей государственности явилось политической осно-

вой ликвидации их фактического национального неравенства. В процессе развития национальных отношений предполагалось и совершенствование государственного устройства в СССР.

После упразднения Горской АССР в 1924 г. был образован Юго-Восточный район с экономсоветом, утвержденный окончательно 13 февраля 1924 г. как Юго-Восточный край. В его состав включались все территориальные образования на Северном Кавказе, за исключением Дагестана. По нашему мнению, это следовало бы рассматривать в качестве нового подхода к решению многих региональных проблем, связанных с центробежными тенденциями. В соответствии с этим изменялись как принципы формирования территориального управления, так и методы деятельности аппарата власти. В качестве примера поиска путей совершенствования системы управления, новых форм регулирования национальных отношений в 1920-е годы можно рассматривать и создание 16 октября 1924 г. Северо-Кавказского края (было принято постановление Президиума ВЦИК) в составе 11 округов, 4 автономных областей. Известно о создании в это же время Северного края, Сибирского, Ниже-Волжского, Нижегородского и др.¹²

Указанные факты позволяют сделать однозначный вывод: в 1920-е годы в выработке принципов управления доминирующим оставался национальный фактор. Этнические общности получали возможность реализации государственных начал в форме национально-территориальных образований (автономная республика, автономная область, национальные районы и национальные советы).

Общие основы правового положения автономной области были определены Конституциями РСФСР 1918 и 1925 гг., а также Конституцией СССР 1924 г. Более подробно основы правового положения автономной области устанавливались в «Положении о Северо-Кавказском крае», утвержденном постановлением ВЦИК 25 января 1925 года¹³.

Важную роль в установлении межнациональных связей играли специальные представительства национальных автономных республиканских и областных органов Советской власти при

ВЦИК, с мая 1920 г. – при Наркомнаце. Постановление Президиума ВЦИК было принято по этому вопросу 20 сентября 1920 г.¹⁴ Каждая из автономных республик и областей направляла в Наркомнац представительство (представитель и два сотрудника). В последующем штат представительств заметно пополнялся, что объяснялось увеличением объема работы, расширением сфер межнациональных связей. Представители, объединившись, образовывали руководящий орган Наркомнаца – Совет национальностей с президиумом в составе 5 членов¹⁵. Для этносов, не имевших своих представительств, создавались отделы по работе среди национальных меньшинств. Совет национальностей руководил всей работой по становлению и развитию межнациональных связей на территории Российской Федерации. Для оперативности руководства Наркомнац учреждал институт уполномоченных, в обязанность которых вменялось содействие проведению в законодательстве и управлении данной автономной единицы общих принципов политики РСФСР в национальном вопросе, осведомление Наркомнаца о проделанной работе, помощь населению в улучшении материального благосостояния и культурном развитии, охрана прав, установление прочных и дружественных взаимоотношений между всеми национальностями данной территории. Уполномоченные наделялись правом вхождения с совещательным голосом в состав исполкомов советов.

С декабря 1920 г. Наркомнац на основе постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об учреждении представительств Наркомнаца в автономных республиках и автономных областях» от 16 декабря 1920 г. организовал свои представительства при правительствах автономных республик и при правительствах суверенных советских союзных республик¹⁶. В их обязанности вменялось наблюдение за проведением советской национальной политики, установление правильных взаимоотношений между органами РСФСР и автономных республик, взаимная информация. Представительства должны были заниматься изучением исторической и культурной жизни народов и национальностей, особенностей быта и традиций, содействовать улучшению экономического положения, соответствующих народностей и нацио-

нальных групп, охранять интересы национальных меньшинств, устранять ошибки в действиях представителей, прибывших из центра и слабо знавших местные условия¹⁷.

После упразднения Наркомнаца в 1923 г. институт постоянного представительства национальных республик и областей стал функционировать при ВЦИК. Постоянное представительство обязано было решать во всех центральных учреждениях РСФСР различные вопросы, касающиеся как области в целом, так и отдельных ее учреждений.

Для осуществления своих задач представительство надеялось правом совещательного голоса на заседаниях всех центральных органов РСФСР при рассмотрении вопросов, относящихся к автономной области. Оно имело право также вносить по поручению областного исполкома в Президиум ВЦИК, СНК и Экономическое совещание РСФСР проекты законодательных актов и предложения по другим вопросам, давать заключения по рассматриваемым высшими органами РСФСР проектам декретов, постановлений, распоряжений и других актов, касающихся представляемой области. Постоянное представительство обязано было докладывать высшим органам РСФСР возражения областного исполкома и его Президиума.

Безусловно, коренные изменения во взаимосвязи народов внесло образование СССР в декабре 1922 г. Отношения приобретали более объемный характер, строились на широкой демократической основе, с учетом, прежде всего, интересов всей страны. В общесоюзных органах предусматривалось и представительство малочисленных народов, многие из которых к этому времени не имели своих национально-государственных образований или только приобретали их. В Союзном ЦИК представительство от национальных районов Северного Кавказа было следующим: от Горской республики – 2 чел., от Кабардино-Балкарской автономной области – 1, Северо-Кавказского края и Донской области – 4. Всего же от Российской Федерации – 216 человек¹⁸.

Представители этнических общностей принимали участие в работе съездов Советов СССР. Так, во II съезде Советов СССР (1924 г.) участвовали председатели представительств: от Горской

АССР – Е.Д. Рамонов, от Дагестанской АССР – А.Е. Скачко, от Кабардино-Балкарской автономной области – Н.А. Катханов¹⁹.

В сложной социальной обстановке послевоенного периода представительства проводили огромную работу по укреплению межнациональных связей. Так, представительства Горской АССР функционировали в Закавказской Федерации, Дагестане, Грузии. Представительство Кабардино-Балкарской автономной области при Наркомате по делам национальностей было образовано в марте 1922 г. (при Наркомнаце – до 20 марта 1924 г.), и существовало при ВЦИКе – до 3 декабря 1938 г., т.е. до принятия решения Президиума Верховного Совета СССР о его ликвидации²⁰.

Представительство налаживало связи с другими органами власти в центре и республике. Так, сразу же после создания хозяйственного органа в республике – Совета народного хозяйства – представительство обратилось с письмом, в котором излагались формы взаимоотношений с ним. Представительство зачастую выступало инициатором различных программ деятельности хозяйственных органов республики. В частности, им было предложено Совету народного хозяйства сосредоточить усилия на восстановлении и развитии сельского хозяйства, создании перерабатывающей промышленности, консервных фабрик, решении вопросов реализации продукции, выгодного обмена между регионами²¹.

Система представительств органов власти автономных областей на Северном Кавказе уже в 1920-е годы претерпела изменения и в связи с преобразованиями в административном устройстве Российской Федерации, в частности, созданием в 1924 г. новых территориальных единиц – областей, краев, применительно к югу России – Юго-Восточного, а затем Северо-Кавказского края. Органы власти суверенных национально-государственных образований обязаны теперь были подчиняться по горизонтали краевому центру. В результате в административном управлении появилось еще одно промежуточное звено, что привело к увеличению аппарата управления, созданию ненужных структур, нарушению уже сложившихся связей.

Следует отметить, что представительства сыграли заметную роль не в плане поиска необходимых материальных ресурсов

для своих национальных государственных образований, как это утверждают отдельные исследователи проблемы национальных отношений, а в выработке совершенно новых подходов в установлении связей между народами, в развитии экономики и культуры в национальных регионах страны. Вместе с тем анализ планов работ представительств при Президиуме ВЦИК показывает, что в условиях административно-командной системы перечень вопросов, подлежащих разрешению и «продвижению» в Москве, был слишком широк, задачи, вполне посильные местным органам власти, решались в Москве²². Безусловно, это сдерживало инициативу на местах и не способствовало развитию многоуровневой системы власти, федеративных отношений.

С образованием Северо-Кавказского края осуществлялось и совершенствование самого национально-государственного управления и регулирования. В 1920-е гг. в СССР была создана сеть национальных районов и советов, образовано 250 национальных районов и 5300 сельских национальных советов. Например, на территории Северо-Кавказского края действовали 65 национальных районов и 86 национальных советов²³.

В качестве иллюстрации можно проследить распределение национальных советов в Кабардино-Балкарской автономной области. По данным 7 округов, к концу 1920-х гг. функционировали 54 кабардинских сельских национальных совета, 21 балкарский, 18 русских и украинских, 3 немецких, 1 кумыкский, 1 еврейский, 1 осетинский. Всего 99 национальных советов²⁴. Все это свидетельствует о гибкости государственной политики в сфере национальных отношений в области, стремлении к вовлечению в работу советов представителей местных народов. При этом особое внимание обращалось на состав органов власти. И это не случайно. Население национальных районов Северо-Кавказского края болезненно воспринимало назначение направляемых центром специалистов на руководящие должности в аппарате управления. Однако избежать недовольства не всегда удавалось, так как на местах, как в 1920-е гг., так и в 1930-х гг. ощущалась острая нехватка специалистов-выходцев из местных народов, знакомых с работой в органах государственной власти.

В дальнейшем, по мере утверждения командно-административной системы представительства, национальные районы и советы, признанные как неэффективные, были ликвидированы повсеместно в 1930-е гг. В указанный период наблюдается деформация национальной политики и при рассмотрении иных вопросов. Так, формально КБАО пользовалась самостоятельностью в вопросах, связанных с особенностью быта, нравов и обычаев народов, населяющих эту область. На деле велась борьба со многими обычаями и традициями, объявленными «тормозом на пути к прогрессу», «реакционными» и «невежественными». «Культурное и духовное возрождение» в ходе культурной революции нередко сочеталось с насильственной интернационализацией образа жизни, нивелировкой национальных различий.

С провозглашением автономии этнические общности Северного Кавказа получили более широкую возможность организовывать местные школы, суды, администрацию, создавать национальные кадры и приобщать их к делу управления областью, что отвечало задачам социалистического преобразования края. Все явления, признанные «несоветскими», искоренялись. Таким образом, автономная область как форма национальной государственности в полиэтничной федерации, борясь успешно с «дореволюционными пережитками», в то же время многое теряла в плане сохранения и развития этнической культуры. Происходил процесс разрушения национальных традиций, этнической самобытности.

Несомненно, успехи в строительстве новой жизни были бы еще более значительными, если бы не сказались просчеты административно-командной системы. Ошибки, искривления национальной политики, допущенные в 1920–1930-е гг., нанесли жестокий удар по основам интернационального единства народов, успевших сложиться за первые послереволюционные десятилетия. Административно-командная система управления проникла во все поры общественной жизни, в том числе и в сферу регулирования национальными процессами; строго централизованная структура политической власти в стране разрушала принципы федерализма, лежавшие в основе создания

СССР; сталинские репрессии и террор привели к физическому уничтожению кадров национальной интеллигенции. Депортация народов в 1940-е гг. возвели национальное насилие в ранг государственной политики. Практика сталинизма сама по себе породила трудности в национально-культурном развитии народов, усугубляла и ужесточала на этой почве возникавшие межнациональные противоречия.

Вместе с тем деформации в сфере национальных отношений, утверждение административно-командной системы управления не могли приостановить процессы их объективного развития, а также строительства основ провозглашенного социализма. Автономные области шли по пути ликвидации фактического неравенства народов Северного Кавказа. Впечатляющими были успехи в ликвидации неграмотности и малограмотности, создании национальной интеллигенции, сыгравшей огромную роль в культурном развитии региона²⁵. Огромными усилиями горских народов при бескорыстной помощи многих регионов страны заново создавались промышленность, формировался национальный отряд рабочего класса. По своему составу он был многонациональным. На промышленных предприятиях трудились русские, украинцы, татары, армяне, представители коренных национальностей. Экономический рост автономных областей Северного Кавказа явился основой интернационального сплочения трудящихся региона. Определенные сдвиги были в области реконструкции сельского хозяйства.

С конца 1920-х до середины 1930-х гг. произошли существенные изменения в области взаимоотношений между союзными органами власти и республиканскими. Были значительно расширены права союзных органов власти, усилилась централизация союзного государства²⁶. Центр узурпировал многие права республик. Хозяйственная самостоятельность республик все более сужалась. В ряде случаев централизация стала осуществляться с нарушением провозглашенных ленинских принципов. Это находило свое выражение в ущемлении суверенных прав союзных республик²⁷. Соответствующим образом развивались отношения между государственными органами союзных республик

и автономных образований в их составе. Стремление союзных органов власти к централизации превратило по форме автономное, а по сути, унитарное Российское государство, в тоталитарное государство.

Прошедшие в стране перемены как политического, социально-экономического характера, так и национально-государственного устройства позволили приступить к разработке новой Конституции СССР. Она была принята 5 декабря 1936 г. Решение вопросов федеративных отношений, национально-государственного строительства базировалось в ней «на прежних принципах, но качественно ином уровне»²⁸. В статье 22 Конституции СССР 1936 г., устанавливавшей административно-территориальное деление РСФСР, наряду с Дагестаном статус автономных республик получили автономии Северная Осетия, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария.

Преобразование автономной области в автономную республику означало переход к более высокой форме национальной государственности – от административно-политической к государственно-политической. Особенность автономной республики состояла в том, что она, являясь составной частью союзной республики, осуществляла свою государственную власть на автономных началах лишь в области внутреннего самоуправления. Пределы компетенции автономной республики – в области законодательной, исполнительно-распорядительной и судебной власти, устанавливались при ее участии высшими органами союзной республики и Союза ССР.

Присущие автономной республике элементы государственного суверенитета выражались в территориальном верховенстве и в учредительной власти, которая заключалась в праве принятия Конституции, учитывающий ее особенности²⁹. Эти положения были отражены и в Конституции РСФСР 1937 г. Конституция автономной республики подлежала утверждению на уровне РСФСР. За органами власти РСФСР закреплялись такие полномочия, которые вполне могла осуществлять автономная республика. Более того, Конституция РСФСР регулировала и вопросы организации государственной власти автономных респу-

блик. Таким образом, с одной стороны, автономные республики можно рассматривать как форму государственного самоопределения наций, с другой – нельзя не отметить их неравноправие по отношению к союзным республикам, хотя и те, и другие являются частью единого союзного государства. Этот факт всегда сохранял в себе дестабилизирующий элемент³⁰.

В 1937 г. были утверждены проекты конституций вновь образованных автономных республик, составленные в полном соответствии с конституциями СССР и РСФСР. Так, Конституция Кабардино-Балкарской АССР провозглашала, что Кабардино-Балкария «входит в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую республику в качестве одного из членов этой федерации»³¹. С преобразованием автономных областей в автономные республики положение о включении их в краевые объединения было пересмотрено. Это объяснялось той установкой, согласно которой национальное государственное образование не находилось бы в рамках административной единицы.

В Конституции РСФСР было зафиксировано, что Кабардино-Балкария имеет свою территорию. Она не может быть изменена без ее согласия. Говорилось и о символах – государственном гербе, флаге и гражданстве. Гражданин КБАССР является одновременно гражданином РСФСР и СССР³². Став государственным образованием, Кабардино-Балкария, как и другие автономные советские республики, получила свои высшие органы государственной власти – Верховный Совет и Президиумы Верховного Совета, Правительства, Совет Министров, а также министерства, иные центральные органы государственного управления и свой Верховный суд.

Представительство автономной республики в высшем органе государственной власти страны – Верховном совете СССР – с пяти депутатов по Конституции СССР 1924 г. возросло согласно Конституции СССР 1936 г. до 11 человек.

Специфика национальных проблем того или иного народа Северного Кавказа во многом была обусловлена государственно-административным статусом его автономии. Различие в статусе национально-государственного образования (союзная республика,

АССР, АО) определяло их разные конституционные возможности в развитии национальной и этнокультурной жизни. То, что представлялось актуальным и приоритетным для народа в условиях действия союзно-республиканской государственности, оказалось второстепенным для автономных республик и областей.

Сверхцентрализация государственной жизни, сложившаяся к середине 1930-х гг., которая являлась основой политической системы сталинизма, по существу лишала реального содержания конституционные гарантии суверенитета советских национально-государственных образований, последовательно провозглашавшихся Конституцией СССР 1936 г.

Переход к более высокой форме государственности сопровождался ослаблением ее функций по удовлетворению национально-культурных интересов граждан. Главной особенностью господствовавших в то время политических умонастроений было утверждение о превосходстве классового и второстепенности, подчиненности национального при социализме. Под прикрытием необходимости борьбы против «национал-уклонизма» и «буржуазного национализма» начались массовые репрессии против партийных государственных деятелей, представителей творческой интеллигенции.

Таким образом, в условиях советской власти многие народы обрели различные формы национальной государственности, преодолели социально-экономическую отсталость. Эти успехи в решении национального вопроса абсолютизировались, целые десятилетия сфера национальных отношений была вне критики, делался вид, что никаких проблем, противоречий здесь не существует. На общем фоне исторических достижений социализма в национальном вопросе были допущены серьезные ошибки, деформации и даже преступления. Они проявились в:

– разрыве форм национально-государственного строительства на Северном Кавказе с традициями, практикой межэтнических отношений в этом регионе, опытом дореволюционной России в целом;

– отсутствии четких критериев при выборе форм национальной государственности. В одной политической ситуации такими

критериями являлось право наций на самоопределение, в другой – экономическая целесообразность, а в третьей – политическая конъюнктура и т.д.;

– лишении целой группы народов Северного Кавказа (шапсуги, армяне, немцы, ногайцы, абазины и др.) какой-либо формы национальной автономии;

– извращении принципов федерализма в межнациональных отношениях, постепенном сужении суверенных прав республик и автономий (в частности, диктат ведомств, как центральных, так и местных, в сфере экономики, экологии, социального развития культуры, науки);

– нарушении социалистической законности в сфере межнациональных отношений (выселение отдельных народов, репрессии 1930–1940-х гг., необоснованные обвинения в национализме и шовинизме и др.), недостаточном внимании к развитию отдельных народностей и национальных групп

Примечания

1. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918), Горская республика (1918–1920). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 52.

2. Там же. С. 50.

3. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 39.

4. Сборник официальных документов по советскому государственному праву. М., 1964. С. 128.

5. Россия 1917–1941. Документы, материалы, комментарии / Сост. М.Н. Лукьянов. Пермь, 1993. С. 150.

6. Съезды народов Терека. 1918 г. Сборник документов и материалов. В 2 т. Орджоникидзе, 1977. Т. 1. С. 224.

7. Документы по истории борьбы за советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик, 1983. С. 139, 141.

8. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ, 1917–1941. Майкоп, 1995. С. 208.

9. Там же. С. 65.

10. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии, 1917–1922 гг. Нальчик, 1983. С. 624–625.

11. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. 201. Оп. 1. Д. 17. Л. 60–61; Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.

12. См.: Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп, 1995.

13. Собрание указов. 1995. № 11. С. 76; *Ансоков М.Г.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936 гг.). Нальчик, 1974. С. 207–210; *Коницев Ю.* Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973. С. 97–120.

14. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.-Р. 4085. Оп. 12-а. Д. 193. Л. 5.

15. Там же. Л. 3.

16. Конституция и конституционные акты РСФСР 1918–1937 гг. М., 1940. С. 90. Док. 48.

17. См.: ГАРФ. Ф.-Р. 1318. Оп. 25. Д. 3. Л. 90.

18. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994. С. 170.

19. Там же.

20. См.: *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Указ. соч. С. 178.

21. Там же. С. 180.

22. См.: ЦГА КБР. Ф.-Р. 8. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–6.

23. См.: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995.

24. ГАРФ. Ф.-Р. 235. Оп. 124. Д. 93. Л. 59.

25. См.: Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 245–280.

26. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). М., 1968. С. 447.

27. Там же. С. 450.

28. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 323.

29. *Коницев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973. С. 180.

30. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. М., 1993. Кн. 3. С. 103.

31. ЦГА КБР. Ф.-Р. 8. Оп. 2. Д. 61.

32. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Указ. соч. Кн. 3. С. 345.

A.I. Tetuev

NATIONAL POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE NORTH CAUCASUS: EXPERIENCE AND LESSONS (1917–1937)

In article the national policy of bolsheviks at different stages of socialist construction is considered. The specific character of the national-state construction on North Caucasus is analyzed. Achievements, mistakes and deformations in the national policy are shown.

Keywords: Bolsheviks, national policy, borders, autonomy, achievements, education, culture, economy, constitution, deformation.

О.Л. Опрышко

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЬБАХ ВСАДНИКОВ И ОФИЦЕРОВ КАБАРДИНСКОГО КОННОГО ПОЛКА (1917–1920 гг.)

В статье рассказывается о всадниках и офицерах Кабардинского конного полка, сформированного в 1914 г. из добровольцев – кабардинцев и балкарцев, для участия в составе российской армии в боевых действиях в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Воины полка отважно сражались на Юго-Западном и Румынском фронтах. После Октября 1917 г. большинство из них оказались в противостоящих политических лагерях и были вовлечены в трагические события Гражданской войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кабардинский конный полк, добровольцы, кабардинцы, балкарцы, всадники, офицеры, Октябрьская революция, Гражданская война.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. 24 июля (6 августа) в войну с Россией вступила союзница Германии Австро-Венгрия. Началась Первая мировая война.

Уже 24 июля, выражая патриотические чувства и готовность к защите Российского Отечества, съезд доверенных – почетных представителей Кабарды и Балкарии, собравшись в Нальчике, вынес решение о формировании из добровольцев конного полка для участия в боевых действиях в составе Русской армии¹.

К началу сентября 1914 г. полк с официальным наименованием Кабардинский конный полк был сформирован в Нальчике. В его четырех сотнях находилось 500 всадников (нижних чинов) кабардинцев и балкарцев – представителей всех сел Кабарды и обществ Балкарии².

В дальнейшем, в 1914–1917 гг., в полк прибывало пополнение в составе четырех запасных сотен, восполняя убыль личного состава в

потерях убитыми, ранеными, больными. Всего за годы войны в рядах Кабардинского конного полка прошло службу более 1300 человек.

В ходе боевых действий более 30 рядовых всадников – кабардинцев и балкарцев, за отличия в боях будут произведены в офицеры или направлены в военные училища и школы прапорщиков. Они пополняют офицерский состав полка.

7 сентября 1914 г. в Нальчике мулла Кабардинского конного полка, бывший кади Нальчикского округа Алихан Шогенов, добровольно поступивший на военную службу, привел всадников полка – мусульман, к присяге – «клятвенному обещанию» перед Кораном на верность военного служения России. Всадники клялись «не отступать от пролития крови нашей» и, если потребуется «жертвовать нашей жизнью до последнего вздоха»³.

Кабардинский конный полк вошел в состав прославившейся в Первой мировой войне «Кавказской туземной конной дивизии», сформированной целиком на добровольческих началах из народов Кавказа. В нее входили: Кабардинский, Черкесский, Ингушский, Чеченский, 2-й Дагестанский, Татарский (Азербайджанский) полки, вступившие в боевые действия в декабре 1914 г. на Юго-Западном фронте на территории Западной Украины, в Галиции.

Всадники и офицеры Кабардинского конного полка участвовали в боях с конца 1914 г. по июль 1917 г. в Галиции и Буковине, на Румынском фронте. За проявленное мужество более 500 всадников полка – кабардинцев и балкарцев, были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость» разных степеней, 11 из них стали полными Георгиевскими кавалерами, будучи удостоенными Георгиевских крестов 1, 2, 3, 4-й степеней⁴.

После Февральской революции 1917 г., когда под воздействием пораженческой пропаганды начался развал российской армии, Кавказская конная дивизия и входивший в ее состав Кабардинский полк, сохранились как боеспособные формирования с твердой воинской дисциплиной и верностью воинскому долгу⁵.

В середине октября 1917 г. полки Кавказской конной дивизии возвращались из России на Кавказ, на места их формирований. Тогда вернулся в Нальчик и Кабардинский полк, в составе 600 всадников и офицеров, по-прежнему оставшийся кадровой боеспособ-

собной воинской частью. Все резко изменилось после 25 октября, когда стало известно о том, что в Петрограде свершилась революция и власть перешла к большевикам. В полку, как и по всей стране, началось размежевание по политическим мотивам, многие всадники уходили со службы, возвращаясь в свои селения и аулы.

К середине марта 1918 г. полка уже фактически не существовало, ведь в его рядах оставалось немногим более 150 человек. В связи с провозглашением Советской власти на Тереке, затем в Кабарде и Балкарии, окончательное его расформирование произошло 25 марта.

Летом 1918 г. в стране разгорелась Гражданская война. Ареной борьбы противостоящих сил стал и Северный Кавказ, в том числе Кабарда и Балкария. В связи с этим стали непримиримыми противниками, разделившись на «красных» и «белых», те, кто еще недавно в рядах Кабардинского конного полка шли рядом плечом к плечу, по дорогам Первой мировой войны, сражаясь за Отечество.

Полковник Тембот Бекович-Черкасский, бывший помощник командира Кабардинского полка по строевой части, заслуживший в его рядах высшую военную офицерскую награду орден св. Георгия 4-й степени, в период Гражданской войны участвовал в Белом движении. С начала 1919 г. в чине генерал-майора он возглавлял белогвардейскую администрацию в Кабарде и Балкарии, командовал Кабардинской конной дивизией, ведущей боевые действия с частями Красной Армии и краснопартизанскими отрядами, в которых находились многие его бывшие однополчане. С 1920 г., после поражения Белого движения, Бекович-Черкасский окажется в эмиграции в Турции, затем во Франции⁶.

Мулла Кабардинского полка Алихан Шогенов за мужество в боях в 1915 г. был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, став единственным кавалером этой награды среди мусульманского духовенства Кавказской конной дивизии. Он был произведен в офицеры. В Гражданской войне поддержал Белое движение и погиб в 1920 г. при вступлении Красной Армии в Кабарду.

Командир сотни Кабардинского конного полка ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков, участник боев на Турецком и Юго-Западном фронтах, награжденный шестью боевыми орде-

нами, проявил себя как активный организатор борьбы против Советской власти. Командовал Кабардинской конной бригадой из двух полков. Погиб 27 августа 1919 г. под Царицыном и по-смертно произведен в генерал-майоры⁷.

Штабс-ротмистр Магомет Абаев, произведенный в офицеры из рядовых всадников за мужество в боях в рядах Кабардинского полка, был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней и шестью офицерскими орденами. Сражался с Красной Армией в составе Кабардинской конной бригады. Погиб в ночь на 6 января 1919 г. под Кисловодском⁸.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. заслужил знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест) 4-й степени Хацу Шериев. Находясь в Кабардинском конном полку, награжден Георгиевским крестом 3-й степени и произведен в чин подпрапорщика. Во время Гражданской войны – красный партизан. Погиб в 1919 г.

Али Инароков был произведен в офицеры после окончания Тифлисской школы прапорщиков, получил за участие в боях на фронтах Первой мировой войны четыре Георгиевских креста, став полным Георгиевским кавалером, а также четыре офицерских ордена и румынский орден. С 1918 г. служил в белогвардейской Кабардинской конной бригаде. Дослужился до чина штабс-ротмистра. Погиб под Кисловодском в январе 1919 г.

Урядник Хаджимурат Асанов, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени в войне с Японией в 1905 г., в 1917 г. в Кабардинском полку заслужил медаль «За храбрость». В 1919 г. стал одним из организаторов борьбы с белыми в Нальчикском округе. Был захвачен в плен и казнен в Нальчике.

Георгиевские кресты 3 и 4-й степеней получил в боях с японцами в 1905 г. Докшуко Астемиров. В рядах Кабардинского конного полка он был награжден крестами 1, 2-й степеней, став полным Георгиевским кавалером. Произведен в офицеры, награжден четырьмя орденами. Служил в Белой армии – Кабардинской конной дивизии. С 1920 г. находился в эмиграции, жил в Турции.

В составе Кабардинской конной дивизии участвовали в боях с красными войсками полные Георгиевские кавалеры – офицеры

Исмаил Тхазеплов, Кушби Ахохов, подпрапорщики Тита Баждугов, Хазеша Диков, ушедшие в 1920 г. в эмиграцию, офицер Мисост Коголкин и подпрапорщик Берд Хапцев, ставшие жертвами политических репрессий в СССР.

Кавалер трех Георгиевских крестов и медалей «За храбрость» 3, 4-й степеней урядник Ахмед Дзамихов в апреле 1919 г., находясь в составе 4-го полка Кабардинской конной дивизии, стоявшего в селении Муртазово «для укомплектования», перешел на сторону Советской власти и увел целую полковую сотню к красным партизанам. Вскоре погиб в бою с белыми.

В боевую историю Кабардинского конного полка в период Первой мировой войны вписали свои имена поручик Хакаяша Докшоков – участник войны с Японией, награжденный двумя Георгиевскими крестами, а в 1915–1917 гг. произведенный в офицеры, удостоенный шести орденов, поручик Чепеллеу Урусбиев, окончивший Чугуевское военное училище, награжденный четырьмя орденами, урядник Пшикан Охов, отмеченный двумя Георгиевскими крестами и двумя медалями «За храбрость», поручик Науруз Наурузов, кавалер Георгиевского креста и шести орденов, урядник Келлет Ульбашев, офицеры Ибрагим Лафишев, Хабиж Абдурахманов и Ибрагим Биев, урядники Кучук Балкаров, Мажид Шадов, юнкер Туган Кудашев. После Октябрьской революции они оказались участниками Гражданской войны, сражаясь по разные стороны политического противостояния.

Штабс-ротмистр Хакаяша Докшоков, офицер Кабардинской конной дивизии, погиб в бою с красноармейцами в 1919 г., штабс-ротмистр Чепеллеу Урусбиев после разгрома Белого движения, в 1920 г. оказался в эмиграции в Турции⁹. Урядник Пшикан Охов с лета 1918 г. в составе Мало-Кабардинского революционного полка участвовал в борьбе с белогвардейцами в Кабарде, в районе Пятигорска и Минеральных Вод. Он попал в плен к белым и был казнен. Штабс-ротмистр Науруз Наурузов погиб в бою с краснопартизанским отрядом в марте 1920 г. под Нальчиком во время отступления.

Урядник Келлет Ульбашев, награжденный Георгиевскими крестами 3, 4-й степеней и представленный ко 2-й степени Георгиевского креста, командовал Балкарским революционным полком, ко-

торый вел боевые действия в Кабарде и Балкарии. При Советской власти находился на руководящей работе, с 1930 по 1935 г. – председатель Кабардино-Балкарского областного исполкома. Впоследствии был репрессирован и умер в 1938 г. ссылке в Алтайском крае¹⁰.

Офицеры Кабардинского конного полка Хабиж Абдурахманов, Ибрагим Биев, Ибрагим Лафишев начинали военную службу рядовыми всадниками, за мужество в боях награждены Георгиевскими крестами и орденами. Во время Гражданской войны вступили в Кабардинскую конную дивизию. После поражения Белого движения штабс-ротмистр Хабиж Абдурахманов с 1920 г. стал эмигрантом, жил в Турции, Болгарии. Корнет Ибрагим Биев, оставшийся после разгрома Белой армии на родине, в 1920 г. был репрессирован.

Эмигрировал и корнет Ибрагим Лафишев, награжденный в Первую мировую войну Георгиевскими крестами 3,4-й степеней и «солдатским» Георгиевским крестом, специально установленным Временным правительством в 1917 г. для награждения офицеров за совершенный ими в бою подвиг. В эмиграции жил в Турции, США.

Урядник Кучук Балкаров, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени в Русско-японскую войну, в рядах Кабардинского конного полка в 1916 г. заслужил Георгиевский крест 3-й степени. С марта 1918 г. встал на сторону Советской власти и воевал с белогвардейцами.

Урядник Мажид Шадов, кавалер Георгиевских крестов 2, 3, 4-й степеней, представленный к кресту 1-й степени, с 1918 г. участвовал в Белом движении. В рядах Кабардинской конной дивизии произведен в подхорунжие. С 1920 г. находился в эмиграции в Турции.

Урядник Туган Кудашев за боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в чин юнкера. С 1918 г. в составе краснопартизанского отряда участвовал в боях с белогвардейцами. С установлением Советской власти служил в органах ОГПУ – НКВД, находился на хозяйственной работе. Был репрессирован в 1937 г., расстрелян.

Таким образом, Октябрьская революция в России и последовавшая за ней Гражданская война, вызвали в российском об-

пестве масштабное политическое размежевание, имевшее трагические последствия. И это отчетливо видно на примере судеб всадников и офицеров Кабардинского конного полка.

Примечания

1. Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28.
2. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 37. Л. 37–39.
3. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп.1. Д. 8. Л. 64.
4. *Опрышко О.Л.* Кабардинский конный полк в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Казаки и горцы в Первой мировой войне. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 18–19 сентября 2014 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д., 2014. С. 133–139.
5. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Нальчик, 2012. С. 325.
6. ЦГА КБР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
7. Российский государственный военный архив Российской Федерации (далее – РГВА). Ф. 39803. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
8. РГВА. Ф. 39803. Оп. 11. Д. 11. Л. 11.
9. ЦГА КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 3. Л. 28 об.
10. Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Сборник документов и материалов / Сост. О.Л. Опрышко. Нальчик, 2014. С. 194.

O.L. OPRYSHKO

THE OCTOBER REVOLUTION IN THE LIVES OF THE RIDERS AND OFFICERS OF THE KABARDIAN CAVALRY REGIMENT (1917–1920)

The article describes the riders and the officers of the Kabardian cavalry regiment, formed in 1914 from volunteers of the Kabardinians and Balkars, to participate in the Russian army in the fighting during the First world war of 1914-1918. Soldiers of the regiment fought bravely on the southwest and Romanian fronts. After October 1917, the majority of them were in opposing political camps and was involved in the tragic events of the Civil war.

Keywords: First world war, the Kabardian cavalry regiment, volunteers, Kabardians, Balkars, horsemen, officers, the October revolution, the Civil war.

А.Х. Кармов

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируются основные события на Северном Кавказе после победы Февральской революции до провозглашения власти Совета Народных Комиссаров на Тереке 4 марта 1918 г. Этот период характеризуется поляризацией общественно-политических сил, столкнувшихся в вооруженной борьбе в годы Гражданской войны.

Впервые вводится в научный оборот архивный документ, проливающий свет на убийство атамана Терского казачества М.А. Караулова.

Ключевые слова: революция, гражданские исполнительные комитеты, советы, демократия, федерация, горская интеллигенция, М.А. Караулов, Юго-Восточный Союз, Горская республика.

Победа Февральской революции положила начало процессу распада Российской империи и установлению двоевластия в стране, обернувшееся на Северном Кавказе «многовластием», все больше перераставшим в анархическое безвластие и вызвавшим к жизни различные формы организаций общественно-политических сил в регионе. Одной из них явился Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, созданный на I съезде горских народов (1–10 мая 1917 г.). Его образование было обусловлено местными политическими реалиями – с одной стороны, и отношением Центра к национальным окраинам – с другой. Они проявились, прежде всего, в том, что ни буржуазно-либеральное правительство Г.Е. Львова, ни правительство умеренных социалистов А.Ф. Керенского не интересовали дела национальных окраин. Правительственный комиссар М.А. Караулов, сам казак Терского казачьего войска, как только приехал во Владикавказ, тотчас же стал зани-

маться казачьими делами и вскоре был избран атаманом Терского казачьего войска¹. По существу горские народы Кавказа оказались перед необходимостью выбора пути социально-экономического, политического и культурного развития после февраля 1917 г.

Для реализации этой идеи в начале марта 1917 г. представители горской интеллигенции собрались во Владикавказе. 5–6 марта они провели совещание, на котором обсуждалась общественно-политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе и Дагестане после Февральской революции в общероссийском политическом контексте. Здесь же было принято решение о необходимости объединения всех горских народов и создания революционно-демократической власти в Терской области с участием представителей всех горских народов Кавказа.

В первый день работы совещание делегировало Б. Шаханова, С. Габиева и М. Джабагиева во Владикавказскую думу, которая заседала в это же время и обсуждала сложившуюся политическую ситуацию после Петроградских событий. Делегаты совещания представителей горской интеллигенции потребовали от городской Думы предоставить места в исполнительном комитете.

После острой дискуссии горцам было выделено четыре места, и в тот же день, 5 марта 1917 г., исполнительный комитет Владикавказской городской думы был преобразован во Временный Терский областной Гражданский исполнительный комитет во главе с комиссаром Терской области, депутатом Государственной Думы М.А. Карауловым².

6 марта были произведены выборы во Временный Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который возглавил Б. Шаханов. Собрание приняло постановление о созыве съезда горских народов Северного Кавказа для решения вопроса о национально – государственном строительстве.

Следует подчеркнуть, что характерной особенностью советской историографии периода революции и Гражданской войны явилось определение участников этих процессов как двух непримиримых классов – буржуазии и пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством, которые формализовались в идеологической оболочке – «белые и красные». Она игнорировала наличие соци-

альных и политических сил в обществе, которые не разделяли политику ни белых, ни красных. В советской историографии укоренилась мысль о том, что на Северном Кавказе в феврале 1917 г. «революции» в собственном смысле не было, а произошла только незначительная смена административных лиц³. Однако весь ход последовавших за ней исторических событий на Северном Кавказе свидетельствовал об обратном. Именно Февральская революция всколыхнула широкие слои горских народов Северного Кавказа, дала им возможность сделать свой выбор в организации государственной власти на Северном Кавказе и в Дагестане.

Развернувшийся революционный процесс на Северном Кавказе диктовал необходимость формирования новых органов местной власти. В связи с этим с 4 по 27 марта 1917 г. были созданы Грозненский, Ингушский, Дагестанский, Осетинский и Нальчикский Временные окружные Гражданские исполнительные комитеты, а также Войсковое правительство Терского Казачьего войска. Атаманом последнего стал М.А. Караулов.

Параллельно шел процесс создания и становления Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В течение марта 1917 г. Советы возникли в Грозном, Владикавказе, Пятигорске, Моздоке, Кисловодске, Минеральных Водах, Нальчике и Прохладном. Был создан Терский областной Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с правым эсером Мамуловым.

Если в феврале-марте 1917 г. общероссийские политические организации (особенно РСДРП(б)) на Северном Кавказе не играли заметной роли в расстановке политических сил, то после апрельских тезисов В.И. Ленина и VII Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) партия большевиков берет курс на завоевание масс как в Центре, так и на местах. В соответствии с решением партийной конференции об усилении влияния большевиков среди населения, на Северный Кавказ была прислана большая группа профессиональных революционеров, среди которых был и Ной (Самуил Григорьевич) Буачидзе.

В этих условиях шла подготовка и проведение I съезда представителей горских народов Северного Кавказа и Дагестана (1–9 мая 1917 г.), в рамках которого обсуждался широкий круг

вопросов, связанных с решением национально-политических, судебно-административных, аграрных, образовательных, финансовых и других вопросов.

Съезд выразил свою поддержку Временному правительству и принял постановление о присоединении к русской демократии, требующей завершения войны без аннексии и контрибуции⁴. Он принял Политическую программу и Конституцию Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, в которых красной нитью проходит идея возрождения горских народов в составе Российской Федеративной Демократической Республики на основе широкой административно-территориальной автономии.

В дни работы съезда, 5 мая Президиум 2-го Войскового Круга Терского Казачьего Войска обратился с предложением в Президиум съезда горских народов о проведении совместного совещания для «выработки мер по урегулированию общих сторон жизни казаков и горцев в новых условиях общерусской политической жизни»⁵. Совместное совещание состоялось в тот же день под председательством Б. Шаханова, и приняло постановление, направленное на укрепление дружбы и добрососедских отношений между казаками и горцами.

С 18 по 20 мая 1917 г. состоялся съезд представителей народов Терека, на котором было утверждено Положение о временном самоуправлении Терской области. На съезде было избрано новое руководство Терского областного Гражданского исполнительного комитета – органа власти Временного правительства на Тереке. Его председателем стал П.Т. Коцев, присяжный поверенный Екатеринодарского окружного суда, один из лидеров Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана.

В Положении о временном самоуправлении было закреплено, что областной Гражданский исполнительный комитет является высшей исполнительной властью на Тереке, целиком и полностью руководствуется распоряжениями и решениями Временного правительства и ставит своей задачей объединение и согласование деятельности Советов и комитетов как по отделам и округам Терской области, так и по городам⁶.

Таким образом, в марте 1917 г. на Северном Кавказе была сконструирована структура вертикальной власти: сельские, городские, окружные и областные гражданские исполнительные комитеты. Однако она работала малоэффективно, поскольку Союз объединенных горцев и правительство Терского Казачьего Войска не отстаивали интересы всей Терской области в целом, а лишь только национальные и сословные интересы каждого в отдельности. Такая политика явно противоречила программной установке I съезда горских народов Кавказа. Для решения этих и других неотложных задач появилась необходимость созыва II съезда Союза объединенных горцев. Он открылся 19 августа в высокогорном ауле Анди. По словам одного из очевидцев и участников тех событий М.-К. Дибирова, на съезд было приглашено большое количество гостей, и, согласно ожиданиям его организаторов, он должен был быть большим и торжественным. Вместо этого получился конфуз. Узун-Хаджи, прибывший в Анди с большой группой сторонников, до официального открытия съезда объявил Н. Гагинского имамом Дагестана и Северного Кавказа. Удивленные и напуганные странными действиями алимов и шейхов, представители интеллигенции покинули Анди. Так закончился несостоявшийся съезд. Осознав возможные негативные последствия объявления Н. Гагинского имамом, сторонники последнего переименовали имама в «муфти»⁷.

Прерванный съезд возобновил свою работу 20 сентября во Владикавказе. На этом съезде по существу была принята вторая Конституция, в которой нашли отражение все изменения в социально-экономической и политической жизни горцев Северного Кавказа между двумя съездами. В соответствии с новой Конституцией «...Дагестанский областной исполнительный комитет, Терский областной исполнительный комитет (Горская фракция), Кубанский областной горский комитет, народные, окружные и городские комитеты являются местными органами Центрального Комитета»⁸. Таким образом, мы можем констатировать, что с принятием новой Конституции, Союз объединенных горцев получил статус местного горского правительства в рамках Российской федерации. На этом съезде было принято решение о не-

обходимости создания автономии горцев Северного Кавказа на федеративных принципах, с тем, чтобы федеративная автономия горских народов Северного Кавказа стала полноправным членом Российской Федеративной Демократической Республики. В связи с этим на съезде была образована конституционная комиссия из семи членов «для составления проекта Конституции союза горцев Кавказа, как федеративный союз Российских государств»⁹. Тем самым делегаты съезда горских народов еще раз продемонстрировали свою решимость в отстаивании завоеванной свободы в составе Российской демократической республики на принципе федерации. Такая позиция была близка атаману Терского казачества М.А. Караулову, который выразил надежду, что казаки и горцы будут вместе в Учредительном собрании России»¹⁰.

После июльских событий и ликвидации двоевластия усилился процесс поляризации политических сил на Северном Кавказе.

Зародившаяся в Совете Союза казачьих войск идея «сбирания русских земель с окраин» была оглашена на заседании Кубанской Войсковой рады 24 сентября одним из ее идеологов Новосильцевым¹¹. В это же время (20–25 сентября 1917 г.) в Екатеринодаре состоялась конференция Казачьих войск и Союза горских народов. Она приняла резолюцию «О федеративном строе российской демократической республики и образовании Союза Юго-Восточных федеративных областей».

Очередная конференция состоялась с 15 по 20 октября 1917 г. во Владикавказе. Она завершилась подписанием Союзного договора. В нем провозглашалась главная цель – «способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в государстве Российском, а также обеспечить членам Союза их неприкосновенность, поддержать внутреннее спокойствие, поднять общее благосостояние и тем закрепить завоеванные революцией благодетия свободы»¹².

От имени Союза объединенных горцев договор подписали П.Т. Коцев, Б.К. Далгат, В.-Г. Э. Джабагиев, И.В. Баев.

Заметную роль в создании Юго-Восточного Союза сыграл атаман Терского казачества М.А. Караулов. Однако Союз не оправдал надежды его организаторов. Ни одну из поставленных задач

в союзном договоре он не реализовал. «Безвластие и бессилие областных правительств, отсутствие денежных средств и вооруженной силы, а главное – опоры в народной массе лишили это начинание казачьей интеллигенции всякого реального значения»¹³, – писал по этому поводу Деникин. Между тем шел процесс углубления общероссийского кризиса, приведшего к свержению Временного правительства в октябре 1917 г. Резко обострилась общественно-политическая ситуация и на Северном Кавказе.

8–9 ноября 1917 г. во Владикавказе состоялось чрезвычайное совещание, на котором были приглашены представители Терского казачьего войска, Союза объединенных горцев, Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, а также представители городского самоуправления. Обсуждался вопрос об организации власти на Северном Кавказе. Предложенные проекты организации власти на основе создания горской и казачьей автономий или конструкции исполнительной власти региона на основе коалиции всех групп населения края были отвергнуты большевиками, но сами они не могли предложить никакого решения. В связи с этим 15 ноября 1917 г. М.А. Караулов объявил о своем вступлении в управление казачьим населением Терской области. В тот же день, т.е. 15 ноября ЦК Союза объединенных горцев объявил о создании Горского правительства из своей среды.

5 декабря была опубликована совместная декларация Войскового правительства и Союза объединенных горцев о создании Терско-Дагестанского правительства, территорий ставших «автономными штатами» Юго-Восточного союза.

Между тем, шел процесс дальнейшего обострения отношений между казаками и горским населением Терека, которое, в конечном итоге поставило Северный Кавказ на грань гражданской смуты. В этот критический момент 13 декабря 1917 г. на станции Прохладная был убит атаман Терского казачества, глава Терско-Дагестанского правительства М.А. Караулов.

Постановлением Войскового Круга 18 декабря 1917 г. была образована следственная комиссия для расследования обстоятельств убийства войскового атамана М.А. Караулова. В ее со-

став вошли: депутаты Круга М.С. Назаренко, Ф.И. Косяченко, К.И. Сопронов и войсковой юрист-консульт. Приступив к следственным мероприятиям, комиссия опросила ряд лиц в г. Владикавказе, после чего депутаты разъехались на съезды казачьих отделов Терского казачьего войска. После этого депутаты М.С. Назаренко и Ф.И. Косяченко не вернулись во Владикавказ, а К.И. Сопронов сложил с себя депутатские полномочия и вышел из состава следственной комиссии.

В это время во Владикавказе при загадочных обстоятельствах вспыхнул пожар, в результате которого сгорела владикавказская тюрьма. Все лица, задержанные по делу об убийстве атамана, были освобождены с остальными заключенными¹⁴. В этих условиях следствие зашло в тупик и было прекращено.

Приведенный материал не дает ясную картину разыгравшейся трагедии на станции Прохладная. Он только лишним раз подтверждает слова главы правительства Юго-Восточного Союза В.А. Харламова о предательском и провокационном характере этого злодеяния¹⁵.

Существуют разные версии относительно этой трагедии. Одни утверждали, что это дело рук большевиков, другие – заговор недовольных казаков миролюбивой политикой атамана по отношению к горцам. Так или иначе, тайна убийства М.А. Караулова остается за семью печатями.

После убийства М.А. Караулова и провозглашения власти Народных Комиссаров на II съезде народов Терека, Терско-Дагестанское правительство распалось. Тем самым была похоронена иллюзия горской либерально-демократической интеллигенции о возможности строительства новой Федеративной демократической России равноправных народов.

До провозглашения Советской власти на Тереке не мыслилось существование горских народов Кавказа вне российской государственности. Однако решение II съезда подтолкнуло руководителей Союза горских народов на путь отделения Северного Кавказа и Дагестана от большевистской России и провозглашения «независимости» Горской (Северокавказской) республики 11 мая 1918 г.

Таким образом, в период между двумя революциями выкри-

сталлизовывались те общественно-политические силы, которым было суждено столкнуться в вооруженной борьбе в годы Гражданской войны на Северном Кавказе.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-Алания). Ф. 9. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.
2. *Какагасанов Г.И.* Первые съезды горцев Северного Кавказа и Дагестана // Сборник материалов научно-практической конференции «История горских народов Кавказа (1917–1920 гг.) и независимая Горская Республика 11 мая 1918 г.». Махачкала, 1992. С. 11; Сердало. 1991 г. 21 декабря. № 151.
3. *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1927. Т. 1. С. 109.
4. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 2013. С. 27.
5. Там же.
6. Терский вестник. 1917 г. 3 июня.
7. *Дибиров М-К.* Гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1997. С.29; Союз объединенных горцев... С. 40.
8. Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны. Перевод с французского языка на русский. Нальчик, 2006. С. 116, 121.
9. Там же.
10. Союз объединенных горцев... С. 19.
11. *Янчевский Н.Л.* Указ. соч. С. 124, 125.
12. ЦГА РСО – Алания. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 77, 78.
13. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 2005. Кн. 2. Т. 2. С. 186.
14. ЦГА РСО – Алания. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 16 об.
15. Там же.

A.Kh. Karmov

PUBLIC-POLITICAL SITUATION IN THE NORTHERN CAUCASUS ON THE EVE OF THE OCTOBER REVOLUTION

The article analyzes the main events in the North Caucasus after the victory of the February Revolution before the proclamation of the power of the Council of People's Commissars on the Terek on March 4, 1918. This period is characterized by the polarization of socio-political forces confronted in the armed struggle during the Civil War.

For the first time, an archival document is introduced into the scientific circulation, shedding light on the murder of the ataman of the Terek Cossacks M.A. Karaulov.

Keywords: revolution, councils, democracy, federation, mountain intelligentsia, M.A. Karaulov, South-Eastern Union, Mountain Republic.

Е.Г. Муратова, Ю.А. Ортанова

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ**

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников исследована история создания исторических кафедр Кабардино-Балкарского пединститута и показан вклад советских историков в их становление в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт, Кабардино-Балкария, кафедра истории СССР, историческое образование, Великая Отечественная война.

2017 год является юбилейным в истории становления высшего образования в Кабардино-Балкарии. 85 лет исполняется со дня основания Кабардино-Балкарского государственного педагогического института и 60 лет со дня основания Кабардино-Балкарского государственного университета. Несмотря на наличие юбилейных изданий¹ и нескольких специальных работ², история становления и развития отдельных подразделений Кабардино-Балкарского государственного университета, как представляется, остается еще недостаточно изученной.

В данной статье мы попытаемся осветить историю создания исторических кафедр Кабардино-Балкарского педагогического института и формирование их профессорско-преподавательского состава, а также показать успехи и трудности исторического образования в республике в годы Великой Отечественной войны.

Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт был открыт в 1932 г. В 1934 г. при пединституте был основан учительский институт с двухгодичным сроком обучения,

открытие которого связано с развитием школьного образования в республике. Тогда же в педагогическом и учительском институтах было образовано историческое отделение и создана кафедра истории, на которой числились преподаватели отечественной и всеобщей истории. Эти преобразования осуществлялись в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», а также с Постановлением ЦК ВКП(б) от 9 июня 1934 г. «О введении в начальной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР»³.

Как и для всей страны, период Великой Отечественной войны был временем тяжелых испытаний для Кабардино-Балкарского пединститута. В октябре 1941 г. на обращение антифашистского митинга ученых в Москве последовали отклики всей советской интеллигенции. Заверение профессорско-преподавательского состава Кабардино-Балкарского пединститута о том, что «всю свою работу коллектив еще теснее свяжет с нуждами Великой Отечественной войны», наряду с другими подписали и преподаватели-историки: доцент, кандидат наук Ч.А. Бекузаров, ст. преподаватели А.М. Щеголев, И.Ф. Мужев⁴. По сообщению последнего в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария», в декабре 1941 г. «профессорско-преподавательский коллектив Пединститута дружно провел подписку на денежно-вещевую лотерею»⁵.

В период немецкой оккупации Кабардино-Балкарии педагогический институт временно прекратил свою работу. Но уже 15 апреля 1943 г. после изгнания фашистских захватчиков с территории республики занятия в институте возобновили 127 студентов.

Насколько тяжелыми были условия работы и учебы в военное время можно судить из отчета Кабардинского государственного пединститута за 1943–1944 учебный год. «В учебном здании и общежитии не действовали центральное отопление, водопровод и канализация. Электроэнергию институт получил только с января 1944 года. Из-за недостатка электропровода и лампочек восстановить электроосвещение удалось лишь в 10 комнатах

учебного здания (из 95) и во всех комнатах общежития... В силу необходимости пришлось складывать в аудиториях и кабинетах временные кирпичные печи с выводом труб в окна. Всего было построено 57 печей. Из-за недостатка топлива и поздней его перевозки отдельные кабинеты и аудитории отапливались только в самое холодное время января-февраля месяцев. Общежитие студентов отапливалось почти бесперебойно. Исключительно тяжелым было положение с учебной мебелью... Студенты вынуждены, переходя из одной аудитории в другую, переносить с собой мебель»⁶.

Бюро Обкома ВКП(б) вынесло ряд важных постановлений для восстановления деятельности пединститута. Учебная и научная литература, в которой больше всего нуждались студенты и преподаватели исторического факультета, была пополнена из фонда центральной библиотеки. К концу 1944–1945 учебного года библиотека имела всего 20170 книг, что более чем в три раза меньше количества книг до оккупации⁷.

Что касается восстановления учебных корпусов и помещений, то и в этой области были приняты соответствующие решения. Был увеличен лимит электроэнергии для жилого дома научных работников и учебного здания пединститута. Районы республики были обязаны оказать практическую помощь пединституту посредством предоставления транспорта для доставки дров. Ответственность по изготовлению мебели, а также ремонту приборов и инструментов специальных учебных лабораторий была возложена на Наркомместпром республики и мебельную фабрику «Чинар» в счет производственного плана первого полугодия 1945 г. Также пединституту было выделено подсобное хозяйство общей площадью 30 га из земельной площади, принадлежавшей республиканской колхозной школе. А Наркомат земледелия Кабардинской АССР предоставил некоторые предметы рабочего инвентаря – два конных плуга, две бороны и одну сенокосилку⁸.

Таким образом, важнейшими вопросами жизнедеятельности КБГПИ после изгнания фашистов с территории республики были: укрепление материальной базы, подбор профессор-

ско-преподавательских кадров и проведение нового набора в институт. В летнее время 1943 г. институт не имел каникул с целью наверстать упущенное в период временной оккупации⁹.

В составе преподавателей института на тот период числился всего 31 человек. При этом в институте недоставало: зав. кафедрой марксизма-ленинизма, профессора или доцента по кафедре истории СССР, профессора или доцента по истории древнего мира, профессора и доцента психологии. Наркомпрос РСФСР направил на работу в институт доцента древней истории в порядке перевода его из Саратовского пединститута, однако он не приехал¹⁰.

В апреле и октябре 1943 г. первый после временной оккупации прием студентов на историческое отделение составил 94 человека. В результате ликвидации учебной базы в условиях войны единственным источником усвоения и углубления знаний студентов по истории стала лекция. Поэтому совершенствовалась методика чтения лекций, менялась их структура, вводились дополнительные занятия. При вновь восстановленном кабинете истории постоянно работала группа опытных преподавателей-консультантов¹¹.

Среди мероприятий, направленных на улучшение подготовки национальных кадров Кабардинского государственного пединститута для школ Кабардинской АССР в сложные военные годы, планировалась кардинальная перестройка учебного плана и привлечение квалифицированных «педагогических кадров как из коренного состава населения, так и из русских». Согласно составленному плану, предполагалось для чтения курса истории кабардинского народа пригласить на два семестра из Москвы профессора Г.А. Кокиева, а «для обеспечения в будущем чтения таких дисциплин, как история Кабарды и история кабардинского языка, обязать одного из преподавателей пединститута в области истории подготавливаться под руководством проф. Кокиева, и в области истории языка одного преподавателя подготавливаться под руководством доцента Турчанинова»¹².

Из отчета о работе пединститута за 1943–1944 учебный год становится известно, что в течение года на работу в институт

прибыли доцент новой истории, доктор исторических наук В.П. Антонова, профессор истории СССР, доктор исторических наук Г.А. Кокиев и доцент древней истории, кандидат исторических наук А.В. Дмитрев¹³.

Валентина Петровна Антонова была родом из Кировской области. После окончания пединститута им. А.И. Герцена в 1931 г. она была принята в аспирантуру Ленинградского государственного университета, где в 1938 г. защитила кандидатскую диссертацию. До немецкой оккупации региона В.П. Антонова работала доцентом в эвакуированном в Ессентуки пединституте им. М.Н. Покровского, затем поступила на работу в КБГПИ¹⁴.

С апреля 1944 г. на кафедре истории СССР Кабардинского пединститута в качестве профессора и заведующего кафедрой работал Георгий Александрович Кокиев, и здесь его ждала весьма напряженная деятельность. Из отчета о работе Кабардинского государственного педагогического и учительского института за 1943–44 учебный год становится известно, что в условиях военного времени и дефицита педагогических кадров имело место «по историческому факультету недовыполнение учебного плана ...главным образом по истории СССР, вследствие того, что на I и II курсах пединститута этот курс в первом семестре совсем не читался. Во втором семестре приехавший в институт профессор Кокиев при самой максимальной нагрузке не смог выполнить годовой план». Также в этом документе отмечено, что «профессор Кокиев читал яркие, насыщенные богатым фактическим материалом лекции по истории СССР, чем поднял интерес студентов к этой важнейшей дисциплине»¹⁵.

С целью изучения истории и культуры Кабарды в пединституте планировалось проводить ежегодные научные конференции. Также профессору Г.А. Кокиеву было поручено немедленно приступить к составлению учебного пособия по истории для студентов, «определить срок составления учебников в один год»¹⁶.

В конце учебного года, 23 июня 1944 г., в пединституте была проведена научная конференция, посвященная 100-летию со дня смерти Шоры Ногмова. Перед большой аудиторией с широким участием студенчества, партийных и общественных ор-

ганизаций, представителей других республик и интеллигенции Нальчика профессор Г.А. Кокиев выступил с докладом «Ш. Ногмов как историк и просветитель кабардинского народа». Также на этой конференции был заслушан доклад доцента Г. Турчанинова «Жизнь и деятельность Шоры Ногмова». Таким образом, в это время жизнь и научная деятельность первого кабардинского историка и просветителя подверглась всестороннему изучению и популяризации. Всего же Г.А. Кокиев и Г. Турчанинов опубликовали 11 статей о Ногмове в газете «Кабардинская правда». Также Г.А. Кокиев издал большую брошюру об этом просветителе¹⁷. По оценке Т.Х. Кумыкова, «работы Г.Ф. Турчанинова и Г.А. Кокиева о Ногмове, опубликованные во время войны, явились данью глубокого уважения к труженику науки и имели большое воспитательное значение»¹⁸.

При оформлении на работу в Кабардинский пединститут Г.А. Кокиев представил список своих основных работ, насчитывающий 32 наименования. Это был солидный научный задел. Благодаря его исследованиям впервые были раскрыты основополагающие вопросы социальной истории кабардинцев и балкарцев, их взаимоотношений с соседними народами и Россией, введены в научный оборот отдельные документы Посольского приказа. Условия военного времени во многом определили тематику научных исследований Г.А. Кокиева в рассматриваемый период. В частности, в одной из своих работ, опубликованной на страницах журнала «Вопросы истории» в 1944 г., разбору и критике подверглась теория Гакстгаузена об арийском происхождении осетин. По этому поводу Г.А. Кокиев заключил: «На теории Гакстгаузена об арийском происхождении осетин, как не выдерживающей никакой научной критики, в другое время и при других обстоятельствах не стоило бы и останавливаться. Но поскольку немецкие фашисты выкинули расистский лозунг: «Арийцы всех стран, соединяйтесь!», постольку разоблачение этой, с позволения сказать, теории Гакстгаузена и его последователей приобретает сейчас политическое значение»¹⁹. В этой же статье Г.А. Кокиев одним из первых показал героические события битвы за Кавказ и изгнание фашистов с берегов Терека:

«24 декабря того же 1942 года, по приказу Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина Красная Армия перешла в наступление. Решающее сражение было дано в долине Терека и Ардона, на территории плоскостной Осетии. На территории Осетии фашистские войска были остановлены, здесь же начался и их разгром»²⁰. Тема дружбы народов и совместной борьбы против иноземных захватчиков получает историческое обоснование и красной нитью проходит также в рецензии Кокиева на работу Кикодзе Геронти «Ираклий Второй»²¹. Таким образом, в тот период изучение исторических вопросов тесно увязывалось с решением идеологических и пропагандистских задач военного времени.

Г.А. Кокиев числится среди первых профессоров и заведующих кафедрой истории СССР Кабардинского государственного пединститута, и в этой должности он оказал значительное влияние на процесс становления и развития высшего исторического образования в вузе. Однако в апреле 1949 г. ученый был репрессирован. Дальнейшая судьба Г.А. Кокиева сложилась трагично: в 1955 г., находясь в одном из гуглаговских лагерей, он умер от разрыва сердца. Был реабилитирован посмертно²².

Здесь следует отметить, что в военный период уровень профессорско-преподавательского состава исторических кафедр значительно вырос, благодаря прибывшим в пединститут ученым. Так, например, Александр Дмитриевич Дмитрев был типичным представителем старой дореволюционной школы, ученым, стоящим у истоков советского антиковедения. Еще до революции он был командирован в качестве профессорского стипендиата в Русский археологический институт в Константинополе. Там, под руководством выдающегося византолога, академика Ф.И. Успенского, А.Д. Дмитрев начал заниматься проблемами античности и ранней Византии, принимал участие в научных экспедициях института в Сирию, Малую Азию и Грецию, о которых впоследствии увлеченно рассказывал на своих лекциях. После возвращения на родину А.Д. Дмитрев работал научным сотрудником Московского областного архивного управления и Московской исторической библиотеки, а с 1936 по 1942 гг. –

доцентом и зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков в Сталинградском педагогическом институте (вплоть до эвакуации института в 1942 г.). В 1943 г. Наркомпрос направил его в Нальчик в Кабардинский педагогический институт. Здесь Александр Дмитриевич начал работу над докторской диссертацией «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров». Этой темой до него ни в зарубежном, ни в отечественном антиковедении никто не занимался²³. На научной конференции Кабардинского пединститута в 1944 г. он выступил с докладом на тему: «Сикарии (из истории революционных движений в Римской Иудее)». В русле господствовавших в то время концепций общественного развития, среди которых был тезис о «революции рабов, с грохотом опрокинувших Рим» (как однажды выразился И.В. Сталин), А.Д. Дмитриев обосновал историческую роль сикариев «как представителей угнетенных и эксплуатируемых народных масс». Сикарии, по оценки докладчика, – «это народные мстители и революционеры античного мира, которые вели открытую вооруженную борьбу против социального и национального угнетения»²⁴. Позднее специалисты отметили интересный подход, который представил А.Д. Дмитриев в своих исследованиях, рассматривая «революцию рабов» в разных частях Западной Римской империи и сравнивая ее ход по регионам.

Тогда же на конференции 1944 г. были определены и приоритетные направления в области исторических исследований: среди важных тем, требующих научной разработки, названы история кабардинского народа и актуальные вопросы, выдвинутые Великой Отечественной войной²⁵.

Среди сотрудников кафедры истории, трудившихся в КБГПИ еще с довоенного времени, следует назвать: заведующего кафедрой, кандидата исторических наук, выпускника Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) Ч.А. Бекузарова; выпускника института Красной профессуры, доцента С.А. Комиссарова; старшего преподавателя Е.П. Вихореву, получившую образование в Москве на историко-филологическом факультете еще до революции²⁶, а также молодого сотрудника

И.Ф. Мужева, окончившего в 1937 г. МИФЛИ по специальности история народов СССР и с 1938 г. работавшего в педагогическом институте. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. он был секретарем партийной организации пединститута, являлся зам. директора по заочному обучению и по совместительству продолжал работать старшим преподавателем кафедры истории СССР. В рассматриваемый период И.Ф. Мужев работал над кандидатской диссертацией «Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г.», его сообщения по этой теме неоднократно заслушивались на научно-теоретических конференциях института²⁷.

Потребностями военного времени определялось все содержание деятельности преподавателей исторических кафедр КБГПИ. Как и по всей стране, историки института, стремясь внести свой вклад в идейную мобилизацию народа на борьбу с врагом, обращались прежде всего к героическим страницам отечественной истории, укрепляли веру народа в скорую и неизбежную победу в Великой Отечественной войне. Эта работа находила свое отражение не только в учебных и воспитательных мероприятиях, но и в широкой лекторской деятельности. На предприятиях, в колхозах, учреждениях и военных частях ученые института вели политическую пропаганду: разоблачали фашизм, анализировали важнейшие военно-политические события, читали отдельные материалы с фронтов Великой Отечественной войны²⁸.

Курсы преподаваемых исторических дисциплин были пересмотрены в плане углубленного освещения событий, имеющих ярко выраженный патриотический характер. Студентов подробно знакомили с биографиями выдающихся русских полководцев: А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова, одержавших в героическом прошлом блестящие победы над врагом. Была пересмотрена оценка некоторых исторических деятелей. В частности, Ивана Грозного и Петра Великого стали рассматривать как создателей и защитников российского государства. Одновременно раскрывалась захватническая сущность германского империализма. Большое внимание уделялось изучению освободительных войн, которые вели народы нашей и других стран против иноземных захватчиков. Так, например, в

лекционной работе агитколлектива Кабардинского пединститута на историческом факультете значились темы «О ледовом побоище» и «Народно-освободительная борьба в Югославии» (лектор доцент Антонова)²⁹. При изучении истории древнего мира выделялись разделы, посвященные борьбе народов против рабовладельческих государств, как, например, это видно из исследовательской работы А.Д. Дмитриева. Началось освещение героических событий Великой Отечественной войны. Вместе с тем неотъемлемой частью научной и учебной работы в КГПИ, как и во всех высших учебных заведениях, в годы войны было изучение биографии И.В. Сталина и его трудов.

Надо отметить, что в рассматриваемый период наблюдалась большая текучесть профессорско-преподавательского состава. Так, кафедра всеобщей истории в 1944–1945 учебном году имела в своем составе трех квалифицированных научных работников: доцента, кандидата исторических наук Ч.А. Бекузарова; доцента, кандидата исторических наук А.Д. Дмитриева и кандидата исторических наук В.П. Антонову. Однако в 1945 г. Ч.А. Бекузаров по причине тяжелой болезни был вынужден оставить работу; А.Д. Дмитриев, проработав год в КГПИ, был освобожден от работы ввиду его перехода по конкурсу в Ростовский университет, а В.П. Антонова была освобождена от работы вследствие ее реэвакуации в Ленинград. На смену этим опытным преподавателям на кафедру всеобщей истории были приглашены преподаватель истории древнего мира И.Е. Шафир (отличник, выпускник КГПИ), преподаватель новой истории А.Д. Ейвин (демобилизованный из армии), а преподавание истории средних веков было поручено, как и в прошедшем 1944 г., А.Н. Хромовой (выпускнице МГУ 1944 г.). Таким образом, состав кафедры всеобщей истории был полностью обновлен, но к сожалению, как отмечено в документе, со значительным понижением научной квалификации сотрудников³⁰.

Некоторые кадровые изменения произошли и на кафедре истории СССР. И.о. зав. кафедрой Е.О. Таксар была освобождена от работы и откомандирована в распоряжение Наркомпроса РСФСР. Вновь назначен и.о. зав. кафедрой истории СССР и до-

центом А.И. Гельдман³¹. В своей должности Е.О. Таксар проработала совсем недолго, по-видимому, около полугода. Ее профессиональная подготовка не вызывает сомнений. До поступления на работу в КГПИ, в 1940–1941 г. будучи аспирантом Московского педагогического института имени К.Либкнехта, она работала над диссертацией «Новая Запорожская Сечь», изучая архивные фонды Москвы, Харькова и Киева³².

Здесь следует более подробно остановиться еще на одном факторе, который в последующий период с наибольшей отчетливостью будет себя обнаруживать в научно-педагогической деятельности КГПИ. В годы войны работа кафедры истории СССР и преподавание ее сотрудниками исторических дисциплин тщательно контролировалось партийными органами. Об этом, например, свидетельствует справка от 25 января 1945 г. «О состоянии преподавания курса истории народов СССР в Кабардинском Госпединституте», подготовленная зав. отделом школ Кабардинского обкома ВКП(б) по результатам проведенной проверки. В ней, в частности, говорилось, что кафедра истории СССР должна иметь 4 научных работника, а на день проверки имела только 3. С 16 октября 1944 г., согласно приказа, кафедрой руководила кандидат исторических наук, доцент Е.О. Таксар. В декабре 1944 г. члены комиссии обкома, направленные в институт для проверки общего состояния института и подготовки доклада на бюро обкома, имели беседу с работниками кафедры истории СССР: Таксар, Вихревой, Мужевым и деканом исторического факультета Антоновой. Как явствует из справки, на вопрос членов комиссии «тов. Таксар заявила, что работниками кафедры полностью учтены критические статьи, публикуемые в печати по вопросу о степени влияния иностранной научной мысли на развитие культуры в России и о роли русской научной мысли в развитии мировой культуры. Во время этой беседы зав. кафедрой не назвала ни одного отрицательного факта в постановке преподавания истории СССР, а на просьбу комиссии высказать свои предложения по вопросу улучшения учебной работы института, выразила свое мнение о необходимости при вмешательстве обкома ВКП(б), исправить испорченную кана-

лизацию в жилом доме научных работников». Представляется, что не только обнаруженные недостатки, но и смелые заявления Е.О. Таксар послужили причиной вынесения достаточно резкой негативной оценки ее непродолжительной работы в должности зав. кафедрой. В справке указано, «что новые материалы, критическая оценка неправильного, извращенного освещения в нашей литературе вопросов о роли отечественной науки и ее деятелей остались незамеченными работниками кафедры истории СССР. Тов. Таксар пыталась находить свое оправдание, заявив на партсобрании, что критика касается только философов, но не затрагивает историков». Также в цитируемом документе приведены примеры, по выражению его составителя, «грубейшего искажения личности Чернышевского в лекциях тов. Таксар», выявленные по записям студентов. Так, проверяющий подчеркнул, что «ничего не сказано о том, что Чернышевский звал «Русь» к топору», а вместо этого Таксар приписывает в своей лекции Чернышевскому то, «чего не было – программу дворянского либерализма о скупке государством помещичьих земель и аренде их крестьянами. О Герцене – лекция развинчивает [так в тексте документа] историческую личность и революционно-демократические черты одного из ярких предшественников русской социал-демократии. В лекции сказано только о периоде исканий и ошибок, когда он возлагал надежды освобождения крестьян на монархическую реформу. Но, как известно, этот период у Герцена не продолжителен и не характеризует его. За призыв Герцена к крестьянской революции, за несгибаемую стойкость его в борьбе с царизмом – он был на каторге, был в изгнании до конца своей жизни – и ни слова об этом. Как показывают эти факты, лекции тов. Таксар имеют грубейшие извращения, искажающие роль предшественников революционной социал-демократии и наводящие на позицию, отрицающую факта перемещения революционного центра в XIX веке из Европы в Россию»³³. Таким категорическим выводом один из представителей партийного начальства заканчивал разбор лекций зав. кафедрой истории СССР.

11 января 1945 г. на собрании парторганизации института было озвучено решение бюро обкома ВКП(б) о недостатках в

преподавании истории народов СССР и сделан вывод, что «член ВКП(б) тов. Таксар допустила политические ошибки»³⁴. Нужно отметить, что в то время мало кто решался демонстрировать самостоятельность суждений. Поэтому решения партийных органов руководством пединститута и преподавательским коллективом воспринимались как руководство к действию, а официальный курс и заключения обкомовских комиссий сомнению не подвергались.

Во втором семестре 1944–1945 учебного года и.о. директора института А.К. Бушля усилил контроль за качеством преподавания. Среди прочих были основательно проверены занятия Е.О. Таксар (История СССР), В.П. Антоновой (Новая история), Н.А. Полищук (История СССР), А.Д. Дмитриева (История древнего мира). В результате проверки занятий преподавателям давались разнообразные указания как по содержанию, так и по организации и методике занятий. К числу наиболее квалифицированных занятий в научном и методическом отношении были отнесены лекции по истории древнего мира доцента А.Д. Дмитриева, лекции по новой истории доцента В.П. Антоновой³⁵. В то же время открытая лекция по истории СССР зав. кафедрой Е.О. Таксар подверглась критике. В отчете было указано, что это было связано с неподготовленностью зав. кафедрой в методическом отношении и нежеланием работать. Среди основных причин слабой самоподготовки студентов, основная масса которых ограничивалась заучиванием конспектов лекций, назывались: отсутствие достаточного количества учебной литературы, неблагоприятные материально-бытовые условия, слабость навыков самостоятельной работы, выносимых студентами из средней школы и недоработки со стороны преподавателей руководством самостоятельной работой студентов³⁶.

Итак, на трудные военные годы приходится становление и развитие высшего исторического образования в Кабардино-Балкарии. С этого времени историческое отделение и исторические кафедры КБПИИ стали не только школой подготовки профессиональных историков, но и центром развития исторической науки республики.

Местные органы власти уделяли большое внимание вопросам обеспечения отраслей народного хозяйства специалистами с высшим образованием, особенно учительскими кадрами. Во время войны, преодолевая все трудности и лишения, руководство института первостепенное внимание уделяло обеспечению наборов на первые курсы, особенно молодежи из коренных национальностей, сохранению плановой численности студентов, созданию возможных в военное время материально-бытовых условий для студентов и преподавателей.

Огромная работа проводилась для сохранения и расширения профессорско-преподавательского корпуса. По направлению Народного комиссариата просвещения РСФСР в освобожденный Нальчик командировались высококвалифицированные кадры историков различных специализаций для поддержания приемлемого уровня преподавания и подготовки местных кадров.

Однако на процесс восстановления пединститута после временной фашистской оккупации Кабардино-Балкарии негативно сказалась депортация балкарцев в 1944 г. Кабардино-Балкарский педагогический институт был реформирован в Кабардинский педагогический институт. Сократилось число обучающихся из балкарской молодежи.

Исторические кафедры занимались в основном преподавательской деятельностью. Перед ними стояла задача подготовить для остро нуждающейся в педагогических кадрах Кабардино-Балкарии собственных учителей истории. А для полноценной научно-исследовательской работы в тот период не было ни времени, ни научных библиотек, ни архивных фондов. Однако КБГПИ постепенно шел по пути превращения учительского сообщества в научное. В научно-педагогическую жизнь исторических кафедр, благодаря привлечению к работе остепененных ученых из столичных вузов, привносились академические практики уже сложившихся научных школ. Но стабильному поступательному развитию научно-педагогического коллектива историков мешала текучка кадров, сложные бытовые условия, эвакуация и другие объективные причины. Постепенно основной состав преподавателей стал формироваться из собственных вы-

пускников, с отличием закончивших вуз и проявивших склонность к научно-педагогической деятельности.

Одним из основных факторов, на долгие годы определившим характер исторического образования, а также содержание и основные направления исторических исследований в республике, был жесткий контроль со стороны партийных органов.

Примечания

1. *Лебедев П.А.* Кабардинский государственный педагогический институт // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. Нальчик, 1953. Вып. 5. С. 3–16; *Мамбетов Г.Х., Тлостанов В.К.* Основание Кабардино-Балкарского государственного педагогического института и его становление // Кабардино-Балкарскому государственному университету – 50 лет. Нальчик, 1982. С. 8-18.

2. *Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И.* Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984; *Саблиров М.З.* Историческая наука Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны советского народа // Советская молодежь. 1995. 12 мая. С. 11; *Ошроев Р.Г.* Становление и развитие университетского образования Кабардино-Балкарии в XX – нач. XXI в.: дис. ... канд. истор. наук. Нальчик, 2004. 206 с.

3. Кабардино-Балкарскому университету – 10 лет. Нальчик, 1976. С. 11.

4. Отклики на обращение антифашистского митинга ученых в Москве. Слово профессорско-преподавательского коллектива Кабардино-Балкарского пединститута // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 19 октября.

5. *Мужев И.* Реализация денежно-вещевой лотереи // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 27 декабря. С. 2.

6. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 3.

7. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 15 об.

8. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1135. Л. 11, 12.

9. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 42.

10. Там же. Л. 40.

11. *Саблиров М.З.* Историческая наука Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны советского народа // Советская молодежь. 1995. 12 мая. С. 11.

12. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1061. Л. 62–63.
13. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 4.
14. УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп.1. Д. 1068. Л. 4, 4 об.
15. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 9, 14.
16. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1061. Л. 63.
17. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 24.
18. *Кумыков Т.Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX в. Нальчик, 1991. С. 65.
19. *Кокиев Г.* Об одной фашистской фальсификации // Исторический журнал. 1944. № 2-3. С. 45.
20. Там же. С. 47.
21. *Кокиев Г.* Кикодзе Геронти «Иракий Второй» // Вопросы истории. 1946. № 5-6. С. 116.
22. *Анчабадзе Ю.Д.* Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2002. С. 149.
23. *Казаров С.* У истоков советского антиковедения. URL: http://www.donvrem.dermatology.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=218 (дата обращения 23.02.2017).
24. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 21.
25. Там же. Л. 23.
26. УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 1. Д. 1068. Л. 4 об.
27. Архив Кабардино-Балкарского государственного университета. Личные дела сотрудников, уволенных с работы в 1969 г. с буквы «Ж» по «М». №2. Л. 159-167.
28. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 32.
29. Там же. Л. 33, 35.
30. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 20 об.
31. Там же. Л. 21.
32. Научная работа кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 153.
33. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1–2.
34. Там же. Л. 2.
35. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 582. Оп. 1. Д. 30. Л. 5 об.
36. Там же. Л. 6.

E.G. Muratova, Y.A. Ortanova

**HISTORICAL EDUCATION IN
THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
THE SUCCESSES AND CHALLENGES**

The article deals with the history of the Historical Department of Kabardino-Balkarian state pedagogical Institute during the Great Patriotic war on the basis of the new archival source. The contribution of the soviet historians to its formation is shown.

Keywords: Kabardino-Balkarian state pedagogical Institute, Department of History, history education in Kabardino-Balkaria, The Great Patriotic war.

Д.Н. Прасолов

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1905–1907 гг. И 1917 г.

В статье рассматриваются основные особенности двух этапов развития функций самоуправления съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ, связанных с политическими событиями революций 1905–1907 гг. и 1917 г. В годы первой российской революции возможности съездов доверенных были ограничены заявлением инициатив по преобразованиям в Нальчикском округе. После свержения самодержавия в феврале 1917 г., в условиях соперничества различных общественно-политических сил за власть в округе, съезды доверенных становятся ключевым административно-политическим институтом, осуществляя легитимацию местной власти. Это позволяет рассматривать их деятельность как важнейший этап развития традиции региональной представительной власти и парламентаризма.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Нальчикский округ, революция 1905-1907 гг., революция 1917 г., съезд доверенных, местное самоуправление.

С 1860-х гг. съезды доверенных сельских обществ Кабарды и пяти Горских (балкарских) обществ действовали как регулярные выборные окружные собрания, на которых представители коренного населения привлекались к решению различных вопросов местной жизни. Оформленные приговорами результаты обсуждения после согласования с начальником округа и утверждения начальником Терской области вступали в силу. Сборы доверенных стали особенным опытом интеграции региона в систему управления на Северном Кавказе, усвоения новаций общероссийской политической культуры, а также локальной интеграции самоуправления в Нальчикском округе, в рамках которой кабардинцы и балкарцы получили возможность взаимодействовать по многим ключевым вопросам жизнедеятельности. Опыт

деятельности сборов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ учитывался при организации аналогичных, но не регулярных мероприятий у осетин, ингушей, чеченцев, на которых рассматривались актуальные общественные проблемы и даже межнациональные конфликты. При этом важно пояснить, что специального Положения, регламентирующего порядок работы съездов доверенных, не существовало. Их деятельность осуществлялась в рамках множества разрозненных административных распоряжений, которые зачастую появлялись ситуативно. Поэтому одной из главных задач развития окружного самоуправления для кабардинских и балкарских общественных деятелей виделась систематизация и конкретизация регламента съездов доверенных.

Революционные события 1905 г. внесли оптимистические коррективы в эти планы, связанные с надеждой либерализации местного самоуправления. Не удивительно, что в начале XX в. пример регулярной деятельности съездов доверенных в Нальчикском округе стал одним из аргументов в продвижении проекта введения земств у народов Терской области. Еще до Манифеста 17 октября представителями округа был заявлен проект общественных преобразований. Некоторые положения памятной записки, поданной наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову 29 августа 1905 г. в Кисловодске делегацией во главе с генерал-лейтенантом Т. Шипшевым, напрямую относились к ведению съездов доверенных. Это предложения «предоставить кабардинскому народу право самому устанавливать порядок пользования Высочайше пожалованною общественною пастбищною горною и зольскою землею и лесом, принять из рук администрации кабардинскую общественную сумму для создания кабардинского банка с сельскохозяйственным складом... предоставить кабардинскому народу право собираться по мере необходимости: а) не один раз в год, б) приглашать для обсуждения дел почетных стариков и сведущих лиц, в) обсуждать все вопросы, предлагаемые самим обществом»¹.

Предложения кабардинских доверенных были значительно умереннее, чем, например, требования петиции осетин началь-

нику Терской области, а затем «13 пунктов» – обращения Наместнику Кавказа 20 июня 1905 г. В них заявлялось о необходимости немедленной реализации обширного перечня реформ, в том числе предоставления широких гражданских свобод, общенародного представительства на основе всеобщего избирательного права, выборности местной администрации и т.д.² Тем не менее, о каких-либо практических последствиях общественных ходатайств ничего не известно. Кавказская администрация принимала обращения, но не давала им никакого движения. Поэтому так и осталось не вынесенным на обсуждение съезда доверенных общественное обращение, подготовленное М.-Г. Шипшевым: «Мы, кабардинцы и горцы, собравшись общественным сходом в слободу Нальчик 23 декабря 1905 г., требуем немедленного осуществления начал, возведенных Манифестом 17 октября 1905 г., а также требуем прав послать ввиду исключительных исторических национальных и бытовых условий жизни кабардинского и горского народа, своего депутата в Государственную думу»³. Негативных последствий для авторов этого документа удалось избежать, возможно, только в силу стихийно вспыхнувших в Нальчике 26–28 декабря 1905 г. волнений, обусловленных беспомощностью окружных властей в деле поддержания общественного порядка⁴.

Дальнейшими предложениями по оптимизации деятельности съездов доверенных стало заявление М.-Г. Шипшева начальнику Нальчикского округа в 1907 г. В нем он представил предложения о необходимости ведения протоколов, а не только оформления приговоров, а также о созыве не менее двух съездов ежегодно. Но самыми важными стали следующие идеи: «Необходимо признать право инициативы при возбуждении вопросов общественного характера за доверенными независимо от администрации во время самого сбора, т.к. при всем своем желании администрация не может всего знать и предвидеть, а доверенные не всегда имеют возможность заблаговременно подать начальнику округа соответствующее заявление. Да, этого требует сама логика: на каком основании ставить какие-либо рамки народу в делах, касающихся только его и никого другого?». Здесь же было

предложено упразднить Нальчикский горский словесный суд и заменить общими судебно-мировыми учреждениями⁵.

Однако по предложениям был дан отрицательный ответ. Начальник Нальчикского округа в Извещении М.-Г. Шипшеву ответил следующее: «По всем решённым съездом вопросам составляются приговоры за подписью доверенных и все составленные приговоры вносятся в приговорную книгу и таковые приговоры по утверждению объявляются сельским обществам, следовательно в ведении, помимо этого, ещё какого-то обстоятельного протокола заседания сбора не встречается надобности, тем более, что на съезд доверенных, существующий в Кабарде для избрания депутатов в Горский словесный суд и решения некоторых чисто экономических вопросов в отношении пользования высочайше дарованными кабардинскому народу земли и кабардинского общественного капитала, нельзя смотреть как на официальное сословное собрание или представительное учреждение, которое выработывало бы порядок ведения своих дел»⁶.

Таким образом, надежды на расширение полномочий съездов доверенных, связанные с революционными преобразованиями 1905–1907 гг., не оправдались. Съезды доверенных остались в рамках прежних административных распоряжений, подконтрольных окружной и областной администрации. Показательно, что в проекте «Положения о заведывании кабардино-горским имуществом», подготовленном в 1916 г. бывшим юрисконсультom кабардинского народа Б. Шахановым⁷, по существу предпринималась попытка нормативной систематизации действовавшей практики съездов доверенных, с небольшими не принципиальными дополнениями. Однако «несвоевременность» даже таких нововведений вновь оставили вопрос упорядочения местного самоуправления в Нальчикском округе без последствий. Для реальных изменений требовались новые политические условия, сложившиеся в результате Февральской революции 1917 г.

Крах политической системы самодержавия в феврале 1917 г. создал вакуум власти в провинциях Российской империи. В экстремальных социально-политических условиях эволюционирующее местное самоуправление выступает механизмом стабили-

зации общественной ситуации. Выражая интересы локального социума, оно становится наиболее легитимным представителем интересов не только кабардинцев и балкарцев, но и многонационального населения Нальчикского округа, играя в региональной политической культуре особую роль.

Весной 1917 г. основой временного самоуправления в Терской области стали окружные съезды представителей населения, избиравшиеся на сельских сходах⁸. Окружные съезды, в свою очередь, избирали представителей округов на областной съезд. В основе системы лежали принципы съездов доверенных. Басиат Шаханов – активный участник Съездов доверенных Кабарды и пяти Горских обществ в начале XX в., и временный председатель Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, созданного в марте 1917 г. в преддверии Первого съезда горских народов во Владикавказе, распорядился организовать избрание представителей горских народностей на окружных Съездах доверенных⁹. Таким образом, в политическом сознании Б. Шаханова съезды доверенных вполне органично встраивались в формирующуюся систему буржуазно-республиканских постимперских административно-политических отношений.

Очевидно, что организация съездов доверенных в других округах Терской области в немалой степени опиралась на административно-политический опыт Нальчикского округа. 11 марта 1917 г. начальник Терской области полковник Михайлов сообщил о смещении Терским областным исполнительным гражданским комитетом подполковника С. Клишбиева, возглавлявшего Нальчикский округ с 1910 г. Комиссаром округа был назначен судебный следователь Гамид Чижоков¹⁰. Сбор доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ 27 марта 1917 г. организовал Окружной Гражданский исполнительный Комитет Нальчикского округа и избрал в этот Комитет своих делегатов в числе 8-ми человек. На заседании 28 марта под председательством Г. Чижокова с участием секретаря П. Коцева, Окружной Комитет постановил: представить пропорционально численности русского населения Нальчикского округа последнему в окружном Комитете 3 места: от слободы Нальчик одного

делегата, местного Нальчикского гарнизона одного и от прочего русского населения округа одного делегата»¹¹. В этих сведениях важны две особенности, совершенно не характерные для дореволюционных съездов доверенных, проявившиеся в новых условиях. Во-первых, факт санкционирования доверенными кадровых назначений в окружной администрации. Во-вторых, привлечение доверенных от иногороднего, главным образом, русского населения, тогда как все прежнее время съезд являлся собранием кабардинских и балкарских представителей.

Предписанием комиссара Нальчикского округа Терского областного исполнительного гражданского комитета от 22 марта 1917 г. за № 5284 было рекомендовано избрание доверенных на съезд 26 марта «закрытою баллотировкой по пяти человек от каждого общества»¹². Выборы провозглашались «на основании прямого, тайного и равного избирательного права»¹³, под которым, однако, подразумевалось голосование глав домохозяйств. Избрание было альтернативным, чаще всего из 10 претендентов, и результаты голосования за и против каждого кандидата отражались в приговорах полных сельских сходов¹⁴.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что съезды доверенных на протяжении 1917 г. собирались неоднократно и рассматривали различные социально-экономические и политические вопросы. 27 апреля 1917 г. был назначен съезд доверенных для избрания начальника округа, начальника участка и советников при начальнике округа (вероятнее всего так обозначали окружной совет)¹⁵. 18 сентября созывался съезд доверенных от балкарских обществ «для выбора должностных лиц от Горского населения»¹⁶. 30 сентября рассматривались традиционные вопросы финансирования судей и др. служащих Горского словесного суда, стипендий и пособий в средних учебных заведениях, «и других вопросов, могущих возникнуть на съезде доверенных»¹⁷.

На съезд 28 декабря были вынесены вопросы землепользования, поддержания дисциплины в Кабардинском конном полку, организации народной милиции, «приглашении женщины врача для кабардинского и горского народов и др. вопросов»¹⁸.

Е.С. Тютюнина приводит интересные сведения о конкуренции альтернативных съездов доверенных, созывавшихся летом 1917 г. окружным Исполнительным комитетом – органом Временного правительства, и Нальчикским советом¹⁹. Политическое соперничество обострилось в связи с последствиями октябрьского переворота 1917 г. Характеризуя положение в Нальчикском округе в начале 1918 г., К.А. Чхеидзе писал: «Власть в Кабарде принадлежала комиссару округа Гамиду Чижокову и его управлению. Все оппозиционные элементы, нападавшие на власть, требовали съезда. Власть откладывала съезд, ссылаясь на неблагоприятное положение в области и округе»²⁰.

В феврале 1918 г. II Терский областной демократический съезд в Пятигорске признал власть Совета народных комиссаров. Нальчикский окружной исполнительный комитет отказался признавать это решение, заявив о приверженности Терско-Дагестанскому правительству. В ответ на это кабардинские и балкарские делегаты пятигорского съезда, возмущенные действиями окружной исполнительной власти, в ответной телеграмме провозгласили: «Считать членов окружного исполнительного комитета врагами народа и злостными клеветниками, полагая в ближайшее время созвать съезд доверенных, который потребует от окружного исполнительного комитета полного отчета, в уверенности, что ни один из членов его не избежит справедливого гнева и строгого народного суда»²¹.

Этим съездом доверенных стало мероприятие, проведенное 18–23 марта 1918 г. и известное по источникам и в историографии под названиями Народный съезд, I съезд народов Нальчикского округа²², или, согласно заголовку его протокола, Съезд представителей трудового народа Нальчикского округа²³. Санкционируя новую власть в Нальчикском округе в марте 1917 г., съезд доверенных в меняющейся политической ситуации февраля 1918 г. рассматривался в качестве законного механизма делегитимации власти Исполкома под руководством Г. Чижокова. При этом последнему отказывали в праве созыва съезда доверенных. Таким образом, при смене власти в округе сохранялся формат окружного органа самоуправления, созываемого изме-

нившейся областной властью²⁴. На съезде было объявлено о сложении Г. Чижиковым своих полномочий²⁵. Процесс трансформации местной власти не был одномоментным, но неизменным в 1918 г., по сравнению с ситуацией 1917 г., оставалось санкционирование съездом доверенных назначения основных должностных лиц округа: комиссара, его помощника и секретаря. На переходный характер административно-политического устройства Нальчикского округа весной 1918 г. указывает и то, что до конца апреля штат участковых комиссариатов оставался неизменным, «до вынесения о них того или другого постановления окружным народным съездом», назначенным на 1 мая²⁶.

По заключению У.А. Улигова, в сложившейся политической системе высшая власть в округе принадлежала съезду народов, а между съездами – Нальчикскому окружному народному Совету. Съезд должен был созываться не менее двух раз в год. Тем не менее, только в 1918 г. он собирался 6 раз²⁷. Этот период стал временем драматического поиска новых форм политического самоопределения народов Нальчикского округа, о чем на примере кабардинцев писал В.Х. Кажаров²⁸.

Таким образом, в условиях, сложившихся в Нальчикском округе в результате революции 1917 г., съезды доверенных становятся ключевым политическим институтом в Нальчикском округе. В условиях соперничества различных общественно-политических сил за власть в Нальчикском округе, съезды доверенных проявили себя как важнейший механизм легитимации местной власти. Это позволяет рассматривать их как институт нарождающегося гражданского общества, заложивший традиции регионального парламентаризма.

Примечания

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦГА КБР). Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 140–140 об.
2. Революция 1905–1907 годов на Тереке: Документы и материалы / Сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе, 1980. С. 89–91, 266.

3. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 141.
4. *Горец Е.* История одного бунта // Северный Кавказ. Ставрополь, 1905. № 85.
5. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 48–48 об.
6. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 52–52 об.
7. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1087. Л. 5, 6, 16, 17.
8. *Мартиросиан Г.К.* История Ингуши. Материалы. Орджоникидзе, 1933. С. 188–189.
9. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 23.
10. ЦГА КБР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 183.
11. Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 176.
12. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
13. Там же. Л. 15.
14. Там же. Л. 1–2, Л. 8 об., 10–10 об.
15. Там же. Л. 15, 17, 33.
16. ЦГА КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 54, 55, 59.
17. Там же. Л. 62.
18. Там же. Л. 72–72 об.
19. *Тютюнина Е.С.* Нальчикский совет рабочих и солдатских депутатов 1917 г. // Краеведческая мозаика: Статьи. Документы. Фотографии. Нальчик, 2014. С. 31–34.
20. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 38.
21. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). Нальчик, 1983. С. 108.
22. *Тютюнина Е.С.* Первый народный съезд // Краеведческая мозаика: Статьи. Документы. Фотографии. Нальчик, 2014. С. 150–153.
23. Протокол заседания Съезда представителей трудового народа Нальчикского округа. Нальчик, 1918 // УЦГА АС КБР. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.
24. Документы по истории борьбы... С. 118.
25. ЦГА КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. С. 15.
26. Там же. Д. 3. Л. 15–15 об.
27. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 126.
28. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 40–48.

D.N. Prasolov

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF LOCAL GOVERNMENT IN THE NALCHIK DISTRICT DURING REVOLUTIONS 1905–1907 AND 1917 YEARS

In article the main features of two stages of development of functions of self-government of congresses of the entrusted Big and Small Kabarda and five Mountain societies connected with political events of revolutions 1905–1907 and 1917 are considered. In days of the first Russian revolution of a possibility of a congress of entrusted have been limited to the statement of initiatives of transformations in the Nalchik district. After overthrow of autocracy in February, 1917, in the conditions of rivalry of various social and political forces for the power in the district, the congresses of entrusted become key administrative and political institute, carrying out legitimation of local government. It allows to consider their activity as the most important stage of development of tradition of the regional representative power and parliamentarism.

Keywords: Kabardians, Balkars, the Nalchik district, revolution of 1905–1907, revolution of 1917, a congress entrusted local government.

Н.В. Варивода

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В 1920-Е ГГ.

В статье рассматривается процесс создания советской школьной системы в Кабардино-Балкарии в 1920-е гг., основные идеи и принципы, легшие в его основу, изменение роли школы в общественной жизни. Показаны проблемы и трудности в создании новой системы школьного образования, а так же попытки их решения, неудачи и достижения школьного строительства.

Ключевые слова: школа, образование, школьное строительство, учитель, родной язык, советская власть, мусульманские школы, Кабардино-Балкария.

Рассматривая первоочередные задачи развития современной российской культуры, вполне логичным представляется обращение к предшествующим этапам этого процесса, аккумулирующего в себе бесценный исторический опыт. Современное общество требует свободной от еще недавно господствовавших идеологических схем оценки роли и места этого исторического периода в культурной жизни региона. Изучение социокультурных процессов в Кабардино-Балкарии в 1920-е гг. позволяет выявить локальную специфику культурных процессов, лучше понять истоки современного кризисного состояния культуры в целом.

Одну из основных проблем российской школы до революции сформулировал П.Н. Милюков: «Политическая роль, более или менее открыто навязанная школе, роковым образом парализовала производительность ее работы. Из боязни передовых идей и сильных характеров школа систематически занималась искоренением всяких идей и обезличением индивидуальности»¹. Многие упреки Милюкова относительно результатов ра-

боты школы большевики, по сути, разделяли. Но улучшить производительность работы школы они хотели на базе собственной идеологии. «Старым» осталось отношение новой власти к школе: преобладание политических задач над образовательными. Это и составляет главную проблему периода.

Школьное образование в Кабардино-Балкарии строилось в соответствии с основополагающими документами партии и правительства, в частности, декретом ВЦИК «О единой трудовой школе» от 16 октября 1918 г., постановлением Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», от 31 октября 1918 г.² Основным принципом советской школьной системы был принцип ее связи с политическими, экономическими и культурными задачами социалистического общества. Советская школа была общедоступной, бесплатной, светской и политехнической. Вместо одноклассных приходских начальных училищ, одноклассных и двухклассных сельско-общественных училищ, частных одноклассных училищ, церковно-приходских училищ и реального училища создавалась единая трудовая школа в составе двух ступеней; первая – для детей от 8 до 13 лет (пятилетний курс) и вторая – от 13 до 17 лет (четырёхлетний курс)³.

В 1918 г. в округе был создан отдел народного просвещения. Начавшаяся Гражданская война сорвала выполнение поставленных Нальчикским окружным отделом просвещения грандиозных задач по народному образованию. Лишь в 1920 г., после окончания Гражданской войны, удалось приступить к строительству новой школьной системы.

Требовалось одновременно решить множество сложных проблем – восстановление школьных зданий, подготовка национальных педагогических кадров, создание и издание учебников на родных языках. С 1920 г. во всех селах Кабардино-Балкарии стали открываться школы на родных языках. Под школы приспособлялись национализированные дома, на краткосрочных кружках готовились педагогические кадры из кабардинцев и балкарцев⁴.

Были мобилизованы все силы и ресурсы области, однако без центральной власти невозможно было осилить многие задачи. Центр регулярно оказывал помощь денежными средствами,

учебно-методической литературой и др. в деле организации советской школы на местах. С 1926 г. началось строительство новых типовых школьных зданий, ремонт и достройка новых корпусов силами самого населения. Бывали случаи, когда на местное население временно возлагались все расходы на содержание школ, за исключением расходов по оплате жалования учителям⁵.

К 1922–1924 гг. обозначился существенный рост школ. В небольшой степени этому способствовала новая экономическая политика. В Кабардино-Балкарии в 1922–1923 гг. было 94 школы с 5759 учащимися. В 1928 г. Кабардино-Балкария довела общий контингент учащихся всех школ до 12,5 тыс. человек⁶.

В 20-е гг. XX в. развитие народного образования и школьного дела было тесно связано с языковым строительством. Советское государство и партия придавали огромное значение задаче построения национальной письменности для народов, которые не имели ее до революции. В 1920 г. Т.А. Шеретлоковым был выработан кабардинский алфавит на арабской графической основе, по которому шли занятия до 1923 г. Ряд ученых поставили вопрос о замене арабского письма латинским. Развернулись острые научные дискуссии лингвистов о целесообразности латинской графики для бесписьменных народов. Вместе с тем, некоторые ученые отмечали недостаток латинского алфавита – малочисленность букв, и предлагали усовершенствовать арабский алфавит, в частности, его орфографию. Однако последнее слово осталось за партийными органами, поскольку они стремились вырвать мусульманское население из-под влияния ислама. Замена арабской графики на латинскую имела политическую подоплеку – разорвать связи с культурным кругом ислама, облегчить общение новой власти с населением. Национальная письменность в Кабардино-Балкарии утвердилась на основе латинской графики в 1924 г. (Т.А. Шеретлоков, Б. Хуранов, Т. Борукаев и др.), что знаменовало собой коренной перелом в школьном строительстве⁷. Родной язык в балкарской школе изучался по учебнику Г.Д. Алиева, который был первой попыткой грамматической систематизации родственных карачаевского и балкарского языков. Национальная газета «Карахалк» стала выходить на трех языках – русском, кабардинском и балкарском.

Советская власть проводила политику, направленную на разрушение системы мусульманского образования. Так, относительно религиозных школ председатель Кабардино-Балкарского облисполкома Б. Калмыков отмечал: «...необходимо, чтобы дети наши обучались не в арабских школах, которые не только бесполезны, но и вредны, а в наших, советских школах. Лишь в этих школах наши дети и взрослые получают такие знания, которые нам требуются для строительства коммунистической жизни»⁸. Власти всячески способствовали сокращению религиозных школ и соответствующей агитацией добивались их окончательного разложения.

Количество мусульманских школ постепенно сокращалось и в 1926 г. в области насчитывалось 10 медресе с числом учащихся в них до 100 чел. и до 100 низших арабских школ, в которых обучалось до 1000 чел.⁹.

Переход к нэпу не помог избежать множества трудностей в процессе создания системы школьного образования в Кабардино-Балкарии. В первой половине 20-х гг. школьное строительство сопровождали постоянные эксперименты. Зачастую это выражалось в насаждении в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных, ведущих фактически к разрушению школы. Это усугублялось экспериментами по смене графической основы письма, борьбой с защитниками мусульманской системы образования, арабского алфавита. Все это создавало трудные условия для формирования новой системы народного образования.

Общей чертой национальных школ региона было то, что они были в большинстве сельскими. Школы были на 80% размещены в непригодных для школ избах, саклях и т.п. и только 20% имели специально выстроенные помещения, но и они далеко не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к новой школе¹⁰. Из-за необходимости использовать детей на сельских работах занятия обычно начинались поздней осенью и заканчивались в середине весны. Так, в докладе заведующего облОНО Х.М. Камбиева говорится: «Беда в том, что население до сих пор еще не осознало вполне значения просвещения, если в школе за-

нения начинаются с 1 сентября, то начинают собираться только в ноябре, декабре и даже в январе. С апреля месяца начинают уже уходить»¹¹.

В целях прекращения отсева учащихся и достижения нормальной продолжительности учебного года Президиум ЦИК КБАО в 1926 г. установил, что учебный год в школах должен заканчиваться первого июня. По решению VI съезда Советов КБАО (1927 г.) создавались окружные и сельские комиссии, которым поручалось комплектование школ учащимися. VI съезд Советов признал также необходимым шире привлечь советскую общественность к популяризации школы среди населения. Для обеспечения фактической доступности обучения создавался особый школьный фонд помощи детям бедноты.

Горское население привыкло оценивать полезность обучения суммой формальных знаний и навыков, которые дети могут применить в хозяйстве. Ставя школе столь узкие утилитарные цели, горцы в последние годы стали замечать, что дети выходят из школы с пониженным запасом формальных знаний сравнительно с запасом формальных знаний дореволюционной школы. Отмечаются случаи, когда учащиеся, пробыв в школе I ступени 6-7 лет и все еще пребывая в 4-й группе, не умели ни читать, ни писать ни на родном, ни на русском языках. Такая школа вызывала к себе глубоко отрицательное отношение со стороны населения¹².

Кроме существования общих причин такой ситуации: недостаток зданий, отсутствие или недостаток учителей и учебников для обучения на материнском языке, отмечалось, что выход искался в том, чтобы обучение велось на русском языке детей, этого языка не знающих. Такая практика, квалифицируемая как нарушение «золотого правила» научной педагогики о необходимости вести занятия в начальной школе на родном языке, давала «печальные результаты». В итоге отмечалась задержка нормального хода занятий детей, что не может не задерживать их развития. Большинство учителей не проходили никакой подготовки, поэтому отличались очень низкой квалификацией. Шел массовый отсев учащихся. В профессиональном отношении на-

чальная школа не справлялась не только с возложенными на нее политико-идеологическими обязанностями, но и со своей главной обязанностью: подготовить детей к переходу в следующую ступень – среднюю, или, как ее называли, школу II ступени.

Одной из особенностей рассматриваемого времени стало то, что школа принимала активное участие во всех агитационных и пропагандистских акциях, сопровождавших посевные, уборочные, избирательные и другие кампании. Выше мы уже упоминали, что основным принципом советской школьной системы был принцип связи ее с политическими, экономическими и культурными задачами социалистического общества, что мы и можем наблюдать на данном примере. Участие в тех или иных кампаниях не должно было влиять на качество работы самой школы. Однако оно было крайне низким.

Что же касается большевистской идеи создания единой трудовой школы, ее практического отражения в программах Государственного Ученого Совета, то сами программы в такой ситуации оказались слишком сложны не только для горского учительства с его низкой квалификацией, но и для сравнительно высококвалифицированного русского учительства.

Осуществление соединения обучения с производительным трудом становилось практической задачей. Однако, несмотря на совершенно правильный тезис о том, что производительный труд учащихся должен быть тесно связан с обучением, в названном документе, как и в опубликованных одновременно с ним «Основных принципах единой трудовой школы», содержалось ошибочное положение, заключающееся в том, что все преподавание в новой школе должно строиться на производительном общественно необходимом труде самих учащихся. Это положение легло в основу схем комплексных программ единой трудовой школы, составленных научно-педагогической секцией Государственного Ученого Совета осенью 1922 г.¹³

Вытекавший из комплексных программ метод так называемого объединенного (беспредметного) преподавания не обеспечивал вооружения учащихся знанием основ наук. Отрицательный результат этого метода усугублялся тем, что у самих учителей не

было ясного понимания путей вооружения учащихся прочными и глубокими знаниями. Насаждение метода проектов вело к разрушению классно-урочной системы обучения. Группы (классы) практически заменялись звеньями (бригадами), которые должны были самостоятельно выполнять то или иное задание. Руководящая роль учителя в обучении отрицалась. Ему отводилась роль консультанта и приемщика зачетов. При таком методе обучения учащиеся вместо точно очерченного круга систематизированных знаний получали клочкообразные сведения по тому или иному учебному предмету. «С постановкой родного языка в школе неблагополучно, – писал в журнале «Вопросы просвещения на Северном Кавказе» один учитель. – На язык смотрят, как на что-то второстепенное... нежизненное, далеко стоящее от производственных задач школы, от трудовой деятельности человека. Зброшенность этого участка на школьном фронте – факт неоспоримый... Растерянность учителя перед комплексной системой сыграла тут большую роль»¹⁴.

Между новой комплексной системой преподавания и старой предметной системой не оказалось никаких точек соприкосновения. Бесконечные эксперименты усиливали недоверие родителей, заставляли обращать их взоры на параллельно действующие мусульманские школы.

Политика решать все сложнейшие проблемы одновременно – и менять графическую основу, и вводить новые принципы работы школы, и бороться с мусульманскими школами – привела к тому, что к рубежу 20–30-х гг. вскрылись большие проблемы в качестве обучения. Значительные количественные достижения по культурному строительству не были закреплены качественными показателями: низкий общеобразовательный уровень знаний окончивших школы, значительный процент отсева и второгодничества учащихся, неудовлетворительная работа по составлению учебников, отсутствие на национальных языках педагогической и методической литературы, медленные темпы развертывания повышенного образования. В 20-е гг. XX в. повышенное образование, то есть школы с 5–9 классами и школы с профессионализированными 8–9 классами, в области развива-

лось слабо. Имел место большой разрыв между численностью учащихся в начальных школах и в пятых-девятых группах школ повышенного типа. Это объяснялось следующими причинами: незначительным количеством учащихся, оканчивающих школы I ступени (начальные школы зачастую являлись трехлеткой и лишь немногие из них имели выпуск), а также почти полным отсутствием национальных кадров и учеников на родном языке для повышенной школы. Однако интересы дальнейшего развития народного образования требовали сосредоточить внимание на расширении сети школ повышенного типа. По данным школьной переписи, проведенной на Северном Кавказе 15 декабря 1927 г., в Кабардино-Балкарии насчитывалось 5 семилеток, 1 девятилетка¹⁵. Следовательно, школы повышенного типа в Кабардино-Балкарии в 20-е гг. XX в. развивались слабо и отставали от потребностей развития хозяйства и культуры области.

Учитывая достигнутый рост сети школ, улучшение экономического состояния области, а также переход на плановое школьное строительство, Кабардино-Балкарский обком ВКП (б) и облисполком в соответствии с директивами XV съезда партии приняли постановление о проведении всеобщего обязательного начального обучения в Кабардино-Балкарии. Его завершение намечалось на 1932/33 учебный год. Для выполнения поставленной задачи требовалось: дальнейшее увеличение численности школ I ступени; проведение планового школьного строительства; достижение установленной продолжительности обучения в начальной школе; расширение подготовки педагогических кадров, особенно из числа лиц коренных национальностей (кабардинцев и балкарцев); создание национальных учебников.

Таким образом, процесс создания системы школьного образования в Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период сопровождался большим количеством проблем и трудностей. Но важно, что, несмотря на это, постепенно в сознании населения утверждалось понимание необходимости современной системы школьного образования.

Примечания

1. Цит. по: *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. Нальчик, 2004. С. 271.
2. *Герандоков М.Х.* Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1917–1940 гг. Нальчик, 1975. С. 70.
3. *Копачев И.П.* Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в. – 30-е гг. XX в.). Нальчик, 1964. С. 95.
4. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. 1918–1941 гг. Сборник документов и материалов. В 2-х тт. Т. 1. / Сост. Д.В. Шабаев. Нальчик, 1980. С. 32.
5. Там же. С. 40.
6. *Шибзухова Х.Х.* Становление и развитие советской культуры Кабардино-Балкарии в 1920-х гг. Автореферат дисс. ... канд.ист. наук. Владикавказ, 2009. URL: <http://www.diser.kbsu.ru> (дата обращения 10.03. 2017).
7. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... С. 53–54.
8. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922) / Сост. Р.Х. Гутов. Нальчик, 1983. С. 729.
9. *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии в годы Советской власти. URL: <http://www.djeguako.ru> (дата обращения 24.04. 2017).
10. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... С. 78.
11. Там же. С. 76.
12. *Мамсиров Х.Б.* Указ. соч. С. 274.
13. *Копачев И.П.* Указ. соч. С. 119.
14. Там же. С. 125.
15. *Шибзухова Х.Х.* Указ. соч.

N.V. Varivoda

CHANGES IN THE SYSTEM OF SCHOOL EDUCATION KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN THE CONTEXT OF SOVIET MODERNIZATION IN THE 1920S

The article discusses the process of creation of the Soviet school system in the Kabardino-Balkarian Republic in the 1920s, the basic ideas and principles that formed the basis of it, the changing role of schools in society. Shows the problems and difficulties in creating a new system of school education, as well as trying their solutions, failures and achievements of the school building.

Keywords: school, education, school building, teacher, native language, the soviet government, muslim schools, Kabardino-Balkaria.

К.А. Карданова

**МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КБР
ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ОСЕТИНО-ИНГУШСКОГО
КОНФЛИКТА (1992 г.) И КОНФЛИКТА
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1994–2005 гг.)**

В статье рассмотрена миротворческая деятельность органов государственной власти и общественных организаций Кабардино-Балкарии по урегулированию осетино-ингушского конфликта (1992 г.), а также военных конфликтов в Чеченской Республике (1994–2005 гг.). Выявлено, что данная деятельность в значительной мере способствовала стабилизации ситуации в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: беженцы, военные конфликты, Кабардино-Балкария, общественные организации, органы государственной власти, осетино-ингушский конфликт, Чеченская Республика.

В Советском Союзе политика перестройки обострила ряд серьезных проблем: экономических, социально-политических и др. На Северном Кавказе с особой остротой проявилась проблема межнациональных отношений, которая стала оказывать дестабилизирующее влияние на социально-политическую ситуацию в регионе. В одних республиках (Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия, Чеченская Республика) обострившаяся социально-политическая ситуация переросла в военные конфликты. В других республиках (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея) в целом сохранялась стабильная ситуация. Органам государственной власти и общественным организациям Кабардино-Балкарской Республики (далее – КБР) не только удавалось сохранять стабильную ситуа-

цию, но и осуществлять деятельность по урегулированию конфликтов в регионе.

Под осетино-ингушским конфликтом принято понимать этнополитический конфликт на территории Пригородного района Северной Осетии между Республикой Ингушетия и Республикой Северная Осетия, приведший к вооружённым столкновениям 31 октября – 4 ноября 1992 г.

Истоки осетино-ингушского конфликта следует искать в сталинской национальной политике: послевоенной депортации ингушей и произвольном изменении административных границ в регионе¹. В 1924 г. была создана Ингушская автономная область, включавшая в себя кроме территории нынешней Ингушетии, близлежащие районы проживания ингушей – Пригородный район и правобережную часть г. Владикавказа. В 1934 г. Ингушская и Чеченская автономные области были объединены в Чечено-Ингушскую автономную область (ЧИАО). Владикавказ (Орджоникидзе) отошел к Северо-Осетинской автономной области, образованной в 1924 г. (с 1936 г. СОАССР). Пригородный район вошел в состав ЧИАО (с 1936 г. ЧИАССР). После депортации ингушей и чеченцев в 1944 г. в Казахстан и Среднюю Азию Пригородный район был передан Северной Осетии.

В 1957 г. репрессированным народам предоставили право на возвращение из спецпоселений, ЧИАССР восстановили, однако Пригородный район остался в составе Северной Осетии. Идеи «возвращения земель» и «восстановления исторической справедливости» были популярны среди ингушей со времени их возвращения из Средней Азии и Казахстана. Требования вернуть Пригородный район впервые прозвучали в 1973 г., во время выступлений ингушской интеллигенции в г. Грозном. В конце 1980-х гг. данную проблему стали активно обсуждать. Катализатором конфликта стал закон «О реабилитации репрессированных народов», принятый Верховным Советом СССР 26 апреля 1991 г., третья и шестая статьи которого предусматривали «территориальную реабилитацию». Закон активизировал требования ингушских активистов, придав им юридическое основание. На фоне общей социальной напря-

женности в регионе, в условиях свободного доступа к оружию и отсутствия эффективных механизмов регулирования противоречий, нарастающая конфронтация привела к вооруженному столкновению.

Осетино-ингушский конфликт 1992 г. возник в значительной мере из-за вопроса о том, кому принадлежит Пригородный район Северной Осетии. В октябре 1992 г. на территории Пригородного района г. Владикавказа произошла серия убийств граждан ингушской национальности. 20 октября 1992 г. в селе Октябрьское осетинским бронетранспортером была задавлена 13-летняя ингушская девочка. Спустя 2 дня в Пригородном районе Владикавказа произошел еще один инцидент: сотрудники ГАИ застрелили двух лиц ингушской национальности. Прибывшая на место происшествия в поселок Южное дежурная группа МВД Северной Осетии была блокирована группой ингушей. Между ними возникла перестрелка. В результате данного столкновения погибли два милиционера осетинской национальности и четверо местных ингушей. Группа ингушей перекрыла автомобильное движение в сторону п. Южного.

Руководство и общественные организации КБР прилагали все силы для урегулирования осетино-ингушского конфликта мирным путем.

Активное участие в урегулировании осетино-ингушского конфликта принимал президент Кабардино-Балкарской республики В.М. Коков. С февраля 1996 г. он являлся председателем Постоянной наблюдательной Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания РФ по вопросу решения Осетино-ингушского конфликта. Комиссия во главе с В.М. Коковым уделяла особое внимание проблемам соблюдения конституционных прав и свобод граждан, пострадавших в результате Осетино-ингушского конфликта. Комиссия проводила работу по решению вопросов, связанных с возвращением беженцев, обеспечением своевременного финансирования мероприятий по ликвидации последствий конфликта. Особое значение в работе комиссии придавалось сближению позиций руководства Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия².

Общественные организации Кабардино-Балкарии также осуществляли миротворческую деятельность по разрешению Осетино-ингушского конфликта. Обеспокоенные событиями, происходившими в Пригородном районе Северной Осетии осенью 1992 г., кабардинские общественные организации Конгресс кабардинского народа (далее – ККН) и «Адыгэ Хасэ» призвали народы Ингушетии и Северной Осетии прекратить огонь и незамедлительно приступить к переговорам. В рассматриваемое время «Адыгэ Хасэ» и ККН проводили активную деятельность по сохранению стабильности, мира и согласия в Северо-Кавказском регионе.

В связи со сложившейся ситуацией, ККН и «Адыгэ Хасэ» считали необходимым вывести из спорной зоны вооруженные формирования ингушей и осетин и тем самым, образовать нейтральный район. В целях обеспечения нормальной жизнедеятельности предлагалось ввести в нейтральный район конфликта в качестве миротворцев и для разъединения противоборствующих сторон гражданскую колонну из представителей народов Северного Кавказа. Исполком ККН и «Адыгэ Хасэ» обратились ко всем народам Кавказа с призывом выступить за незамедлительное прекращение кровопролития в Северной Осетии и Ингушетии. Также они предложили всем народам, входящим в состав Конфедерации народов Кавказа, воздержаться от военного участия в конфликте. Была предложена помощь пострадавшим гражданам и семьям в организации вывоза раненных ингушей и осетин в КБР. Кроме этого, кабардинскими общественными организациями был осуществлен сбор денежных средств и оказание гуманитарной помощи жителям Ингушетии и Северной Осетии³.

В «Обращении к ингушскому народу и осетинскому народу», принятом Исполнительным комитетом Национального Совета балкарского народа была выражена готовность оказать посредничество в урегулировании Осетино-ингушского конфликта⁴.

Осенью 1991 г. в условиях начавшегося распада СССР руководство Чеченской республики заявило о государственном суверенитете республики и выходе ее из состава СССР и РСФСР. Ор-

ганы советской власти на территории ЧР распускались, действие законов РФ отменялось. Началось формирование Вооруженных сил ЧР во главе с президентом, генералом Джохаром Дудаевым. Сооружались рубежи обороны в г. Грозном, базы для ведения войны в горных районах и т.п.

11 декабря 1994 г. началось выдвижение федеральных войск в направлении столицы ЧР – г. Грозного. 31 декабря 1994 г. по приказу министра обороны РФ, Вооруженные силы РФ начали штурм г. Грозного. В результате упорных боев к 6 февраля 1995 г. федеральные войска взяли г. Грозный. 31 августа 1996 г. в г. Хасавюрте были подписаны соглашения о прекращении боевых действий, которые положили конец первой «Чеченской войне».

В сентябре 1999 г. началась новая фаза военной кампании в Чеченской Республике, которая получила название контртеррористической операции на Северном Кавказе. В декабре 1999 г. от незаконных вооруженных формирований была освобождена вся равнинная часть территории ЧР.

Несмотря на то, что обстановка в КБР была напряженной, руководство КБР и ее общественные организации с первых же дней начала конфликта в Чечне стали осуществлять активную деятельность по его урегулированию мирными средствами. В частности, Президент КБР В.М. Коков, неоднократно вылетал в г. Москву, где принимал участие в мероприятиях руководства РФ по урегулированию кризиса в ЧР. 26 апреля 1996 г. он участвовал в работе Государственной комиссии по урегулированию конфликта в Чечне, которую возглавлял Премьер-министр РФ В.С. Черномырдин⁵. 18 июня 1996 г. президент КБР В.М. Коков принял участие в работе заседания Госкомиссии по урегулированию конфликта в ЧР⁶. В.М. Коков 23 июня 1996 г. принял председателя Хабаровской Краевой Думы, члена Государственной комиссии по урегулированию конфликта в ЧР В. Озерова и обсудил с ним пути выхода из «чеченского кризиса»⁷. 16 июля 1996 г. В.М. Коков принял участие в работе проходившего в Москве заседания Государственной комиссии по урегулированию конфликта в ЧР⁸.

Конгресс кабардинского народа, ОО «Адыгэ Хасэ», «Союз абхазских добровольцев КБР» и другие общественные организации,

входившие в кабардинское национальное движение, заявили о своей принципиальной позиции по ситуации в ЧР, заключавшейся в ее мирном урегулировании. Они выражали обеспокоенность относительно возможности разрастания конфликта. В заявлении кабардинского национального движения (от 6 октября 1994 г.), в частности, сказано: «Кабардинское национальное движение делает все возможное для стабилизации политического положения в Чеченской Республике и по предотвращению гражданской войны. Внутричеченские проблемы должны решаться путем мирного диалога между всеми общественно-политическими силами, государственными структурами и оппозицией»⁹.

На протяжении всего кризиса в ЧР руководство КБР осуществляло деятельность по оказанию гуманитарной помощи народу этой республики. С первых же дней начала конфликта руководство КБР стало принимать беженцев (официально – вынужденные переселенцы) из ЧР. Для этого была образована правительственная комиссия во главе с вице-премьером КБР В.К. Соховым. К 9 января 1995 г. в КБР находилось 583 беженца из ЧР, которых разместили: в Прохладненском районе – 369 чел., в Майском районе – 136 чел., в г. Нарткале – 12 чел., в Нальчике – 66 чел.¹⁰ К 16 января 1995 г. в КБР было зарегистрировано 895 беженцев из ЧР. Около 500 чел. из них находились в г. Прохладном и Прохладненском районе, остальные – в г. Нальчике, г. Майском, г. Нарткале и г. Тереке. Беженцев планировалось принять временно, на 2–3 недели, но события приняли затяжной характер, и их число продолжало расти. Для беженцев была развернута сеть прожиточных мест, где их обеспечивали трехразовым питанием. Министерство здравоохранения КБР оказывало им медицинскую помощь, для чего было выделено 800 млн. рублей. Беженцы из ЧР также получали по 20 тыс. рублей пособия и теплую одежду. К марту 1995 г. в КБР официально было зарегистрировано 7279 беженцев из ЧР. По неофициальным данным, в 1995 г. реальная цифра беженцев из ЧР, находившихся в КБР, составляла около 20 тыс. человек¹¹.

К 1998 г. свыше 2 тыс. беженцев из ЧР проживали в санаториях и пансионатах «Октябрь», «Дружба», «Нартан», «Эльбрус» и

в общежитии поселка Учебный Прохладненского района. Численность беженцев не может быть с точностью установлена, так как семьи, занимавшие комнаты в санаториях и турбазах, часто принимали у себя родственников, прибывших позднее. Многие беженцы проживали на частных квартирах без регистрации. Поэтому численность переселенцев из ЧР была, намного выше, чем указано в официальных источниках. По неофициальным данным, их численность в КБР во 2-й половине 1990-х гг. составляла свыше 80 тыс. человек. Население же КБР на 1 января 1998 г. составляло 785,8 тыс. человек¹².

Необходимо указать и негативные последствия приема беженцев из Чечни для КБР. Их массовый прием нанес значительный ущерб санаторно-курортному комплексу республики. Требовались серьезные ремонтно-восстановительные работы. Кроме того, по заявлению, начальника Долинского отделения милиции г. Нальчика капитана М. Конакова, почти каждый день в отдел доставляли беженцев – нарушителей общественного порядка. Большой проблемой для милиции стал незарегистрированный в республике автотранспорт. На таких автомобилях совершались различные правонарушения, а их последующий розыск затруднялся тем, что в КБР они не числились. В других регионах эти автомобили числились в угоне.

Также одной из проблем, созданных беженцами из ЧР, было то, что в КБР регулярно происходили драки между чеченской и местной молодежью. В начале 2000-х гг. эта проблема стала еще острее, так как в КБР было направлено для обучения значительное количество студентов-целевиков из ЧР. Чеченская молодежь стала регулярно устраивать драки и грабежи. Как утверждали местные студенты, молодому человеку в одиночку было опасно ходить вечером по студгородку Кабардино-Балкарского госуниверситета, так как группы молодежи из Чечни нападали и избивали их, отбирали у них деньги и дорогие в то время мобильные телефоны. Из студенческих общежитий г. Нальчика начали массово съезжать студенты из районов КБР. В сентябре 2005 г. неоднократно происходили массовые столкновения между чеченской и местной молодежью, в частности, массовая дра-

ка произошла 27 сентября 2005 г. в г. Нальчик¹³. Однако следует отметить, что коренные жители КБР, сотрудники вузов и правоохранительных органов проводили разъяснительную работу с местной молодежью, убеждали ее в необходимости толерантного отношения к беженцам. В результате этого удалось избежать многих массовых драк между местной и чеченской молодежью и их перерастания в межнациональные конфликты.

Еще одной острой проблемой, связанной с беженцами из ЧР, была массовая скупка ими жилья, и как следствие, рост цен на жилье. В начале, 2000-х г. начались компенсационные выплаты беженцам из ЧР «за утраченное в результате боевых действий» жилье. Им выплачивалось около 300 тыс. рублей¹⁴. В начале, 2000-х гг. в Северо-Кавказском регионе 300 тыс. рублей были значительными средствами. В КБР в то время цены на жилье были относительно низкими, даже по сравнению с соседней Северной Осетией и Ставропольским краем. Двухкомнатная квартира на окраине г. Нальчике стоила около 150 тыс. рублей. При этом предложение жилья намного превышало спрос. В связи с разрушением социалистической экономической системы и низким уровнем доходов жители КБР длительное время копили средства на покупку жилья. Продавцы жилья также длительное время не могли продать его. После начала компенсационных выплат беженцы из ЧР стали массово скупать дешевое жилье в КБР. Все это привело к тому, что резко возросли цены на квартиры в КБР. Это вызвало недовольство местных жителей.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: после начала Осетино-ингушского конфликта в 1992 г., а также конфликта в Чеченской Республике, руководство КБР и ее общественные организации проводили активную деятельность по их урегулированию мирными методами. Общественные организации КБР принимали обращения к Президенту РФ, к главам республик Северного Кавказа, к народам и органам государственной власти Республики Северная Осетия и Республики Ингушетия с призывами урегулировать Осетино-ингушский конфликт мирным путем. Они также принимали обращения

к руководству РФ и народу Чечни с призывами урегулировать конфликт мирным путем.

Органы государственной власти и общественные организации КБР на протяжении всего кризиса в Чеченской Республике оказывали гуманитарную помощь ее народу. В частности, руководство КБР принимало значительное количество беженцев из ЧР, обеспечивало их жильем, питанием и медицинской помощью. Пребывание беженцев из ЧР создало в КБР ряд проблем.

В целом, органы государственной власти и общественные организации КБР проводили активную миротворческую деятельность по разрешению осетино-ингушского конфликта, а также по урегулированию военных конфликтов в Чеченской Республике, что в значительной мере способствовало стабилизации ситуации в Северо-Кавказском регионе.

Примечания

1. Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т.III. Ростов-на-Дону: Изд-во «Славянский диалог», 2008. 480 с. С. 135.
2. Коков В.М. Восхождение к идеалам. М.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2001. 258 с. С. 77, 91, 187.
3. Кабардино-Балкарская правда. 1992. 6 ноября. № 214.
4. Кавказский дом. 1992. 28 ноября. № 48.
5. Газета Юга. 1996. 26 апр. № 17.
6. Газета Юга. 1996. 21 июня. № 25.
7. Газета Юга. 1996. 28 июня. № 26.
8. Газета Юга. 1996. 19 июля. № 29.
9. Хасэ. 1994. 8 окт. № 27.
10. Газета Юга. 1995. 13 янв. № 2.
11. Северный Кавказ. 1995. 18 марта. № 11.
12. Газета Юга. 1996. 20 сент. № 38.
13. Чеченцы подрались с кабардинцами // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/306500> (дата обращения: 24.12.2016).
14. Сошин Ю. За десять лет до Пугачёва. URL: <http://zavtra.ru/blogs/za-desyat-let-do-pugachyova> (дата обращения: 13.01.2017).

K.A. Kardanova

**THE PEACEMAKING ACTIVITIES
OF STATE AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS
OF KABARDIN-BALKAR REPUBLIC ON THE RESOLVE
OF MILITARY CONFLICTS
ON OSSETIN-INGUSH CONFLICT (1992)
AND CHECHEN REPUBLIC (1994–2005)**

The article represents the peacemaking activities of authorities and public organizations of Kabardin-Balkar Republic on the resolve of military conflicts on Ossetin-Ingush conflict (1992) and Chechen Republic (1994–2005). It is revealed that this activity to a great extent has contributed to the stabilization of the situation in the North Caucasus region.

Keywords: refugees, military conflicts, Kabardino-Balkaria, public organizations, authorities, Ossetin-Ingush conflict, Chechen Republic.

Ф.Б. Шахалиева

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В 1918 г.

В статье изучен сложный процесс политической борьбы и национально-государственного строительства в регионе, а также проблема выживания малочисленных народов Кабарды и Балкарии в условиях Гражданской войны. Привлечение документальных материалов позволило выявить новую форму либеральной организации власти – Нальчикский окружной народный Совет, который обладал атрибутами парламентской демократии.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, Февральская революция, парламентская демократия, Национальный совет, либерал-демократы, нейтралитет.

Национально-государственное строительство на Северном Кавказе связано с Февральской демократической революцией, которая поставила проблему национального самоопределения на повестку дня. Национально-государственное самоопределение кабардинцев и балкарцев осуществлялось в трех формах. Образование Нальчикского окружного исполнительного комитета в марте 1917 г. можно рассматривать как первую форму политического самоопределения кабардинцев и балкарцев в рамках округа¹. Вторая форма была реализована в рамках области с образованием в этом же месяце Терского областного гражданского исполнительного комитета². Поскольку на первом съезде народов Северного Кавказа и Дагестана в мае 1917 г. Терская область вошла в состав Союза объединенных горцев (горское национально-территориальное образование, выступавшее в поддержку Временного правительства), то третья форма материализовалась в рамках Северокавказского региона³.

Октябрьский переворот 1917 г. перечеркнул возможности мирного эволюционного развития национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Первый съезд народов Терека, состоявшийся в январе 1918 г. в г. Моздоке не признал Советскую власть. Поэтому до марта 1918 г. в округах Терской области продолжали выполнять свои обязанности гражданские исполнительные комитеты, созданные Временным правительством после Февральской революции. 4 марта 1918 г. второй съезд народов Терека признал власть Совета Народных Комиссаров и провозгласил образование Терской республики. Однако в Нальчикском округе решение съезда не приняли, и главным органом власти по-прежнему был Гражданский исполнительный комитет. И только 21 марта первый окружной народный съезд провозгласил Советскую власть в Кабарде и Балкарии и избрал народный Совет из 30 человек. На съезде представители балкарского народа образовали Балкарский народный Совет, который должен был решать их внутренние проблемы⁴.

Образование Терской республики стало началом развития советской формы государственности горцев Северного Кавказа, но в ней оказались совмещены две государственные системы: демократическая республика, воплощенная в областном народном Совете и власть Советов, проводимая СНК РСФСР. Результатом интеграции этих двух начал стала анархия, борьба учреждений, которая тормозила все мероприятия Советской власти в области⁵.

Жесткую оппозицию большевикам составил Союз объединенных горцев, который 11 мая 1918 г. объявил о создании независимой Горской республики на территории Северного Кавказа и Дагестана. Члены союза отстаивали идеи гражданского равенства и свободы, верили в возможность создания правового государства и культурно-национального самоопределения своих народов в составе свободной демократической России⁶.

Большевики же поставили задачу создания однородного правительства в Терской республике. В результате политики «грабь награбленное» имущие слои населения, попав в категорию «буржуазия и помещики», подверглись преследованиям и

стали вытесняться из общественно-политической жизни округа. По воспоминаниям белого генерала А.Г. Шкуро, Н. Катханов во главе боевого отряда из большевиков-революционеров истреблял помещиков и князей, отнимал у них землю и раздавал ее крестьянам⁷.

К середине 1918 г. неприятие советской власти населением округа достигло апогея. Ненависть к партии большевиков опиралась на социальное, экономическое и политическое недовольство масс. Летом 1918 г. на Тереке началось восстание против Советской власти терских казаков (включая казаков-осетин и моздокских кабардинцев). Местная Советская власть обвинялась в нарушении декрета СНК от 1 июня 1918 г. «Об управлении казачьими областями», так как она посягнула на казачьи земли, передав их ингушам. По мнению У.А. Улигова, стремление отстоять свои земельные привилегии объединило казаков и горцев в один лагерь борьбы против Советской власти⁸.

После третьего съезда народов Терской области 4 июня 1918 г. в Нальчике был созван второй окружной народный съезд Кабарды и Балкарии, одоббивший все решения третьего съезда народов Терской области. Съезд принял решение о создании конных отрядов Красной Армии. Под руководством Б. Калмыкова в Кабарде началась насильственная мобилизация в ряды Красной Армии. В Кабарде 10 июля состоялся третий съезд трудящихся, на который съехались до тысячи человек. Он постановил поддерживать власть народного Совета и выделил для этого триста всадников⁹.

Несмотря на эти успехи, в Нальчикском окружном народном Совете большевики оказались в меньшинстве. В нем возросло влияние либерал-демократа Т.К. Шакманова. 6–18 августа 1918 г. прошел четвертый Нальчикский окружной народный съезд, на котором председателем Совета избрали Т. Шакманова, товарищами председателя – Е. Завитаева и К. Искандерова. Съезд избрал в Совет 19 человек: 10 – от Большой Кабарды, 3 – от Малой Кабарды, 3 – от иногородних, 3 – от горцев¹⁰. Должность военного комиссара округа занял А.П. Крутов¹¹. Таким образом, в августе 1918 г. представители постфевральской политической

«волны» были избраны на руководящие посты в Нальчикском окружном народном Совете. Они не признали политическую власть большевиков в округе и Терской области и стремились не допустить ее распространения в Кабарде и Балкарии.

Решения четвертого Нальчикского окружного народного съезда 6–18 августа 1918 г., по мнению большевиков, были контрреволюционным переворотом. А значит, были несовместимы с пребыванием округа в составе Терской республики, хотя данный форум не заявлял о своем выходе из состава республики. Съезд признал незаконными действия Чрезвычайной земельной комиссии по отмежеванию кабардинских земель в пользу соседних горских народов. Тем самым съезд выступил в защиту территориальной целостности Кабарды и, опираясь на заключение духовных лиц, решил проводить политику нейтралитета, что шло вразрез с политической позицией руководства Терской республики¹².

На съезде было принято постановление о создании Кабардинского национального Совета и формировании Кабардинского полка, которые должны были защитить население и демократические позиции руководства Совета¹³.

По мнению советских историков, Т. Шакманов и его сподвижники в августе 1918 г. произвели контрреволюционный переворот в Нальчикском округе, заменив «народную власть национально-шариатским Советом»¹⁴. Документы о деятельности совета не подтверждают это мнение. Проанализировав политику окружного Совета в августе-ноябре 1918 г., можно сделать вывод, что пришедшие к власти в августе 1918 г. политические силы во главе с Т. Шакмановым приложили огромные усилия для сохранения мира в округе, и, что особенно важно, земельных угодий от притязаний соседних горских народов. В своей программе они были близки к Союзу объединенных горцев и надеялись на национальную автономию в составе Российской демократической республики.

В ответ на ущемление прав кабардинцев и балкарцев действиями Советской власти в конце августа 1918 г. З. Даутоков-Серебряков организовал конный отряд в станице Солдатской, в

который вошли старослужащие Кабардинского полка Дикой дивизии и дворяне второго класса, крестьяне (русские и кабардинцы), офицеры других частей, живших в Нальчике. Представители балкарского народа и княжеская верхушка вступили в отряд позже¹⁵.

З. Даутоков-Серебряков во главе «отряда свободы» повел вооруженную борьбу с большевистскими частями в Нальчикском округе, взаимодействуя с восставшими против Советской власти терскими казаками. З. Даутоков-Серебряков был сторонником единства с Россией и предоставления Кабарде местной автономии. Он полагал, что лишь Всероссийское учредительное собрание правомочно разрешить форму правления в крае¹⁶.

Цель З. Даутокова-Серебрякова выражена в программе его партии «Свободная Кабарда», в которой говорится, что Кабарда должна устраивать свою жизнь на основе самоопределения, предлагалось организовать национальный Кабардинский Совет для защиты национальных интересов. Национальный Совет Кабарды должен был работать в контакте с другими Советами Терской области. Для наведения порядка и мира в программе предлагалось распустить отряды Красной армии по домам, а оружие конфисковать. Одновременно в Кабарде необходимо создать национальное войско, а все русские села, хутора и слобода Нальчик должны быть разоружены. В конце программы З. Даутоков-Серебряков призвал всех вступить в созданный им «отряд свободы». В целом, программа партии «Свободная Кабарда» носит довольно демократичный характер, выступает в защиту простого народа, не знающего своих прав, полученных после Февральской демократической революции¹⁷. По мнению В.Х. Кажарова, в чрезвычайно сложных условиях того времени меры, предлагаемые З. Даутоковым-Серебряковым, подчинялись идее самосохранения народа¹⁸.

9–12 сентября 1918 г. проходил пятый съезд народов Нальчикского округа, на котором вновь была принята резолюция о нейтралитете и возвращении домой кабардинцев, находящихся в рядах армий враждующих сторон. В середине сентября 1918 г. Т. Шакманов послал мирную делегацию в составе 6 человек к

З. Даутокову-Серебрякову, чтобы попытаться договориться с ним о прекращении боевых операций в районе русских хуторов и остановить его продвижение к Нальчику. На это З. Даутоков-Серебряков ответил требованием принять его программу. После обсуждения программы партии «Свободная Кабарда» съезд предложил З. Даутокову-Серебрякову влиться со своим отрядом в формируемый Кабардинский полк, поступающий в полное распоряжение Кабардинского национального Совета¹⁹.

Окружной Совет 11 сентября утвердил нормы обложения населения, необходимые для формирования Кабардинского конного полка. Численный состав полка был утвержден в 500 человек с предоставлением окружному народному Совету права его увеличения в случае необходимости. Вместо А. Крутова, требовавшего его посылки на фронт на пост военного комиссара формируемых национальных частей, съезд избрал генерал-майора Хагондокова, а его помощниками полковника И. Урусбиева и М. Абукова. Отряду Красной Армии во главе с А. Крутовым было разрешено оставаться в Нальчике²⁰.

Эти решения расходились с политикой большевиков, которые вскоре объявили Совет Т. Шакманова «контрреволюционным». Для его свержения в Осетии был сформирован отряд из кабардинцев-большевиков и осетин-кержменистов под руководством Н.А. Катханова²¹. Надо сказать, что большинство населения Кабарды и Балкарии воспринимало Гражданскую войну как нечто, навязанное им извне. Они не считали Гражданскую войну неизбежной, не веря, что завтра она придет и в их дом. Поэтому стремились «переждать» это «смутное» время. Во имя жизни и мира, они довольно легко принимали то антибольшевистскую, то большевистскую власть²².

Отряд из 25 человек, посланный администрацией Т. Шакманова для ареста Н. Катханова, сам был арестован его бойцами, а 24 сентября отряд Н. Катханова занял Нальчик. Н. Катханов, явившись на заседание окружного Совета, заявил, что ввиду того, что окружной Совет, Кабардинский национальный Совет и духовный Совет не пользуются доверием трудового народа, вступивший в Нальчик отряд требует сложения полномочий Т. Шакманова и

передачи всей власти по округу Военно-Шариатскому революционному Совету. Народный Совет округа, не имея военных частей для защиты депутатов, не оказал сопротивление. 25 сентября на заседании Военно-Шариатского революционного Совета в Нальчике произошли перевыборы Президиума окружного народного Совета, избраны новый председатель Совета и члены отделов. Взамен существующих судебных отделов в каждом селении был учрежден Шариатский суд в составе двух избранных населением мулл. Муллы и сельские Советы избирались на шесть месяцев и в течение этого времени не могли быть сменяемы. Увольнение лиц с указанных должностей должно было производиться только по решению окружного Шариатского суда, а сельских Советов и Комиссаров селений по постановлению Военно-Шариатского революционного Совета, «в случае установления неправильных их по службе действий». Во главе каждого организованного боевого полка должен был стоять духовный руководитель – мулла²³. Принятые решения свидетельствуют о том, что Н. Катханов хотел установить в Нальчикском округе власть Военно-Шариатского революционного Совета, что, конечно, было совершенно неприемлемо для большевиков.

Сконцентрировав силы, 6 октября З. Даутоков-Серебряков вновь занял Нальчик и восстановил здесь власть Нальчикского окружного и Кабардинского национальных Советов во главе с Т. Шакмановым. 7 октября 1918 г. состав прежнего Президиума во главе с Т. Шакмановым был восстановлен. Комиссаром округа был назначен Ломако, помощником военного комиссара М. Абуков. По этому случаю окружной народный Совет принял постановление: «Ввиду того, что военный штаб Красной Армии, присоединившись к движению Н. Катханова и разогнав окружной народный Совет, выступил против воли кабардинского народа в контакте с незначительной частью населения округа и пришлыми осетинами, признать Красную Армию вне защиты кабардинского народа». На заседании Совета было принято решение: созвать народный съезд, восстановить судопроизводство, начать печатную агитацию на арабо-кабардинском языке, усилить милицию, послать протест национальному Осетинскому Совету против вмешательства осетин во внутренние распо-

рядки округа. Партии «Свободная Кабарда» было предоставлено два места в окружном Совете²⁴.

Программа партии «Свободная Кабарда» З. Даутокова-Серебрякова схожа с политикой Т. Шакманова, что послужило их политическому сближению. Благодаря этому в Нальчикском округе были достигнуты значительные успехи в национально-государственном строительстве кабардинцев: создана независимая политическая и судебная власть, сформировано национальное войско, образован особый Духовный Совет, призванный примирить охваченное гражданской войной население округа.

Окружной Совет, проводя политику нейтралитета, пытался создать национальное войско, которое обеспечило бы безопасность региона. Решая вопросы укрепления власти, он не мог обойти и проблему создания независимых судебных органов, соответствующих его возросшим полномочиям. В связи с этим окружной народный Совет 2 ноября 1918 г. утвердил «Проект судебных установлений в Нальчикском округе», который определил структуру, состав и функции окружного суда и окружного шариатского суда²⁵. Взамен Военно-полевого суда был введен для мусульман Военно-шариатский суд. Немусульманское население должны были судить по Военному Уложению с участием лиц, получивших юридическое образование. Новые суды для гражданского населения рассматривали дела о грабежах, разбоях, политических преступлениях и провокациях²⁶.

Таким образом, окружной народный Совет во главе с Т. Шакмановым принял все зависящие от него меры по преодолению социального раскола. В частности, для того чтобы усилить интеграционные процессы в регионе, он возложил на Духовный Совет функции примирения и объединения мусульман округа.

Оценивая результаты национально-государственного строительства в Кабарде и Балкарии в августе-ноябре 1918 г., необходимо учитывать, что оно осуществлялось легитимными в той исторической обстановке органами власти. Высшая власть принадлежала народному съезду, избираемому на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, а между съездами – народному Совету. Их структура и полномочия были определены еще в мар-

те 1918 г. Но коренное отличие их деятельности в августе-ноябре 1918 г. заключалось в том, что они не только формально, но и по существу стали демократическими органами власти. Последующие съезды, в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. избирались на основе ограниченного и многоступенчатого избирательного права в условиях централизованной диктатуры большевиков.

В.Х. Кажаров характеризует политическую систему Нальчикского округа как «парламентскую демократию». Кабарда не была провозглашена независимой республикой, но в октябре-ноябре 1918 г. она обладала многими ее атрибутами: независимой политической и судебной властью, избранной демократическим путем; территориальным суверенитетом; национальным войском; нейтралитетом в вопросах войны и мира; особым Духовным Советом, выполняющим функции примирения и социальной интеграции, и т.д.²⁷ Во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа окружной Совет проводил самостоятельную внешнюю политику. Следует признать, что та форма самоопределения, которая была создана в то время, так и не была преодолена последующими поколениями.

В конце октября 1918 г. положение на Тереке изменилось в пользу большевиков. 19 ноября 1918 г. передовые части XI и XII Красной армии, в том числе шариатский отряд Н. Катханова, заняли Нальчик. Шестой съезд народов Нальчикского округа, проходивший с 16 по 18 декабря реорганизовал его политическую структуру в соответствии с Конституцией РСФСР, создав вместо народного Совета – Совет рабочих, горских, крестьянских и красноармейских депутатов²⁸.

Таким образом, антибольшевистские силы Нальчикского округа: либерал-консерваторы – «отряд свободы» во главе с З. Даутоковым-Серебряковым, либерал-демократы – Нальчикская администрация во главе с Т. Шакмановым и правительство Горской республики (Союз горцев) имели одну цель, однако шли к достижению этой цели разными путями. Политическими идеалами представителей данных идейных направлений были: постепенность реформ, переустройство общественной жизни на началах модернизации российской действительности,

уравнение населения Нальчикского округа в правовом отношении с другими народами России.

Администрация во главе с Т. Шакмановым в августе–ноябре обладала атрибутами парламентской демократии, однако политические шаги, предпринятые Т. Шакмановым по установлению в Нальчикском округе данной формы власти, диктовались исключительно условиями военного времени, начавшейся братоубийственной Гражданской войной. Администрация Т. Шакманова состояла из ярких и образованных политических деятелей, которые приложили много усилий для демократизации общественной жизни на началах законности и порядка, и предпринимала реальные шаги для самосохранения своего народа от физического истребления в условиях Гражданской войны.

Примечания

1. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гутов, Л.Б. Татарокова и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с. С. 34–36.
2. *Бербеков Х.М.* Очерки истории советской Кабардино-Балкарии. М.: Политическая история, 1958. 160 с. С. 17.
3. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / Сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. 295 с. С. 46–47.
4. Документы по истории борьбы за Советскую власть... С. 69–70, 119–129.
5. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. Р-1253. Оп. 1. Д. 242. Л. 20–21.
6. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана... С. 76.
7. *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: записки белого партизана. М.: Транзиткнига, 2004. 540 с. С. 101.
8. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 353 с. С. 182.
9. *Бербеков Х.М.* Указ. соч. С. 88.
10. Документы по истории борьбы за Советскую власть... С. 212.
11. ЦГА КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–46.

12. Там же. Л. 48.
13. Там же. Л. 59.
14. *Бербеков Х.М.* Указ. соч. С. 92.
15. *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с. С. 64.
16. *Бурда Э.* Забытый герой. Заурбек Даутоков-Серебряков. URL: <http://kavkaz.ge/2010/07/06/zabytyj-geroj-zaurbek-dautokov-serebryakov/> (дата обращения: 14.07.2015).
17. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков гражданская война в Кабарде / Сост. О.А. Жанситов. Нальчик: КБИГИ, 2008. С. 61–62.
18. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 174 с. С. 45.
19. Документы по истории борьбы за Советскую власть... С. 217–220.
20. Там же. С. 220–223.
21. *Калмыков Б.Э.* Революционное движение в Кабарде: очерки. Нальчик: Эльбрус, 1957. 52 с. С. 19.
22. ЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 20. Л. 20
23. ЦГА КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 61, 62, 64.
24. Там же. Л. 68, 69, 70.
25. Там же. Л. 78, 79.
26. Там же. Л. 72.
27. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Указ. соч. 174 с. С. 47–48.
28. Документы по истории борьбы за Советскую власть... С. 236–237, 268–271.

F.B. Shakhaliyeva

NATIONAL-STATE SELF-DETERMINATION OF KABARDIANS AND BALKARS IN 1918

The article examines the complex process of political struggle and nation-building in the region, as well as the problem of the survival of the small peoples of Kabarda and Balkaria in the conditions of the Civil War. Attraction of documentary materials made it possible to reveal a new form of liberal organization of power – the Nalchik District Peoples Council, which had the attributes of parliamentary democracy.

Keywords: Terskaya oblast, Nalchik district, February revolution, parliamentary democracy, the National Council, the liberal-democrats, neutrality.

Д.Т. Пишхачева

**ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ СТАТУСОВ
В ТРАДИЦИОННОМ КАБАРДИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
В ПЕРЕХОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ
(В ГОДЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)**

В работе рассмотрены изменения гендерного статуса кабардинской женщины в условиях Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Исследованы коренные преобразования в гендерных статусах, а также особенности их восприятия в традиционном кабардинском обществе. В работе изучены изменения в социальных и политических правах женщин.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, кабардинцы, Кавказ, женщины, право, равноправие, адат, шариат, конституция, образование, труд, Кабарда.

Историческое развитие России в последней трети XIX – первой половине XX вв. отличается многочисленными политическими, экономическими и социальными преобразованиями. Они повлияли и на развитие гендерных отношений и гендерных статусов народов, проживавших как в центре, так и на периферии страны. В ходе революционных событий 1917 г., а в дальнейшем и Гражданской войны, в обществе существенно изменились представления о социальном статусе женщины, ее предназначении и степени зависимости от мужчины. С целью эффективного исследования динамики гендерных статусов в годы революции и Гражданской войны, актуальным является применение концепции исторических циклов и переходных периодов, разработанной К.Ф. Дзамиховым. Ее суть заключается в том, что «исторические закономерности и тенденции к относительно устойчивому состоянию северокавказского социума позволяют выявить ряд исто-

рических циклов, между которыми лежит переходный период, который характеризуется воздействием внешнего и внутреннего факторов, приводящих к кризису и отмиранию многих составляющих элементов прежней социальной системы»¹. Вследствие того, что изменение гендерных статусов напрямую зависит от конкретных социальных трансформаций, концепция, предложенная К.Ф. Дзамиховым, выступает наиболее подходящей для отслеживания их динамики в выбранный период. Таким образом, в рамках нашего исследования историческим циклом (временем относительной стабильности) является период с конца 60-х гг. XIX в. по 1917 г., а переходным – с 1917–1920-е гг.

Изучению гендерных отношений на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде, посвящены работы таких исследователей, как Л.Х. Гукетлова², А.Х. Абазов³, Н.А. Шаожева⁴, З.В. Шоранова⁵ и др. Однако исследование динамики гендерных статусов в указанный период в современной историографии нуждается в конкретизации, детализации и сравнительно-историческом анализе.

Важной особенностью правового статуса женщины в Кабарде в конце XIX – начале XX в. является то, что он определялся не только нормами адата и шариата, но и законами Российской империи. Например, с 1892 г. в Кабарде неоднократно поднимался вопрос о калыме, его размере и условиях выплаты. 10 декабря 1902 г. доверенные от Кабарды и Балкарии (выборные представители сельских обществ) утвердили общественный приговор о том, что «высшая сумма калыма назначается в сумме 500 рублей и должна поступить безусловно в собственность невесты, если она по своему желанию захочет выделить отцу часть его, то может это сделать в пределах половины суммы накяха; другая половина остается у мужа, составляя собственность жены, причем выданное отцу часть накяха должна всецело пойти на заготовление приданого невесты и другие надобности, но никак не в собственность отца. Если кто тайно или открыто совершит накях выше назначенной приговором суммы, штрафуется как жених, так и отец невесты за круговой порукой по 300 рублей; отец, взявший больше половины накяха, подвергается тому же нака-

занию»⁶. Накахом называется мусульманское бракосочетание. У адыгов этот термин, видимо, слился с обозначением калыма.

Не менее важной характерной чертой социально-правового статуса кабардинской женщины в конце XIX в. являлось предоставление ей процессуальных прав, то есть возможности представлять и защищать свои интересы в суде. Это право женщины получили с учреждением Кабардинского Временного суда в 1822 г. Например, в материалах Кабардинского временного суда были зафиксированы случаи, когда женщины выступали в качестве получателей материальных компенсаций за убийства и ранения своих подвластных⁷. В конце XIX в. женщина в Кабарде уже имела право наследовать земельные участки, независимо от власти мужа или брата, и так же могла ими распоряжаться как личной собственностью.

Установление советской власти в Кабарде сопровождалось ярко выраженным межсословным конфликтом. На эту особенность обратили внимание современники – участники Гражданской войны, представляющие противоборствующие лагеря. Известный борец за советскую власть на Кавказе Н. Гикало в своем выступлении на одной из региональных партийных конференций 1925 г. отметил следующее: «...Кабарда как раз оказывается тем народом, где феодализм принял достаточно большие формы. ...Кабардинский народ восстал и особенно уже в 20-е гг. почти поголовно вырезал князей... Это говорит о том, что в Кабарде пошла другая борьба, пошла борьба против феодализма, против князей... И борьба в Кабарде отличается от борьбы среди других горцев тем, что она жесточайшая, глубочайшая борьба. Революция достаточно сильно показала, что рабочий класс, наша Красная армия были исключительно тяжеловесными по своим ударам, но кабардинцы в этом отношении, по-видимому, и нас русских превзошли, потому что нам даже, в свое время, приходилось, давая директивы кабардинским товарищам, говорить: пожалуйста, пожалейте кого-нибудь из кабардинских князей...»⁸.

В условиях становления нового государства с новым политическим и правовым строем происходили изменения и в гендерном статусе женщин в Кабарде. В 1920-х гг. одной из форм

вовлечения женщин Северного Кавказа в общественно-политическую активность стали съезды, совещания, слеты и т.п. горянок, проводившиеся как в региональном масштабе, так и в каждой из национальных автономий края. Выступления делегатов обычно бывали «подготовлены» и идеологически «выдержаны». Отсюда проистекала клишированность многих текстов, включавших несколько обязательных сюжетов: слова благодарности партии, советской власти за свободу и раскрепощение женщин, за равноправие с мужчинами; отмечались успехи в повышении активности и сознательности; отмечались также недостатки и насущные задачи; содержались выпады против мешающих женскому движению «враждебных элементов» – мулл, кулаков и т.п. В то же время выступления делегатов содержат информацию, которая свидетельствует о реальных проблемах, которые составляли обыденную повседневность женской жизни. В наибольшей степени женщины были заинтересованы в решении материально-экономических вопросов, связанных с малоземельем, товарным голодом, налогообложением, выплатой по ссудным кредитам, обеспеченностью лесоматериалом, благоустройству аулов, дорог и мостов. В условиях дискредитации властью и пропагандой многих традиционных институтов брака, женщин волновали проблемы его правового регулирования: калым, развод, многоженство, обеспечение детей, умыкание, насилие в семье. В выступлениях постоянно будировался школьный вопрос, что было связано со вполне осознанным стремлением к образованию детей. Материалы свидетельствуют о противоречиях между женщинами-общественницами и мужской частью жителей аулов, негативно относившихся к женской активности. Из женских выступлений следует, что они подвергались насмешкам и третированию, их оттесняли из общественной сферы, изолировали от принятия решений на общинном уровне⁹.

Изменения произошли и в образовании. Первые декреты советской власти провозглашали совместное обучение в школах, равный доступ к образованию для обоих полов, запрет телесных наказаний, одинаковые учебные программы для мальчиков и девочек. Для всех в одинаковой мере стали доступны все пред-

меты, включая естественнонаучные и технические дисциплины. Неграмотность в основном была женской проблемой, работа по ликвидации неграмотности среди работниц и крестьянок считалась главным условием, без которого невозможно было бы привлечь женщин к общественно полезному труду, участию в управлении государством¹⁰.

Не менее важным направлением данной проблемы выступает введение уголовной ответственности за принуждение к браку и похищение невесты. Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. установил наказание до двух лет лишения свободы за похищение девушки для вступления в брак¹¹. Данная правовая норма являлась нововведением в советском праве. При этом она по-разному воспринималась в кабардинском обществе, так как умыкание невесты существовало на протяжении многих веков. Но несмотря на то, что похищение невесты стало уголовно-наказуемым деянием, в Кабардино-Балкарии данный обычай продолжал применяться. Это объясняется тем, что правовые и политические преобразования не могут оказать столь быстрого влияния на традиционное правосознание кабардинцев, у которых и сегодня обычай похищения невесты часто практикуется при отправлении обрядов семейно-брачного цикла.

Существенным правовым изменением является также положение Конституции РСФСР 1937 г., которое закрепляло равные права женщины и мужчины: «Женщине в РСФСР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов»¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что в период с конца XIX в. до середины XX в. социально-правовой статус кабардинской женщины изменился коренным образом: было конститу-

ционно закреплено равноправие с мужчиной, официально предоставлено право на получение образования, членство в партии, а также обеспечена защита от заключения брака путем умыкания невесты. В данный переходный период традиционному кабардинскому обществу нелегко было адаптироваться к резкому изменению социальной роли женщины, в связи с чем некоторые изжившие себя обычаи продолжали соблюдаться. Такое явление актуально и на сегодняшний день.

Примечания

1. *Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ: история взаимоотношений в цивилизационной ретроспективе // Политико-правовые компоненты Кавказской цивилизации: общее и особенное в системах власти, правовых институтах, ценностях, менталитете народов Кавказа: Материалы V Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсутов. Ростов-на-Дону: Издательство ООО «Альтаир», 2015. С. 31–37.

2. *Гукетлова Л.Х.* Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии в годы советской модернизации (20–30-е гг. XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2011. 205 с.

3. *Абазов А.Х.* Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев по материалам Кабардинского временного суда (1822–1858) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 2. С. 5–13; *Абазов А.Х.* «Брак умыканием» как элемент соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 3–9.

4. *Шаожева Н.А.* Трансформация гендерных стереотипов в 90-е гг. XX – начале XXI вв.: социально-экономический и правовой контекст (на материалах Кабардино-Балкарской Республики). Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2012. 130 с.

5. *Шоранова З.В.* Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2012. 166 с.

6. *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во II половине XVIII–XIX вв. Нальчик: КБНЦ РАН, 2000. С. 108.

7. *Абазов А.Х.* Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев по материалам Кабардинского временного суда (1822–

1858) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 2. С. 5–13; *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. С. 96.

8. *Жанситов О.А.* Межсословные отношения в Кабарде в контексте революционных процессов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 5.

9. *Анчабадзе Ю.Д.* Горянка на трибуне (по материалам съездов женщин на Северном Кавказе 1920–х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 2. С. 276.

10. *Гукетлова Л.Х.* Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии в годы советской модернизации (20–30-е гг. XX в.). Дис. канд. ист. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2011. С. 59.

11. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятый 26 мая 1922 года на 3-й сессии IX съезда Советов, ст. 159. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 17.05.2017).

12. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.). Ст. 126. // Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 17.05.2017).

D.T. Pshikhacheva

**DYNAMICS OF GENDER STATUS
IN TRADITIONAL KABARDIAN SOCIETY
IN TRANSITIONAL AND HISTORICAL PERIODS
(DURING THE YEARS OF THE OCTOBER REVOLUTION
AND THE CIVIL WAR)**

Changes in the gender status of the Kabardian woman in the conditions of the October Revolution and the Civil War are considered. The fundamental changes in gender status, as well as the peculiarities of their perception in traditional Kabardian society, have been studied. The paper examines changes in the social and political rights of women.

Keywords: revolution, Civil war, Kabardians, Caucasus, women, law, equality, adat, sharia, constitution, education, labor, Kabarda.

Р.А. Ханаху, З.Х. Гучетль

НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ АДЫГОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматриваются актуальные проблемы совместимости традиционных нравственных предписаний (императивов) различных групп населения России с современными этическими представлениями.

Ключевые слова: социальная регуляция, традиционная нормативная система адыгагъэ, самоидентификация, воинский этос, этническое сознание.

Социальная регуляция коренных народов Северного Кавказа отлична от регуляции большинства других народов современной России. Она в большей степени связана с традицией и ориентирована на сохранение этнических нормативно-этических представлений. Дистанционные отличия от традиции создают нормативную дисконпозицию. На новом этапе вновь обнажилась «своеобразная конкуренция двух соционормативных систем, которая проявилась в утверждении значимости этнокультурной специфики различных субъектов, расположенных на Юге России, несоответствии правовых норм РФ и субъектов федерации, доминировании этнической идентичности по отношению к общероссийской»¹. Это делает актуальным вопрос о совместимости нормативных систем различных групп населения России, а также о возможности совместимости традиционных нормативно-этических предписаний с модернистским (и постмодернистским) настоящим.

Соционормативно-этические представления коренных северокавказских народов весьма схожи. Поэтому интересующие нас вопросы можно рассмотреть на примере какой-либо одной нормативной системы. В данном материале он рассматривается на примере адыгов, т.е., адыгейцев, кабардинцев и черкесов.

Социологические исследования показывают, что большинство адыгов (более 90%)² в повседневном поведении до сих пор ориентируются на традиционную нормативную систему – «адыгагэ» (в вольном переводе на русский – «адыгство»). Данный социальный феномен тем интереснее, что традиционное общество у адыгов перестало существовать примерно к исходу XIX века.

Сами адыги склонны трактовать понятие адыгагэ в широком диапазоне. В широком смысле они понимают под ним человечность (гуманизм). В узком – свод традиционных правил поведения, включая нормы этикета (адыгэ хабзэ).

Очевидно, что в полной мере традиционная нормативная система не может сохраниться в современном обществе, поскольку она для него не вполне приспособлена и нуждается в новациях. Тем не менее, как и в традиционном обществе, она исполняет ряд традиционных функций и в жизни современных адыгов.

На наш взгляд, к числу последних следует отнести функции самоидентификации, а также межличностной идентификации при коммуникации (взаимного «распознавания»). Самоидентификация предполагает следование традиционной этнической нормативной системе, поскольку модернистские нормативные системы «надэтничны». Идентификация при коммуникации образует (по меньшей мере, дополняет) коллективную идентичность.

Важные особенности идентичности адыгов обусловлены особенностями традиционной соционормативно-этической системы. В значительной мере она связана с традиционным воинским этосом, специфическим кодексом поведения, складывающимся в воинских коллективах³. На вершине иерархии личностных качеств человека в нем такие, как добытая в боях личная слава, предполагающая мужество, храбрость и смелость, а также честь и достоинство. Самое позорное и неприемлемое для воинского этоса качество – трусость.

Соперничество за славу между своими, так же как и необходимость взаимно блюсти честь, вызывают появление особого рода вежливости – изысканного этикета. Этикет разрабатывался в деталях и служил для того, чтобы не создавать условий, при которых возможно нанесение ущерба чести.

Характерной особенностью воинского этоса является также щедрость. Принадлежащие к почетному воинскому сословию люди не связаны, как правило, с трудом, а их социальное предназначение сводится к охране поселенческой общины и ее обеспечению добытой в боях добычей.

Исследование традиционной адыгской нормативно-этической системы показывает, что она органически соединила в себе компоненты воинского этоса с компонентами нормативных систем. Все это свойственно для любой традиционной культуры. В таких культурах приоритет интересов общности преобладает над интересами индивида, нравственный статус группы переносится на индивида и наоборот. В воинском этосе любовь к своей земле выражается, как особо почетная обязанность по ее защите; культ предков и связанный с ним культ старших; приверженность всей общности (народу) и др.

В настоящее время многие традиционные нормативно-этические регуляторы претерпели определенную модернизацию. Так, например, приверженность общности преобразовалась в приверженность всему этническому (национальному), понимаемому как право на культурное своеобразие и развитие. Традиционный культ предков и старшинства «соединился» с современной общечеловеческой моралью, также предполагающей уважительное отношение к старшим, однако при этом он остался акцентированным и ритуализированным. Многие другие социальные регуляторы, предполагающие долженствование, также испытывают на себе влияние времени.

Например, гостеприимство остается незыблемым законом современного адыгского общества, хотя и оно претерпело определенные изменения. Так, остались в прошлом кунацкие, гостевые дома. Но их заменили комнаты для гостей, оборудованные в том же доме, где живет семья. В связи с усложнением жизни во всем цивилизованном мире жестче законы гостеприимства и в Адыгее и в Кабарде. Мало кто рискнет впустить к себе в дом незнакомого человека, тем более глубокой ночью, не спрашивая при этом, кто и откуда. Но при этом адыги остаются такими же хлебосольными и ставят на стол все самое лучшее, что есть в доме.

Безвозмездная помощь и взаимовыручка также жива между родственниками, соседями и жителями поселения. Когда человеку нужна помощь, селяне без всякого на то приглашения приходят и делают то, что они могут делать соответственно их профессионализму и квалификации. Примером тому может служить поступок жителей а. Панахес Республики Адыгея, которые всем поселением помогли черкесским беженцам из Сирии в создании всех необходимых условий для полнокровного быта и жизни.

Если раньше, в былые времена, по адыгскому этикету строго осуждалось чревоугодие и пьянство, и то и другое было под большим запретом и воспринималось обществом как слабость, которой стыдился каждый уважающий себя адыг, то в современное время к таким порокам относятся терпимее. Не осуждаются брутальная лексика в общественных местах, употребление спиртных напитков мужчинами, а в ряде случаев и поощряется. От него лишь требуется, чтобы он знал меру и не терял человеческого лица, не буянил, не устраивал пьяные потасовки, т.е. не нарушал общественного порядка, иными словами, здесь ещё «срабатывают» некоторые факторы «культуры стыда».

Как и в прошлые времена, «добытчиком», главой семьи у адыгов является муж (отец, старший брат), жена (мать, старшая невестка) – это второе лицо в доме после мужчины, на ней сконцентрирована организация работы по дому, с ней считаются, к её мнению прислушиваются, она окружена вниманием и заботой всех домочадцев. Но сегодня появляется такая тенденция, когда мужчина теряет работу, женщина берёт на себя роль главы семьи.

Таким образом, адыгский этос и его моральный опыт демонстрируют способность адаптироваться к новым реалиям и вызовам. Однако адыгагъэ (адыгство) коснулись некоторые изменения (трансформация). Интенсивно идёт процесс изменения в ментальности адыгов, особенно молодежи, в стиле и образе его жизни. Их ментальные свойства проходят испытание доминирующими тенденциями мирового развития, как индивидуализация и глобализация. Сегодня многие стороны морали этноса

сложно оценить в рамках привычной объяснительной модели. Под влиянием глобализации этническая культура в целом сильно дифференцирована. Так, например, доминирующая культура в мегаполисе сильно отличается от доминирующих форм культуры в регионах и внутри их. Представляется, что выработка новых объяснительных моделей связана с переносом акцентов: от констатаций культурной однородности локального типа необходимо перейти к констатации смешанных культур в рамках одного и того же ареала.

В условиях глобализации адыгство показывает способность противостоять энтропийным процессам, остается каналом и средством адаптации к модернистским условиям. Ныне не может быть востребован весь потенциал традиционной морали, а лишь те сегменты, которые могут быть артикулированы в современных условиях для приспособления к современным процессам или для обеспечения ментальной идентичности.

Таким образом, адыгагэ (адыгство) не только никуда не исчезло (хотя и несколько сместилось ближе к сфере семейно-бытовых отношений), но и по-прежнему лежит в основе субъективной типизации окружающего мира. «Приспособившись» к современности, традиционные социальные регуляторы и представления о долженствовании по-прежнему творят этническую картину повседневности и даже мира.

Примечания

1. Унарокова Р.Б. Хабзэ и этическая перспектива адыгов // Международная научно-практическая конференция. Майкоп, 2010. С. 55.
2. Там же.
3. Костылев С.В. Традиционный военно-этический комплекс адыгов // Философия, социология, культурология. Вып. 5. Майкоп, 2006. С. 92.

R.A. Hanahu, Z.K. Guchtel

THE MORAL IMPERATIVES OF ADYGHE NORTH CAUCASUS

The article deals with actual compatibility problems before the moral prescriptions (groups) of various groups of the population of Russia with modern ethical ideas.

Keywords: social regulation, traditional normative system of adygaghe, self-identification, military ethos, ethnic consciousness.

УДК 821.352.3

Л.Б. Хавжокова

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ НАРОДА
В СИМВОЛИКЕ ЧЕРНОГО МОРЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АДЫГСКОЙ ПОЭЗИИ)**

Статья посвящена изучению историософии адыгской поэзии на примере исследования одного из значимых в адыгском национальном сознании образов-символов – Черного моря. Автор акцентирует внимание на принципах художественного осмысления исторической действительности и ее воспроизведения в конкретном образе.

Ключевые слова: поэзия, история, отражение, символика, образ, этноментальное сознание.

В каждой национальной литературе имеется комплекс устоявшихся в ней мотивов, образов, символов, определяющих ее нравственно-эстетическое своеобразие. Исследование образов природы и пейзажных мотивов способствует не только корректной интерпретации национального своеобразия поэзии, но и выявлению особенностей ее исторического движения – именно потому, что эти образы и мотивы находятся за пределами исторической плоскости. Образы окружающей среды, не меняющиеся даже через столетия, позволяют проследить эволюцию самой художественной образности в отдельности от динамики изображаемой действительности. Если грушевое дерево (точнее, грушевая ветка) или тисовое дерево у А. Кешокова, или же образ одинокого дерева у Х. Бештокова изображается иначе, чем, например, в «Жалобе дерева» известного джегуако XIX века К. Абазова, то вовсе не потому, что объекты природы (в данном конкретном случае – деревья) стали другими, а потому, что ме-

няется система поэтического мышления – от эпохи к эпохе, от автора к автору.

В адыгской поэзии можно выделить универсальные мотивы и образы, выходящие за рамки индивидуального авторского сознания и принадлежащие поэтическому сознанию всего этноса, характеризующие его мировоззрение и мировосприятие. Этноментальное своеобразие и особенность индивидуального видения мира или художественного осмысления конкретной эпохи легче почувствовать, если предметом исследования становится нечто статичное, общее для всех авторов. Именно поэтому мы обращаемся к образу Черного моря, несущему на себе печать истории и ставшему знаковым элементом адыгского мировосприятия.

Историк французской Школы Анналов Фернан Бродель писал: «Море, каким мы его видим и любим, лучше всего рассказывает о своем прошлом»¹. Для адыгов Черное море практически во всех (за редким исключением) случаях ассоциируется с образом очевидца и главного свидетеля трагических страниц истории народа. Так, например, в творчестве Х. Бештокова нередко воссоздание последствий Кавказской войны воспроизводится при помощи морской атрибутики (волна, берег, дно моря и т.д.), которая часто выполняет функцию метафорического соединения двух миров – человеческого и природного. При этом наблюдается чрезмерное олицетворение морских образов, что приводит к усилению эмоционального накала произведений. В стихотворении «Море» («Тенджыз», 1989) «*волны встают на дыбы, словно необъезженный конь*» («толькьунхэм заІэт шы мыгьасэу»), «*волны с пеной, как с гривой [коня], поднимаются*» («тхьурымбэр я сокуу кьохьей»). Здесь же подчеркивается, что «*море стонет, будто по капле изучая историю*» («тенджызыр мэгызыр – ди тхьдэр ткІуэпс-ткІуэпсу иджыжым нэхьей»).

Общеизвестно, что вода является основой жизни. Но, несмотря на утверждение адыгской пословицы «Псыр псэхэльхьэжц» – букв. «Вода возвращает к жизни», морская вода в художественном сознании адыгов знаменует собой трагическую историю народа, является знаком уничтожения, символом

смерти. В лирике Х. Бештокова Черное море представлено как кладбище адыгов. Массовое уничтожение и насильственное выселение народа поэт олицетворяет через образ кровавого моря, в некоторой мере ассоциирующегося с кровавым паром – образом-символом, сформировавшимся в адыгском фольклоре, в частности – в «Сетованиях лабинцев»:

*ТхыдэмкIэ дыкыкIуэцIрыкIу
ТфIыхитхъа гур мэуз...
Ди гъащIэ ябгэм и дьджым
ЩIэлъэдэжащ дилъ тенджыз².*

Истерзанное историей
Сердце болит...
Горечь нашей судьбы
Залито морем нашей крови. (Пер. подстр.)

Ощущение земли как «планеты памяти народа», а себя – частью всей истории народа и восприятие грандиозности этой одновременно радостной и тягостной ноши составляют основу лирического «я» поэзии Х. Бештокова, а потому образы «моря», «земли», «голосов земли», «голосов прошлого», «живой памяти», доминируют в его лирике и приобретают масштабы глобальных символов.

По представлению многих адыгских авторов, Черное море оттого настолько соленое, что наполнено слезами махаджиров: «В море Черном от слез стала горше вода»³, «Вода морская солона слезами / И горем наших прадедов горька»⁴, – пишет И. Машбаш. А в стихотворении «Черное море» («Тенджыз ФIыцIэр») К. Дугужева «гнев» в сердцах адыгов ассоциируется со штормящим морем:

*Адыгэгум бампIэу дэлъым
Тенджыз ФIыцIэр кърехуэкI⁵.*

Гнев в сердцах адыгов.
Бушует Черное море... (Пер. подстр.)

Адыгские поэты в своих произведениях обращаются к Черному морю – то с вопросами, которые часто оказываются без-

ответными, то с мольбой вернуть поглощенный им народ, то с просьбой хоть каким-либо образом усмирить, «унести на своих волнах» душевную боль. Так, например, в стихотворении «Черному морю» («Тенджыз ФЫцІэм», 1966) З. Тхагазитова в огромной массе воды лирический герой видит враждебную силу и обращается к нему как к самому заклятому врагу:

*Ей, си гуауэ фЫцІэ,
Си тенджыз ФЫцІэ,
Си ухыгъэ фЫцІэ!*⁶

Эй, моя черная боль,
Мое Черное море,
Моя черная судьба! (Пер. подстр.)

И в других стихотворениях З. Тхагазитова, встречаются разные ассоциативные связи между сердцем и морем: то море сравнивается с «сердцем, охваченным горем» («*Гуауэм иубыда цІыхугум фІэкІи / Згъуэткъым иджыпсту узэзгъэпцэн*»⁷. – «Кроме как с человеческим сердцем, охваченным горем, / Не нахожу с чем сравнить тебя в этот миг»), то сердце ассоциируется со спокойным или бушующим морем («*ГъащІэ гъуэгуанэ зэрытехъэу / Къыщтащ мы си гум уэ уи хъэл: / Ар зэм гупсэхуу къоуэр уэщхъу, / Зэм – / КъызокІуэкІри къохъур Іэл*»⁸. – «Как только вступило на дорогу жизни, / Мое сердце переняло твой характер: / То оно бьется спокойно, как и ты, / То – / Разгневавшись, бушует»).

В песенном тексте «Стою на берегу моря» («СЫутц Хы Іуфэм») поэта и композитора В. Иванова обращение лирического героя к Черному морю, «окрашенному кровью адыгов», пронизано глубоким драматизмом:

*Уэ адыгэлъу зыщІэфамкІэ
Урикъуа щІыкІэу, умамъриц.
Ауэ си лъэпкъыр щыбгъэпцкІуамкІэ
Сэ сыноуицІыр, уэ – ущымщ.
<...>
Ей, хы абрагъуэ, ущымысхъу
Си лъэпкъыр дэнэ зыдэпхъар?*

*Хэкужь и быну си псэм хуэсхьым
И лъыриц уэ фЫицІэу уизыІар⁹.*

Ты спокоен, будто
Насытился кровью адыгов.
Но, где ты спрятал мой народ,
Я спрашиваю, ты – молчишь.

<...>

Эй, море огромное, безжалостно
Куда ты спрятал мой народ?
Кровью моих родных и близких
Окрашен ты в черный цвет. (Пер. подстр.)

Горькими мотивами проникнут также диалог лирического героя и Черного моря в стихотворении «Море, отчего ты настолько горькое?..» («Тенджыз, апхуэдэу щхьэ уткІыбжь уэ?..», 1991) Х. Кажарова. В данном произведении представлен один из оригинальных способов воспроизведения исторической действительности – беседа человека с конкретным образом природы, знаменующим собой отрицательный знак в сознании угнетенного народа:

– Тенджыз, апхуэдэу щхьэ уткІыбжь уэ?

– Адыгэ нэпсыр къызобэкІри.

<...>

– Тенджыз, ущыгьуэу щхьэ епхьэкІрэ?

– КъысиІэпльэт: си щІэр адыгэкхьы¹⁰.

– Море, отчего ты настолько горькое?

– Оттого, что наполнено слезами адыгов.

... <...>

– Море, отчего ты непрерывно горюешь?

– Посмотри: мое дно – кладбище адыгов. (Пер. подстр.)

И здесь, как и у Х. Бештокова, наблюдается метафоричное восприятие Черного моря как кладбища, что непосредственно связано с его основной символикой – олицетворением смерти. Интерпретация образа Черного моря как кладбища адыгов также встречается в творчестве Б. Утижева. В одном из сонетов, обращаясь к народу, он пишет: «Кхъэхалъэнищэ, жалэ, зи псэ хым

хэкIуадэр, – / Уэ зэгур хы лъащIэр псэхэмкIэ псеящ»¹¹. – «Неприка-
янными [букв. не погребенными], говорят, остаются утонувшие в
море, – / Ты однажды усеял [своими] душами дно океана (моря)».

Черное море впиталось в национальное сознание как недо-
брый знак, негативный символ, при одном упоминании которого
народ вздрагивает, тревожится. Вместе с тем, черкесы чтят его как
священное место, где покоятся души их соплеменников. В стихот-
ворении «Адыг» А. Оразаева, морская вода представлена как це-
лительная сила, которым адыгские воины промывали раны:

*Уи лъэпкъ гъэжэщIу, укъыгъаскIэу
Лъыгъажэ макъкIэ бийр къыщыбгэм,
Уэгъэр птхъэщIри тенджызыпскIэ,
УитIысхъэжат аргуэру шыбгым*¹².

Когда разоряя твой народ, заставляя тебя вздрагивать,
Враг объявил тебе кровавую войну,
Промыв рану морской водой,
Ты вновь сел в седло... (Пер. подстр.)

Интересно отметить тот факт, что адыги дали собственное
название Черному морю – Ахын (часть «хы» в корне переводится
как «океан»). Данное название, к примеру, встречается в стихот-
ворении «Откуда взялось Черное море?...» («Хы ФыщIэр дэнэ къы-
здикIар?...») З. Гучаева. На вопрос, озвученный в заглавии про-
изведения, поэт сам отвечает: «*Нэпс ткIуэпс зырызурэ Ахыныр /
ЛъэкIащ си лъэпкъ зэхуихъэсыну...*»¹³. – «По слезинкам Ахын / Мой
народ сумел собрать». Название Ахын встречается также в поэ-
зии Л. Балаговой. В стихотворении-обращении к своему наро-
ду поэтесса пишет: «*Уи хъэдзэхэу Ахын зэбгрихар, / ХокIуадэ хамэ
жылэм къызымыжьэу...*»¹⁴. – «Твои зерна, разнесенные (разроз-
ненные) Ахыном, / Растворятся в чужих семенах, не дожидаясь
меня...».

Образы воды издревле впитаны в национальное сознание.
Об этом свидетельствуют различные культы моря и морских
богов. По верному замечанию Н.А. Нефляшевой, «в мифо-ре-
лигиозных традициях народов Кавказа культ моря, морские
боги и морские девы занимают свое, причем заметное место.

Абхазский Хайт и осетинский Донбеттыр, черкесский Кодес и тюркские богини морей – все они создавали особый мир, с которым человек устанавливал свою символическую коммуникацию»¹⁵. Одним из центральных является образ Хепегуаш (каб. Хыпэгуашэ – Хыпэ («начало моря», т.е. «берег») + гуашэ (княгиня, дева, госпожа) – букв. «морского берега госпожа»; ср. с каб. Хыгуашэ – «госпожа (богиня) моря») – «девы вод морских». По утверждению Л.Я. Люлье, ее день «празднуется ежегодно летом, у берега моря, где, после обыкновенных молебственных обрядов, в заключение пляшут в круговую»¹⁶. Он же отмечает культ Псегуашаха (ср. с каб. Псыхуэгуашэ – букв. «госпожа речных долин») – «девы вод речных». «К ней прибегают с молением о дожде, большей частью весной. В таких случаях, молодые люди обоюбого пола обливают друг друга водой и, в виде забавы, плещутся в воде до тех пор, пока не наскучит»¹⁷. Л.Я. Люлье также подчеркивает наличие у адыгов культа морского божества Кодес: «Горцы представляют его себе в виде рыбы и приписывают ему силу удерживающую море в пределах берегов. Очевидно, это – греческий Нептун»¹⁸. По данному поводу М.-К.З. Азаматова отмечает: «Шапсуги, натухаевцы, убыхи почитали богиню «Хышхогуашэ» (каб. Хышхуэгуашэ – букв. «моря большого госпожа». – Л.Х.), олицетворявшую морскую стихию. «Хышхогуашэ» изображали постоянно плавающей, сидя на рыбоподобном божестве, по внешнему виду напоминающего дельфина. Люди прозвали его «Къэдес» и обожествляли, считая, что он покровительствует морям и их обитателям, с которым «Хышхогуашэ» в дружбе по охране «ХышхуцI» (каб. Хы (тенджыз) ФIыцIэ. – Л.Х.) – Черного моря и «Азыкь» – Азовского моря»¹⁹.

Кроме указанных мифо-религиозных культов, значение водной символики в этноментальном сознании адыгов подчеркивают различные ритуалы и обряды, базировавшиеся на стихии воды. В стихотворении «Идя вслед за флейтистом...» («Бжъамийр зыгъаджэм и ужь иту...») Н. Лукожевой тема Кавказской войны и махаджирства получила оригинальное отражение сквозь призму известного адыгского обряда «Псыхэгъэ» (букв. «плач в воду») – «Плач над водой»:

*Псыхэггэр ноби Иутици нэпкьым,
Жьым щыциггэтым, щИэм кьыщИедээ.
Зэхээдээн ящИа си льэпкьым
И гущэ нэщИхэр псым зэредээ...²⁰*

И сегодня на берегу (Черного моря. – Л.Х.) стоят те,
кто устраивает плач над водой,
Когда старшие замолкают, начинают младшие.
Вода качает пустые колыбели
Моего угнетенного народа. (Пер. подстр.)

В разных источниках встречается различная интерпретация обряда «Плач над водой». Так, в некоторых из них он связывается с действиями, устраиваемыми в целях поиска утопленника. Для этого собирались родные и близкие утопленника и, оплакивая его, шли по реке за флейтистом, думая, что флейта прекратит свое звучание, если труп окажется поблизости²¹. По сведениям историка Х.М. Думанова, «Плач над водой» – это «древний обычай адыгов, связанный с похоронными обрядами. Если человек утонул, и его тело не могли найти, то женщины ходили на то место, и оплакивали его, мужчины делали дууа*»²². Поэтическая интерпретация данного обряда в указанном стихотворении Н. Лукожевой наиболее близка к первой версии, приведенной выше. В начале стихотворения адыгский народ, идя вслед за флейтистом, устраивает плач над водой, оставшиеся на берегу Черного моря погружены в глубокую печаль, с горечью осмысливая всю суть истории «воды-могилы» или *букв.* «воды-гроба» («псы бэн»).

Известная адыгская фразеологическая единица «псыхэкИуадэ хьун (щИын)» – *букв.* «быть потерянным в воде», «оказаться на дне», т.е. «пустить по ветру», лучше всего характеризует историю насильственного выселения народа. Обряд «Псыхэггэ» («Плач над водой»), о котором упоминалось выше, является следствием того, о чем говорится в приведенном фразеологизме. В одноименном стихотворении («Псыхэггэ» – «Плач над водой») М. Бемурзова наблюдается обращение к Хьыгуащэ – Госпоже моря (*букв.* океана). Поскольку издревле горцу не подо-

*Дьуэ тещИэн – совершить молитву (молебен) над кем-л., чем-л.

бало показывать слезы, лирический герой «доверяет» свое горе морю: «Къынхуэсхъащ си гукъеуэр, Хыгуащэу / Цыху гъы макъри, дыхъэшхри зыхуэщ, / Си тэмакъыр зыхуз лы нэпс гуащээм / И хъэтыркIэ гулытэ къысхуэщI»²³. – «Принес свое горе тебе – Госпоже моря, / Которой свойственны и человеческий плачь, и смех, / Во имя мужских слез, перекрывающих мне воздух, / Обрати внимание на меня [на мою боль]». Невосполнимость потерь, понесенных народом, и масштабы причиненного противником вреда подчеркиваются в словах: «Пасэрейхэм, зы цыху псым итхъэлэм, / Я гур къутэу, псыхэгъэ ящIыжт – / Сэ сыхыхъ лъэпкъ гукъеуэм и хъэлъэр / ХъэдагъищэкIи нэпс мыкIуэщIыжщ»²⁴. – «Если тонул один человек, / Предки [пребывая] в глубокой печали, устраивали плач над водой – / Тяжесть страданий народа, поражающая меня / Невозможно выплакать [даже] слезами сотен похорон».

Новаторским в национальной поэзии является сравнение моря с образом старухи, совершающей намаз. В стихотворении «Черное море гадает [на фасоли]» («Тенджыз ФыцIэм едзыр джэш») К. Дугужева представлен ассоциативный ряд, в комплексе своем воссоздающий удивительный образ Черного моря:

*Нэмэзлыкъым тес фызыжъым
Тенджыз ФыцIэр ещхъы,
Хэхъухъащ тхъэлъэIум хъыжъэ,
И нэмэзыр ещI.*

<...>

*Мывэ кIэщхъыр нэмэз щыгъэу,
Зэм егъажэ, еплъ...*²⁵

На старуху, сидящую на молитвенном коврике,
Похоже Черное море,
Стало бредить в молитве,
Совершает свой намаз.

<...>

Мелкие камни, словно четки,
Иногда перебирает, посмотрит... (Пер. подстр.)

Таким образом, относительно образа Черного моря в адыгской поэзии выделились два основных мотива – *мотив обвинения, ненависти* и, наоборот, *мотив почитания* – как священного

места, в котором покоятся души миллионов черкесов. С воплощением второго мотива отчасти связано представление Черного моря в образе «Моря-Матери» (Хы Анэ) в поэзии М. Нахушева. Нередко встречаются случаи удачной интеграции двух указанных мотивов в композиции одного произведения. Например, в стихотворении «Черное море» («Тенджыз ФЫЦІЭ», 1982) А. Черкесова вопросы и обвинения в адрес моря заканчиваются его восхвалением («Дунейм щаІуатэ фЫкІэ уи цІэр...»²⁶. – «Во всем мире идет молва о твоём добром имени») и пожеланием ему вечного существования («Ей, ди хы ФЫЦІЭу, ди хы ФЫЦІЭ! / Иремужьых уи толькъун макъыр»²⁷. – «Эй, наше Черное море, наше Черное море! / Да не умолкнет шум твоего прибоя»).

Мотив почитания моря в поэзии Х. Беретаря представляется оригинальным за счет художественной интеграции двух образов – моря и гор – в комплексе своем образующих основную систему национальных символов. История народа отражена поэтом в циркуляционной взаимосвязи этих образов:

*Море плечом было правым,
Горы – левым плечом.
Сколько джигитов славных,
Как на подушку виском,
Легли головою на камни,
А камни – на дне морском.
Черное море поныне
Над ними рыдает в отчаянье.
И слушают горы синие
Стоны и крики чаек²⁸.*

Образ моря, а в данном конкретном исследовании – Черного моря, получил в адыгской поэзии глубоко символичное и этноментально насыщенное воспроизведение. Удачное воплощение данного образа в поэтических строках объясняется не только его исторически маркированной символикой, но и близостью стихии воды, как писал Б. Пастернак, со «стихией стиха». Подобно приливу и отливу морских волн, звуки, слоги, слова и фразы в стихотворении упорядоченно повторяются, фонетические созвучия соизмеряются с шумом прибоя.

В заключение важно отметить большое разнообразие способов осмысления, интерпретации, символизации и олицетворения образа Черного моря в адыгской поэзии. В некоторых случаях этот образ соотносится с психологией человека, точнее с «поведением» его сердца: довольно часто служит метафорой для выражения сильных эмоциональных переживаний, глубоких чувств. В целом же, в ментальном сознании этноса представлена отрицательная символика Черного моря, получившего воплощение в многочисленных образах – кровавой массы, смерти, кладбища, могилы, горькой воды, свидетеля трагедии махаджирства и т.д.

Примечания

1. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч.1: Роль среды / Пер. с франц. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 15.
2. *Бештоков Х.К.* Удивительный мир. (На каб.яз.). Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 465.
3. *Машбаш И.Ш.* Избранное. Стихотворения и поэмы / Пер. с адыг. В. Твороговой и др.; Предисл. С. Дангулова. М.: Современник, 1988. С. 107.
4. *Машбаш И.Ш.* Щедрое солнце полдня. Краснодар: Кн. Изд-во, 1979. С. 157.
5. *Дугужев К.Б.* Танец голубей. (На черк. яз.). Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. С. 89.
6. *Тхагазитов З.М.* Сочинения: Стихотворения и поэмы. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2005. 704 с.
7. Там же. С. 48.
8. Там же. С. 49.
9. *Иванов В.* Если б не было любви... (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1992. С. 63.
10. *Кажаров Х.Х.* Стихи. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 7.
11. *Утижев Б.К.* Ветви. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 119.
12. *Оразаев А.П.* Грушевая ветвь. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 3.
13. *Гучаев З.Т.* Свеча. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 14.

14. Балагова Л.Х. Каменная ограда. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 116.

15. Нефляшева Н. Тема моря у народов Северного Кавказа. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/19025> (дата обращения: 08.09.2016).

16. Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки Кавказского отдела императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 125.

17. Там же.

18. Там же. 126.

19. Азаматова М.-К.З. Этнографические этюды. Майкоп: Б.и., 1997. С. 52.

20. Лукожева Н.Х. Выходы души. (На каб. и рус. яз.). Нальчик: Принт Центр, 2009. С. 180.

21. Словарь кабардино-черкесского языка: Около 31000 слов / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Москва: Дигора, 1999. С. 573.

22. Думанов Х.М. Словарь этнографических терминов. (На каб. и рус. яз.). Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. Издательский центр «Эль-Фа», 2006. С. 117.

23. Бемурзов М.Х. Адыгом быть нелегко. (На черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 33.

24. Там же.

25. Дугужев К.Б. Указ. соч. С. 24.

26. Черкесов А.И. Легенды о моей земле. (На черк. яз.). Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. С. 11.

27. Там же.

28. Беретарь Х.Я. Тропинка в горы. Сборник стихов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1971. С. 18.

L.B. Havzhokova

ARTISTIC REFLECTION OF HISTORY OF THE PEOPLE IN THE SYMBOLIC OF THE BLACK SEA (ON THE BASIS OF ADYGIAN POETRY)

The article is devoted to the study of the historiosophy of Adygian poetry on the example of the study of one of the images-symbols – Black Sea, significant in the Adygian national consciousness. The author focuses attention on the principles of artistic comprehension of historical reality and its reproduction in a specific way.

Keywords: poetry, history, reflection, symbolism, image, ethnomental consciousness.

Е.Н. Бетуганова

ОТРАЖЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ В АДЫГСКОМ РАССКАЗЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена изучению проблемно-тематических пластов художественной литературы об историческом прошлом, прежде всего, относящимся к трагическим событиям и испытаниям эпохи (сталинские репрессии, раскулачивание и 1937 год).

Ключевые слова: тоталитарное государство, доносительство, культ личности Сталина, коллективизация, сталинские репрессии, преодоление культа личности, оттепель.

*Память-вьюга, в глаза не мети,
Мы не собьемся с победной дороги!
Враг народа не может идти.
Он упал. Обморожены ноги.*

Юрий Кузнецов

В творчестве адыгских писателей выделились некоторые проблемно-тематические пласты художественной литературы об историческом прошлом, прежде всего, относящемся к трагическим событиям и испытаниям эпохи (сталинские репрессии, раскулачивание и 1937 год). Гласность, открывшая перед советским человеком всю глубину кризиса, в который впала страна, и поставившая перед обществом вопрос о путях дальнейшего развития, вызвала огромный интерес к истории. Шел стремительный процесс восстановления тех ее страниц, которые замалчивались в советское время. Непосредственно это было связано со спецификой переживаемого страной исторического поворота, когда резко возросла потребность общества в переоценке исторического пути, пройденного Россией, во внимательном освое-

нии ее исторического опыта. Так, в ход шли категории «исторической правды», правдивости, восстановления справедливости. В тридцатые годы, подчинив советскую литературу специфической идеологии (партийность, изображение действительности в ее «революционном развитии»), государство все-таки оказалось неспособным создать подлинно великие произведения. Правительственное руководство давало возможность творить всем, кто добровольно и поневоле принимал официальные предписания. А. Гутов в книге «Константы в культурном пространстве» пишет: «Слишком пристальное внимание, проявляемое руководством страны, ставило литературное творчество в жесткие рамки, предопределенные интересами властей»¹. «Издавались сборники рассказов, имеющие не столько художественные, сколько выверенные идеологические достоинства»². В постсоветский период, в несколько смягченных политических условиях, у авторов появилась возможность создать исторически достоверную, подлинно философскую литературу об эпохе и ее людях во всей сложности и противоречивости их судеб и характеров, причем интерес представляет трактовка данного исторического этапа авторами нового поколения. Рассказы М. Кармокова «ЖызыЭр текЛуадэри гушыЭр къэнац» – «Рассказчик пострадал – шутка сохранилась», «Дыщэм нэхърэ нэхъ лъапIэ» – «Дороже золота», З. Канкулова «Жэщ псалъэмакъ» – «Ночной разговор», Т. Камергоева «ДощIэ икIи дыбыщIкъым» – «Знаем и не скрываем», «Парт унафэщI» – «Руководитель партии», Л. Бозиева «Партым и унафэжIэ» – «По распоряжению партии» насыщены политической проблематикой противостояния личности тоталитарному государству, которое подавляло личность, индивидуальную свободу.

В рассказе «ДощIэ икIи дыбыщIкъым» – «Знаем и не скрываем» Т. Камергоев меньше останавливается на личности самого Сталина, а больше исследует сталинизм как явление. Он тщательно анализирует систему личной власти и всеобщего подавления, создает галерею образов, представляющих систему сталинизма: «*Лъэхъэнэр бзаджэт. Къоджэрти ущIашырт. Каторгэр хъэзырт. Зыри къоуицIыртэкъым – щIым и гъунэр унапIэт...*»³. – Время было сложное. Могли прийти и забрать. Каторга была го-

това. Никто ничего не объяснял»*. Налицо – массовый террор периода «ежовщины», осуществляемый властями страны на всей территории СССР на основании «спущенных на места» Ежовым цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию людей, вредивших советской власти (так называемых «врагов народа»). В ходе «ежовщины» не подлежавшие обжалованию приговоры выносились безо всякого суда, – и немедленно (нередко еще до вынесения приговора) приводились в исполнение.

Апофеозом сталинского времени стало доноительство, рассматривающееся в литературе постсоветского периода как специфическое явление 1930-х годов. Сталин в своей речи на Военном Совете в июне 1937 г. затронул такой важный в сложившейся обстановке момент, как «сигнализацию» с мест. Вождь особо подчеркнул огромное значение своевременной информации: «Плохо сигнализируете, – говорил военным тов. Сталин, – А без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать... Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать»⁴. Доноительство, поощряемое сверху, расцвело при Сталине пышным цветом. Печальна знаменитая 58-я статья о государственных преступлениях, принятая в 1926 г., которая имела несколько пунктов, где предусматривалось уголовное наказание «за недонесение». Страх стал отличной питательной средой для политического доноительства. Доносы писали как добровольно, так и вынужденно, под давлением следствия. Массовые аресты запугали общество до предела и вызвали волну самого разнообразного доноительства.

Этот исторический период запечатлел Камергоева Т. в рассказе «Доццэ икӀи дыбзыщӀкъым» – «Знаем и не скрываем»: «Бзэгур куэдрэт абдежым ?.. Жыжъэ занцӀэу нолусри, клагуэжь закъуэм фӀэкӀа бгъэдэмышъу Темыржаныр данхъуэтыр – бгъуэтмэ къащтэ – мэб-ээхыр!»⁵. – «Разве долго донести?.. Как только доносили, в одной старой телогрейке Темиржана забрали – найди, если сможешь – и след его просты!..». Эта тема находит свое развитие в рассказах М. Кармокова «ЖызыӀэр текӀуадэри гушыӀэр къэнац», «Прав-

*Здесь и далее подстрочные переводы автора статьи.

долюб пострадал – лицемер уцелел», «Дыщэм нэхърэ нэхъ лъапIэ» – «Дороже золота».

Бозиев Л. продолжает эту тему в рассказе «Партым и унафэкIэ» – «По распоряжению партии». Автор повествует о школьнице Лаше, чья юность проходила в атмосфере культа личности Сталина. Экономической основой сталинского СССР, который сейчас культивирует в РФ госпропаганда, являлась сверх-эксплуатация села. Практически все люди в сталинском СССР были превращены в нечто среднее между государственными рабами-илотами, как в древней Спарте, и позднеримскими колонатами, отбывающими бесчисленное количество экономических, трудовых и прочих повинностей⁶. Главному герою Лаше за трудовой день полагалось всего двести грамм пшеницы. Вот, что пишет Л. Бозиев: «Еплъ мо хъарып гупым. Я сабий быныр шхын щхъэкIэ зетелIэу гъэ нсом губгъуэм щылэжъа фызхэм махуэ лэжьапщIэу гуэдз Iэбжъыгу зырыз къратри къаутIыпщыжащ. Куэдрэ ярымкыуни ар абыхэм!»⁷. – «Работавшим весь год женщинам за трудовой рабочий день выплачивали горсть пшеницы. Надолго ли хватит детям». Никто не смел возражать: сильная власть, внушала народу страх. Те, кто был против Советской власти, подлежал физическому уничтожению. «Зыгуэр жыпIэнуци, враг народыри уи Iэрылъхъэщ» – «Попробуешь возражать, нарекут врагом народа»⁸. Это был период безоговорочного поклонения советской власти, подтверждением тому стал один из героев Халид, для которого Советская власть была больше чем Бог. Неслучайно в произведении много раз повторяется слова, которые звучат как клятва: «Партри властри згъэпцIауэ сопсэу сэ нобэрей Iуэхум ухуцIезмыгъэгъуэжмэ»⁹. – Клянусь партией властью, если ты не пожалеешь о сегодняшнем дне».

В условиях тоталитарного общественного устройства людей рассматривали как винтики, необходимые для формирования единого целого. Человек, превратившись в винтики в сложной государственной машине, потеряв свою яркую, неповторимую индивидуальность, деградирует как личность: отказавшись от своего «я», он растворяется в безличном «мы». Вот как описывает Л. Бозиев группу людей, собравшихся судить школьника, который позво-

лил себе собрать немного дров в лесу: «*Куэд дьдэкIи уемыджэну, колхоз правленэм, пицIантIэм, цIыхухъу гун щызэхэст. Бжыгъэр ирагъэкъун щхъэкIэ зэхуахусагъэнт*»¹⁰. – «Их было не много мужчин, собравшихся во дворе правления. Скорее их собрали для количества».

А.И. Тетуев в монографии «Зарубежная диаспора» пишет: «Идеология советского патриотизма того времени, утверждавшая приоритет социалистических ценностей, порождала людей с соответствующим мировоззрением. Вспомним слова из некогда популярной песни: «Наш адрес не дом и не улица, / Наш адрес – Советский Союз»¹¹. Главный герой рассказа М. Кармокова «Жызыгъэр текIуадэри гушыгъэр къэнащ» – «Правдолюб пострадал – лицемер уцелел» рассуждает с иронией: «*Сло мы выжъ-жэмыжъ къолмыр унагъуэ къэс щхъэхуэ-щхъэхуэу къыщIетлъ-эфэкIыр, уэтэр щхъэхуэ зырыз щIыдигъэр*»¹². – «Зачем отдельно в каждой семье отдельно разводить скот и почему у каждого должна быть своя отдельная комната». Посредством исторической аллегории М. Кармоков в ироничной форме смог высказать свое отношение к тоталитарному режиму. Комната – иносказательное представление Советского Союза.

С начала 1930-х проводилась коллективизация сельского хозяйства – объединение всех крестьянских хозяйств в централизованные колхозы. В ту же пору начался период сталинских репрессий. В значительной мере ликвидация прав собственности на землю была следствием решения «классового вопроса». Кулаки без суда и следствия ссылались в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока. Рассказ З. Канкулова «Жэщ псалъэмакъ» – «Ночной разговор» – диалог воскресших мертвых. Кулак Залим, даже после смерти, не может простить представителю Советской власти Исуфу, что его репрессировали в Сибирь, только потому, что он разводил пчел. В рассказе Б. Кагермзова за образом животного легко обнаружить конкретное историческое лицо. Тигр из рассказа «Къапльэн сэхъуа» – «Избалованный тигр» – это Сталин, полубог, великий вождь и учитель, зловещая фигура человека, готового принести в жертву самому себе жизнь миллионов людей: «*Мэзым щIэс хъэкIэкхъуэкIэ псори зэгурым щышынау щытат Къапльэным. Ущымышыни еплъыт: занщIэу къэпщIэнт абы*

и гушцІэгъуншагъэр... Абы игу техуэртэкъым уеблэмэ зымащІэкІи уемыдэІуэныр. ЖиІэр хабзэу есат. Арати, дэкъузауэ игъэпсэурт хъэкІэкхъуэкІэхэр»¹³. – «Когда-то все звери боялись тигра. Попробуй послушаться: сразу почувствуешь его жестокость. Он не принимал малейшего непослушания. Его слово было закон. Весь народ держал словно в запертой клетке». Образ советского диктатора не нов в литературе и искусстве. Б. Кагермазов представляет нам другого вождя. Своему герою писатель дал не только социально-политическую характеристику, но и психологическое обоснование его характера. В этих словах легко определяется тоталитарная система, созданная Сталиным, убежденность в том, что «кто не с нами, тот против нас», что «если враг не сдается, то его уничтожают», а враг – это тот, кто выступает против решений Партии, кто сомневается в мудрости товарища Сталина, то есть власть, основанная на страхе народа перед диктатором. Отразил автор и конец эпохи сталинизма, процесс преодоления культа личности, предпосылкой которого стала смерть вождя. «Къапльэныр Лащ, и гур зэгъуэдри»¹⁴ – «Тигр скончался от разрыва сердца». Официальная версия смерти Сталина – кровоизлияние в мозг. Впрочем, автор имеет право на художественную интерпретацию. В рассказе «Хъунти ар унафэщІ» – «Еще бы ему стать руководителем» автор затрагивает по образному выражению И. Эренбурга – оттепель, – период, начавшийся после смерти Сталина и означавший ослабление диктата в политической и духовной жизни: «Ауэ иджы нэгъуэщІ зэман къэунэхуат. Иджы гупым хуитыныгъэ иІэ хъуат езым и щхъэ унафэр ищІыжыну»¹⁵ – «Но теперь наступило другое время. Теперь у народа появилась возможность принимать самостоятельные решения».

В художественной литературе можно найти ответы на многочисленные вопросы, касающиеся истории. Не все в прошлом можно оценить однозначно. Нередко к фактам истории мы подходим субъективно. Вот почему голос автора, его оценка исторических событий, связанных с эпохой сталинизма, очень важны для понимания этого времени.

Примечания

1. *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 130.
2. Там же. С. 131.
3. *Клэмыргуей Т.Ж.* Сэщхэркъэпс: Новеллэхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. С. 88.
4. Сталинская система доносительства. URL: <http://historical-fact.livejournal.com/15533.html> (дата обращения: 10.03. 2017).
5. *Клэмыргуей Т.Ж.* Сэщхэркъэпс: Новеллэхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. С. 88.
6. Как при Сталине крестьяне жили. URL: <http://oppps.ru/%D0%D0%B0%D0%BA-%D0%BF.html> (дата обращения: 15.03. 2017).
7. *Бозий Л.* Гъуэгу нэшэкъашэ: Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. С. 254.
8. Там же. С. 244.
9. Там же. С. 244.
10. *Бозий Л.* Гъуэгу нэшэкъашэ: Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. С. 244.
11. *Тетуев А.И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. С. 117.
12. *Къэрмокъуэ М.М.* Цыхухъу нэпс: Повестхэр, рассказхэр, пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1992. С. 176.
13. *Къагъырмэс Б.Г.* Шыхъэт: Усэхэр, поэмэхэр, рассказ кIэщIхэр. Налшык: Эльбрус, 2006. С. 210.
14. Там же. С. 211.
15. Там же. С. 210.

E.N. Betuganova

REFLECTION OF THE STALINIAN EPOCH IN THE ADYGIAN STORY OF THE POST-SOVIET PERIOD

The article is devoted to the study of problem-thematic layers of fiction about the historical past, primarily related to the tragic events and trials of the era (Stalinist repression, dispossession and 1937).

Keywords: totalitarian state, denunciation, personality cult of Stalin, collectivization, Stalinist repression, overcoming of the personality cult, thaw.

М.Р. Хежева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧИСЕЛ (НА МАТЕРИАЛЕ АДЫГСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена изучению лингвокультурологических особенностей употребления чисел в разных лингвокультурах. Отмечается, что числовые компоненты как особые лингвокультурологические единицы выступают в качестве составных частей примет, поверий и суеверий, фразеологизмов. В статье приводятся некоторые типологические параллели между разными лингвокультурами.

Ключевые слова: лингвокультура, число, фразеологизмы, приметы, суеверия.

Специфика современного развития гуманитарной мысли предусматривает изучение языковых процессов в рамках лингвокультурологии, которая предполагает исследование взаимовлияния языка и культуры. Исследование этноспецифических единиц национального языка дает богатейший материал, который может служить основанием для выстраивания онтогенеза культурных доминант этноса. К основным атрибутам культуры относятся и древнейшие символы, играющие большую роль в мифологической традиции, в фольклоре, искусстве, религии – это, прежде всего, мировое дерево, колесо, к ним можно причислить и числовые символы. Идеи о числах как о теологических символах, отражающих сущность высшей неопознанной истины, постоянно питали средневековую мысль, воплощаясь в той или иной форме¹. Символика и семантика чисел в разных лингвокультурах связана с мифологическими и фольклорными традициями.

Предметы материальной и духовной культуры – жилище, одежда, пища, помимо выполнения своей основной функции удовлетворения насущных человеческих потребностей, во всех

без исключения культурах бывают нагружены дополнительным знаковым, (символическим) значением числа. Числовые наборы предметов и понятий имеют, помимо своей основной счетной функции, еще и дополнительное символическое, ритуальное значение, выражающее определенную традицию². По утверждению К.Г. Юнга, слово или изображение символично, если оно подразумевает нечто большее, чем его непосредственное, очевидное значение³. В связи с этим примечательно изображение на адыгском флаге двенадцати звезд, по общему числу племен адыгов, и трех перекрещенных стрел. Наибольший спор вызывает объяснение символического значения трех стрел. Одни исследователи трактуют три стрелы как выражение боевого единства адыгских племен, другие же в этом изображении усматривают три метко бьющие стрелы Глепша, которые достигают врага в небе, под водой и под землей⁴.

Как особые лингвокультурологические явления числа выступают в составе этноспецифических языковых единиц:

– примет поверий и суеверий: *Удз тхэмтищ уи пІэщхьагъым щІэбдзрэ ужеймэ, уи насып зыхэлъыр пщІыхьэпІэу уолъагъу жалэрт* (каб.-черк). / «Если перед сном под подушку положить клевер [букв.: **трехлистную траву**], то увидишь во сне своего суженого, говорили». *КІэлэ зикъэщэгъум гъунджэр ыкъутэмэ – илъэсиблэ къыщэщтэп* (адыг.)⁵. / «Если неженатый парень разобьет зеркало, то ему не жениться в течение **семи лет**».

– пословиц и поговорок: *Зэ лъэпэрэпэр ицэ мэлъэпэрэпэ* (каб.-черк). «Кто спотыкается один раз, споткнется три раза». *Зны йщачвхъыслыз хын дщачвхъыслитІ* (абаз). «Кто споткнулся раз, тот спотыкается три раза». *Зы лыр джэдыгуибгъурэ либгъур джэдыгуншэу* (каб.-черк.). «У **одного** мужчины **девять шуб**, а у **девяти** ни одной». *Аджв дбыжъхъамыкІта, абжыгІв хъамыдата* (абаз). «Один с семью шубами, а семеро – и без одной»⁶. *Аджв дыжвхъамыкІта, ажвыгІв хъамзаджвыкІта* (абаз). «У одного – **девять шуб**, а у **девяти** – **одна**»⁷. *Адам боллукъ джети джылда баш болур, болмазлыкъ а-къыркъ джылда да джаш болур* (карач.-балк). «Тот, из которого вырастет человек, в семь лет удалой. Тот, из которого не вырастет человек, и в сорок лет молодой»⁸.

– фразеологизмов: *БыжьысыкI лхъанI* (абаз)⁹. «У нее семь смертей (об очень выносливой женщине) (сноска) *Фызибгъуиц* (каб.-черк.) ≈ сильная, стойкая (о женщине) [букв.: она как девять женщин]. *ИуитIбзитI* (каб.-черк.) ≈ двуличный, лицемерный [букв.: с двумя ртами, с двумя языками]. *[и] зыгъазэ зы мазэц* (каб.-черк.) ≈ слишком медлительный [букв.: поворачивается раз в один месяц].

Числа занимают важное место и в представлениях о построении мира. Так, по представлениям далеких предков современных людей, основой мироустройства являются пять стихий: вода, огонь, дерево, металл и земля. В сознании адыгов мир имеет трехчастную модель: *дунеишхуэр мэхъу къатиц* (каб.-черк.) «мир большой три слоя имеет», земля состоит из семи слоев: *иГы къатибл* (каб.-черк.) «семь слоев земли», ср. с русс. *На седьмом небе кто* – о том, кто непомерно рад, счастлив [по древнейшим философским теориям о седьмом небе как о высшей, самой благодатной сфере небесного свода]¹⁰.

Особенно ярко национальное самосознание и особенности мышления выражаются в названиях созвездий. У разных народов существуют разные названия одних и тех же небесных тел. Например, созвездие Большой Медведицы у адыгов именуется *Вагъуэзэшибл* [букв. «семь братьев-звезд»]. Астрономическая семерка обнаруживает типологические параллели в культурных традициях и других народов: По мнению Н.Л. Жуковской, самая популярная мифологическая семерка в монгольской культурной традиции – это семь старцев или семь богов – семь видимых звезд созвездия Большой Медведицы¹¹. Как отмечает И. Мухиддинов, занимавшийся изучением этнографии народов Средней Азии, по представлению бартангцев кишлака Равмед, существует «доброжелательная» Полярная звезда. Она находится на севере. Вокруг нее вращаются против часовой стрелки семь звезд. Они охраняют Полярную звезду. Каждая из них связана с определенным днем недели¹². Большую Медведицу абазины называют «Семь братьев и их единственная сестра» («*АбыжьыГв айицгви ауат рахцазаджвыкIи*»). О Большой Медведице в народе говорят, что семь братьев (семь звезд) постоянно сторожат свою

единственную сестру, окружив ее плотным кольцом. Большая Медведица была своеобразным ориентиром во времени и пространстве¹³.

По расположению созвездия Большой Медведицы разные народы определяли время ночи и приближение рассвета. У адыгов существует примета: *Вагъуэзэшиблым загъазэмэ, нэху мэц* «Если созвездие Большой Медведицы поворачивается, то светает».

Числовые составляющие играли важную роль и в гадательной практике. В далеком прошлом люди были убеждены в том, что можно увидеть будущее. Наряду с гадалычиками на бараньей лопатке существовали и гадалыщицы на бобах. И для такого вида гадания необходимо было наличие девяти бобов. Подтверждение этому обнаруживается в афористическом пласте абазинского языка *ЛыжкъвьыдкI анальцIра лан дьлчIвыуаштI* (абаз). «Она будет оплакивать свою мать (только) тогда, когда **ее девять гадалных бобов** лягут правильно (т.е. будет оплакивать мать, переделав все свои дела). *ЛыжкъвьыдкI гьалыцIуам* (абаз). «Её девять бобов никак верно не лягут (об очень нерасторопной хозяйке, которая ничего не успевает делать)»¹⁴.

Числа играют немаловажную роль в отражении представленный адыгов о возрасте человека: *ИльэситцI ныбжьым щитым деж цIыхур бзум хуэдэци зольатэ, ильэс пцыкIухым нэсмэ, чыцI къуей-цIейм ецхьцI. Ильэс тоцI ирикъуамэ, дьгъужь хуэдэ мэгушхуэ. Ильэс пльыцIым нэсмэ, аслъэн хуэдэ хахуэцI. Ильэс хьыцI ирикъуар вы хуэдэ гуашIафIэцI, и акъыл ирикъуаш. Ильэс пцIейм нэсмэ, пэщациэ фIэкI ищIэжышхуэ щыIэкъым. Ильэсицэ ирикъуар джэдыкIэ шкIум-пIым хуэдэцI*¹⁵. (каб.-черк.). «В **десять** лет человек подобен птице и порхает, в **шестнадцать** лет человек подобен игривому козленку, в **двадцать** лет человек подобен волку. В **сорок** лет он храбрый, словно лев. В **шестьдесят** выносливый, словно вол. В **восемьдесят** он только копошится. В **сто** лет он подобен тухлому яйцу». Ср. с адыг. *Шым игъэрибгъу, хъэм игъэрицI, лым игъэцэкI*. «В расцвете сил коню **девять лет**, собаке **три года**, мужчине **тридцать**»¹⁶.

Особое место числовые показатели занимают и в религиозных убеждениях разных народов. По О. Шпенглеру, существование чисел можно именовать тайной, и религиозное мышление всех

культур испытывало на себе их влияние¹⁷. Именно этим, видимо, можно объяснить наличие большого количества числовых составляющих в религиозных убеждениях адыгов. Так, все религиозные ритуалы традиционно продолжаются в течение трех дней: *хьэдэгъэ махуиц* «обряд оплакивания покойника, продолжающийся в течение трех дней»; *хьид махуиц* «трехдневное празднество в честь окончания уразы»; *ИшырыI махуиц* «обрядовый суп мусульман, который варят вскоре после окончания уразы и раздают соседям (в течение трех дней)». В данном случае интересен тот факт, что *ИшырыI* должен состоять из семи компонентов, и по народному убеждению его необходимо раздать семи соседям.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить необходимость разграничения грамматического числительного и религиозно-мифологической, фольклорной, сакральной трактовки понятия числа. В мифологической фольклорной традиции числительные бывают наделены дополнительным культурным символическим смыслом.

Примечания

1. Кириллин В.М. Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. // Естественнаучные представления древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 83.

2. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: «Наука», 1988. С. 131.

3. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 25–26.

4. Ловпаче Н.Г., Кукел А.С. Адыгский флаг. Откуда он? // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный журнал. Нальчик: Эль-Фа, 2003. № 6. С. 122.

5. Чуюко Н.М. Народные приметы, поверья, суеверия и сны адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2005. С. 40.

6. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. (Оригинал и перевод на русский язык). Черкесск: Ставропол. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. С. 280.

7. Там же.

8. Там же. С. 24.

9. Там же. С. 217.

10. Небо // Толковый словарь Ожегова. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Nebo-17883.html> (дата обращения: 27.06.2017).
11. Жуковская Н.Л. Указ. соч. С. 140.
12. Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 72.
13. Копсергенова В.З. Серебряные нити. URL: http://apsnyteka.org/948-kopsergenova_v_serebryanye_niti.html (дата обращения: 27.06.2017).
14. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. (Оригинал и перевод на русский язык). Черкесск: Ставропол. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. С. 198.
15. Адыгэ Гуэрыуатэ / зэхэзылъхьар Къэрмокъуэ Хь. Налшык: Эльбрус, 1999. С. 335.
16. Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках). Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1992. С. 106.
17. Шпенглер О. Закат Европы / Вступ. ст. А.П. Дубнова. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. С. 110.

Список сокращений

Абаз. – абазинский язык.

Адыг. – адыгейский язык.

Букв. – буквальный перевод.

Каб.-черк. – кабардино-черкесский язык.

Карач.-балк. – карачаево-балкарский язык.

Русс. – русский язык.

M.R. Khezheva

LINGVOCULTURAL FEATURES OF THE USE OF NUMBERS (ON THE MATERIAL OF THE ADYGHIE AND OTHER LANGUAGES)

The article is devoted to the study of linguocultural features of the use of numbers in different linguocultures. It is noted that the numerical components as special linguocultural units act as constituents of assuming beliefs and superstitions, phraseological units. In the article some typological parallels between different linguocultures are given.

Keywords: linguoculture, number, phraseological units, signs, superstitions.

А.Д. Болатова (Атабиева)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДВОЕМИРИЯ В ОЦЕНКЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ РОМАНА З. ТОЛГУРОВА «БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ»

В предлагаемой статье анализируется характер преломления эсхатологической тематики в содержательном компоненте романа З. Толгурова «Белое платье». Выбор произведения в качестве объекта исследования обусловлен тем, что здесь в увязке с категорией двоемирия через мифологическую модель отражены социальные противоречия эпохи 1990-х годов на фоне драматических изломов истории. В ходе анализа выявляется глубинный символический смысл произведения, в котором творчески реконструированы миф и эпическое сознание народа.

Ключевые слова: эсхатология, символическая образность, апокалиптическая тематика, ассоциативное поле, художественная параллель, нартский эпос, эпическое сознание, категория двоемирия, мифологическая модель мира.

Взаимопроникновение художественного творчества и теологии, обращение прозаиков новейшего времени к апокалиптической тематике согласуется с реалиями современной действительности, подводящими творческого человека к осмыслению окружающего мира в аспекте эсхатологии.

В постижении специфики национального мироощущения немаловажна оценка апокалиптической темы в художественном творчестве региональных авторов. Очевидно, что в каждом отдельно подобранном произведении этого направления неизменно присутствует субъективно-оценочная интерпретация изображаемого. Каждый автор декларирует универсально-личностную жизненную философию. Для произведений эсхатологической направленности характерны: социологическая заостренность и психологизм содержания.

Избранный нами интертекстуальный и аналитический подходы в исследовании данного вопроса требуют выработки соответствующего терминологического инструментария и опоры на теоретические выкладки предшественников. В последние десятилетия в русской литературной теории указанная проблематика основательно проанализирована в работах Мискиной М.С., Цветовой Н.С. и других авторов. В оценке исследователя современной русской прозы Цветовой Н.С. «литературная эсхатология новейшего времени – одно из конституционных явлений национального культурного пространства»¹.

Активно внедряемый в художественную прозу последних десятилетий экзистенциалистский подход в оценке тем конца света, жизни и смерти обуславливает усиление трагического мироощущения, осознания неизбежности грядущей катастрофы. Мотив предчувствия, пророческого мировидения становится одним из доминирующих в литературе. Писатели нацелены на воссоздание мифа в качестве антитезы мировому хаосу, либо миф становится зеркальной проекцией современного состояния человеческого общества в эпоху обесценивания духовных категорий.

Творчество ведущего балкарского прозаика З. Толгурова соответствует эпохальному типу мироощущения (как и произведения Дж.Р. Толкиена, У. Фолкнера, В. Астафьева, А. Платонова). Символическая образность произведений автора подразумевает метафорический склад мышления, позволяющий писателю в иносказательной форме выявить противоречия эпохи. Идея о конце света реализуется в прозе Толгурова через параллельное отражение мифа и современной ему реальности. Миф в данном случае призван выполнять две взаимодополняющие функции: концептуальную и текстуальную.

«Стремление в рамках одного произведения выразить и художественно осмыслить мифологическую модель мира, накладываемую на реалистическую картину воссоздаваемой эпохи – характерная тенденция национальной прозы конца XX начала XXI веков»². Соотнесение настоящего (т.е. современности) и архаического прошлого (через Нартский эпос), отражение «начала» и «конца» исторического времени в преддверии назреваю-

щих перемен отчетливо отражено в содержании произведений художественной литературы. В качестве единственной возможности предотвратить самоуничтожение человечества подчеркивается нацеленность на нравственное очищение и осознание обществом собственных ошибок.

Сакральный смысл, вкладываемый авторами в повествовательный контекст произведений символической направленности, позволяет национальным прозаикам осмыслить настоящее сквозь призму эпического мышления, подойти к бытию с субъективной точки зрения. Эсхатологический текст зачастую описывает пресловутый конец света и отличается наличием в его содержании пророческих откровений. Однако обозначенный мотив обнаруживается также в подаче исторических событий эпохального масштаба в драматическом ключе, как это наблюдается в прозе З. Толгуова.

Наиболее показательным в данном аспекте является один из последних романов писателя «Белое платье», изданный в 2005 г. Хронологическая ось романа зиждется на одновременном описании двух реальностей, сосуществующих параллельно в едином настоящем. Повествование объективизировано. Писатель ищет ответ на вопрос о зыбком и неопределенном будущем некогда могущественной страны, и каковы перспективы существования нации в эпоху политического, экономического и духовного хаоса последнего десятилетия XX века. Событийная плотность произведения выстроена по принципу аналогии и сопоставления. Отсутствие в тексте канонических религиозных сюжетов компенсируется внедрением архаического материала из Нартского эпоса, формируя «ассоциативное поле» символической образности романа. Здесь значима параллель между мифом и современностью.

При анализе содержательного наполнения романа эсхатологический аспект воспринимается скорее промежуточным, нежели основополагающим в развитии повествования. Писателю важнее было отследить судьбы трех поколений двух противоборствующих горских семей на фоне драматических изломов истории. Однако, перипетии их жизни иллюстрируют процесс смены идеологий и судьбу народа на протяжении почти полу-

векового хода истории страны. Именно в увязке с категорией двоемирия через мифологический сюжет писателю удается трафаретно отразить социальные противоречия периода 1990-х гг.

Мотив о конце мира актуализируется периодом политического кризиса той эпохи. Таким образом, историческое время в произведении трактуется эсхатологически. «Совмещение хронотопа мифа и реальности»³ позволило З. Толгурову спроектировать обобщенную модель современной ему действительности и общества. Используя мифопоэтическую стилизацию, автор намеренно внедряет в художественный текст творчески обработанный миф, благодаря чему писателю удается параллельно высветить социально-нравственную подоплеку происходивших событий, когда человеческое общество находилось под угрозой самоуничтожения.

Народ Нартов в интерпретации писателя располагался в пещере под метафорическим названием Накьут-Налмаз (дословно – Жемчуга-Бриллианты). Эта местность подвергалась набегам со стороны великанов (эмегенле). Защититься от посягательства врагов народу Нартов помогали могущественные божества: Кюн кьызы (Дочь Солнца), Кюн тейриси (Бог Солнца), Ай тейриси (Бог Луны). Обозначенные образы соответствуют языческому пантеону почитаемых божеств, перекликаясь с архаическими представлениями народа о мироустройстве. Бог Солнца в подаче автора предстает перед читателем тысяче трехсотлетним старцем, чья былая мощь и сила иссякли со временем, и теперь ранее преклонявшийся перед ним народ осмелился свергнуть его с престола.

В то время как в обществе Нартов происходил раскол, в среде великанов также не было единства и согласия. Из-за безудержного стремления завладеть золотым тронем Нартов, не придя к взаимопониманию в средствах достижения желаемого, они уничтожили друг друга в распрях и междоусобицах. На примере их противоборства метафорически обрисовано стремление одного народа завладеть ресурсами другой нации, заполучить плодородные земли и накопленные им богатства. Чувство зависти овладевало великанами всякий раз, когда те издали наблюдали за потомками Нартов в настоящем времени, вынашивая

планы по завоеванию и присвоению чужих территорий. Будни современного села проходят в соседстве с мифическими чудищами, их жизнь находится перед ними как на ладони.

Что же касается внешней атрибутики, обрисовки характерологических черт антагонистичных персонажей, писатель придерживается канонических представлений об образах героев и их потенциальных врагах. Великаны, по традиции, иллюстрируются как уродливые двуглавые существа недалекого ума, отличающиеся гиперболизированным честолюбием. Образы же Нартов, в соответствии с текстами эпических сказаний, представлены в качестве противопоставляемой им силы. Писатель уподобляет их деревьям.

В подаче фольклорного материала Нартиады З. Толгуровым четко обозначена параллель между мифом и историческими событиями перестроечной эпохи, когда сильное советское государство в одночасье было разрушено и разграблено горсткой людей, жаждущих власти и личной выгоды. Против Бога Солнца (символический эквивалент институциональных основ государственности) выступили одновременно: собственный народ (Нарты) и клан великанов (аллегорический образ внешнего врага). У каждого из них определенная цель. Народ, много лет подчинявшийся могуществу правящей власти, жил по предписанным ему законам. Однако когда влияние идеологии заметно ослабело, простой люд решил отомстить за жесткий диктат, низвергнув «божество с его золотого трона». На примере распрей и раскола в обществе Нартов и великанов писатель иллюстрирует неискоренимость борьбы за власть, приводящую в итоге к самоуничтожению.

В этом художественно точно оформленном историческом противостоянии выявляется глубинный символический смысл романа, раскрывающий драматизм происходящих событий. По мнению писателя, развал мощного государства и, как следствие, разворовывание его потенциальных ресурсов, безрассудное отношение к будущему народа сродни неуважению к собственному дому.

Балкарский писатель одним из первых в региональной прозе обратился к осмыслению последствий политических ошибок

правлящих кругов, приведших к духовному обезличиванию нации. «Нравственная дезориентация человеческого сознания, связанная с утратой привычных ценностных ориентиров, приводит общество к ощущению бездны, к мысли о том, что человечество неуклонно движется к своему концу»⁴.

Автор романа указывает на типичное для того времени обстоятельство, когда законы социума шли вразрез с принципами человечности и нравственности. Таков был национальный образ мира в период утраты системы традиционных нравственно-этических, поведенческих координат. На примере междоусобного противостояния великанов, в их стремлении к власти и неспособности прийти к взаимопониманию обличается дезориентированность народа, становящегося слепым орудием в руках людей, облеченных властью. На подобие того, как в 1990-е гг. необдуманные действия толпы привели к необратимым, разрушительным последствиям. Рушились основы самой государственности, прошлое огульно отрицалось, а будущее воспринималось как нечто зыбкое и неоднозначное.

Реконструируя эпическое сознание в поисках универсального решения проблемы противостояния человека, а в более широком масштабе – нации, негативным веяниям времени, писатель пытается осмыслить народную судьбу и закономерности исторической эпохи путем наложения одной реальности на другую. Категория двоемирия, реализованная в контексте толгуровской прозы, получает социальное наполнение. И все же, каким бы ощутимо драматичным не выглядел облик того времени, обрисованный в романе «Белое платье», З. Толгурову удалось выявить в своем произведении причинно-следственную связь исторических катаклизмов и обозначить ключевую модель бытия через мысль о том, что крушение одного мира всегда является основой или началом для возникновения чего-то нового.

Примечания

1. Цветова Н.С. Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX – начала XXI в. Дисс. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2011. URL: <http://www.disscat.com/content/eskhatologicheskaya-topika-v-russkoi-traditsionnoi-proze-vtoroi-poloviny-xx-nachala-xxi-vv> (дата обращения: 27.06.2017).

2. Болатова (Атабиева) А.Д. Реализм и художественная условность в балкарской эпической прозе // Вестник КБИГИ № 4(31). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 93.

3. Мискина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Ч. Айтматова. Авт. дисс... канд. филол. наук. Томск, 2003. С. 4.

4. Там же. С. 6.

A.D. Bolatova (Atabieva)

**THE ESCHATOLOGICAL ASPECT
OF TWO WORLDS IN THE EVALUATION
OF THE CONCEPTUAL CONTENT
OF THE Z. TOLGUROV'S NOVEL «WHITE DRESS»**

This article analyzes the nature of refraction eschatological themes in meaningful component of the Z. Tolgurov's novel "White dress". The choice of the works as the object of study due to the fact that here in conjunction with the category two worlds through mythological model reflected the social contradictions of the era of the 1990-ies against the background of dramatic breaks in the history. The analysis reveals the deep symbolic meaning of the work, which imaginatively reconstructed the myth and the epic consciousness of the people.

Keywords: eschatology, symbolic imagery, apocalyptic themes, associative field, artistic parallel, the Nart epos, the epic consciousness, the category of two worlds, mythological model of the world.

Л.Б. Кучмезова

**ЗНАЧИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ
ГЕТЕРОГЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСЕН
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)**

В данной статье рассматриваются разнодиалектные особенности карачаево-балкарского языка, выявленные в историко-героических песнях. В ней анализируются значения гетерогенных (разнодиалектных) слов в указанных песнях в рамках системы устного поэтического языка карачаевцев и балкарцев. Исследуя материалы старинных произведений на основании сопоставительного анализа толковых и переводных словарей, проводится разграничение смысловых границ диалектных и региональных схождений и расхождений лексических единиц. Обобщается практический опыт фонетических, лексических и семантических особенностей и их употребления в синтаксических конструкциях карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: гетерогенные (разнодиалектные) слова, историко-героические песни, диалектные особенности, карачаево-балкарский язык, переводные словари.

Современный литературный карачаево-балкарский язык, как и другие тюркские языки, прошел сложный и длительный путь развития. До сих пор основное внимание уделялось изучению карачаево-балкарского эпоса как литературного памятника, язык же историко-героических песен оставался вне поля зрения исследователей. В последние десятилетия в этом отношении наметился определенный сдвиг, так как специалисты стали уделять внимание различным аспектам фольклора¹, его роли в формировании и развитии национального языка. В этом ключе исключительный интерес представляет язык историко-героических песен карачаево-балкарского нартского эпоса, поскольку исследование его функционально-стилистической структуры

поможет определить роль разнодиалектных особенностей в формировании литературного языка.

Исследователи отмечают одно важное свойство литературного языка наших дней: литературный язык гетерогенен – неоднороден по своему составу. В самом деле, свойство гетерогенности литературного языка оборачивается такими характернейшими для него явлениями, как вариативные способы выражения одного и того же смысла. На этом покоится система перефразирования, без которой немислимо подлинное владение любым естественным языком, множественность реализации системных потенциалов, а также стилистическая и коммуникативная градация средств литературного языка, использование некоторых разрядов языковых единиц как средств социального символизма (ср. социальные различия в способах прощания, предусматриваемых нормой современного литературного языка: от социально немаркированного *сау къалыгъыз* «до свидания» до просторечного *хайда, хо* «пока»)² и т.п.

Гетерогенность (разнодиалектность) литературного языка проявляется также в его локально и социально обусловленной вариативности: при общем и едином наборе средств литературного языка (фонетических: *къарауул – къалауур* «сторож», *сиркиу – сыркыу* «озорной (о ребенке)»; лексических: *бугъумуч – бугълуч* «прятки», *бегеуул – мегеуул* «сторож», *къол къап – къолнакъ* «рукавицы»; грамматических: *жинк – жингк* «уголек», *ала – алалай* «пестрый, препестрый», *бедаргъу (диал.) – семиз* «тучный, упитанный», *гестанты – кестанты* «состязание, соревнование», *шургу – шугу* «печаль, печально», *шунха – ишеклик* «сомнение», *сауру – саууру* (диал.) «круп лошади»³ и мн.др.) и правил их использования эти средства различаются частотностью употребления их разными группами говорящих⁴.

В процессе образования собственно карачаево-балкарского языка унаследованные тюркские разнодиалектные формы речи стали основной базой для становления общенародного языка⁵. Диалектные варианты карачаево-балкарского языка обладают богатой, самобытной лексикой⁶. Например: **ШИПОВНИК** переводится как *итбурун*, *юлёкъу*, *къуллау*, **СЛИВА** – *эрик*, *къара эрик*, *хогулт*, *горегей*, *къыфца* и др.

Особые обобщенные варианты устной речи предназначались в основном для ситуации, возвышающейся над уровнем повседневно-бытового общения⁷. В этом отношении наибольший интерес представляет язык фольклора: мифы, народные сказания, легенды, историко-героические песни, – словно невидимая цепь, протягиваются от поколения к поколению, соединяя их.

Изучение языка фольклора способствует уточнению путей развития устного литературного языка, с одной стороны, а с другой, – освещению взаимосвязи между диалектами и литературным языком. Это обуславливается тем, что язык фольклора вобрал в себя специфические черты диалектного и литературного языка, так как был основной связующей ступенью между ними⁸.

Карачаево-балкарский язык и поныне сохраняет свои диалектные особенности. Об истории происхождения тюркских языков в тюркологии имеются разные мнения и представления⁹. В новейших тюркологических исследованиях по теории и истории литературных языков гетерогенный (разнодиалектный) характер карачаево-балкарского языка отождествляются с их смешанным характером, т.е. одним из диалектных форм реализации общенародного языка.

На протяжении всей истории карачаево-балкарского литературного языка его лексика пополнялась диалектизмами¹⁰. В нартском эпосе они играют немаловажную роль, так как эпос исполнялся на всех диалектах. Диалектизмы выполняют важные стилистические функции: помогают передать местный колорит, особенности речи героев, являясь источником речевой экспрессии¹¹. Это местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке иные наименования или отличающиеся от соответствующих литературных слов лишь определенными особенностями своего звукового строения, которые не зависят от специфики фонетической системы диалекта и литературной речи¹².

Иначе говоря, для жанров песенного фольклора используется разнодиалектная форма речи, которая по своему обобщенному характеру оказывается близка к литературной форме общенародного языка. Устно-поэтическое народное творчество уходит своими корнями вглубь веков, причем для фольклорных

произведений всегда была характерна диалектная форма языка. На протяжении всей истории развития литературного языка именно в народной поэзии (как эпической, так и лирической) сильнее ощущался дух народа, дух живой разговорной речи.

Извлеченная из реального диалекта форма начинала жить в поэтическом языке новой жизнью, будучи противопоставлена другим формам, в сочетании с которыми она в естественном языке не встречается. Разнодиалектные формы в языке единого произведения становились наддиалектными и образовывали сложное поэтическое единство.

Особенно широко представлены в карачаево-балкарском фольклоре эпические произведения, сказки, легенды, историко-героические песни, притчи, загадки, мифы и т.п. Будучи продуктом устно-поэтического творчества, в языковом отношении эти произведения всегда возвышались над повседневной бытовой речью и, как правило, все они носили гетерогенный (разнодиалектный) характер. Исследования показывают, что в поэтических произведениях фольклора конкретные черты территориальных диалектов дают о себе знать, но редко. Причем обычно это случается лишь в конечных, то есть рифмующихся словоформах:

Юч нарт батыр тюлкю уугъа баргъандыла, дейди.

Ала барысы да сауут-саба алгъандыла, дейди.

Аланы таматалары уллукъз Ёрюзмек болгъанды, дейди.

Ортанчылары – бир сёзде турмаучу Сибилчи болгъанды, дейдиле.

Кичилери уа темир санлы Сосурукъ эди, дейди.

Къара тюлкюню ызларындан излегендиле, дейди.

Аны кече жатхан жерин сакъладыла, дейди,

Аны жюрюген жолун марадыла, дейди.

«Трое нартских храбрецов отправились на лисью охоту, говорят.

Они все вооружились и [отправились], говорят.

Старший из них – большеглазый Ёрюзмек, говорят,

Средний – не всегда верный своему слову Сибилчи был, говорят,

А младший – железнотелый Сосурук, говорят.

Все трое на лисью охоту пошли, говорят.

Черной лисицы искали [они] след, говорят.

Место, где она спит ночью, стерегли, говорят,

Дорогу, где она ходит, сторожили, говорят».

Из приведенного примера видно, что повествование ведется от третьего лица, прослеживается богатство языка в описании героев: коротко, одним предложением им дается характеристика, например, положительные образы Ёрюзмека и Сосурука, и отрицательный – Сибилчи, который «не всегда верен своему слову». Во второй части отрывка можно отметить выразительность языка описания того, как они втроем «искали след, стерегли место, где черная лисица спит, сторожили дорогу, где она ходит». Отсутствие повторов в данном отрывке также характеризует своеобразие языка и мастерство певцов, которые из покоя веков донесли до наших дней все богатство устно-поэтического языка. Хотя пути развития и степень обобщенности устно-поэтического языка, его роль в истории языка, его традиции в письменном-литературном языке не одинаковы у разных народов, наддиалектный характер данной разновидности языка подтверждается материалом языков самых различных типов, как старописьменных, так и новописьменных. Во всяком случае, материалы карачаево-балкарского языка показывают, что формы устно-поэтических традиций характеризуются совокупностью языковых черт, отличающихся от строевых особенностей как языка разговорно-бытового общения, так и территориальных диалектов.

Образование же особенностей устно-поэтической речи обусловлено факторами иного характера, не связанными с территориальной общностью носителей того или иного диалекта. Основным инвариантом устно-поэтической речи является именно то, что объединяет речь представителей разных территориальных диалектов и отличает их от языка повседневно-бытового общения. Причем разнодиалектные признаки охватывают, хотя и в неодинаковой степени, разные языковые уровни – лексику, синтаксис, морфологию, фразеологию и отчасти фонетику. Например, «Песнь о Чюелди»:

...Чюелди *туу байталын тохтатханды, ойра,*
 – А, кьонакъларым! – дегенни айтханды, *о-ой.*
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!
Атлангганда, муратыгъыз не эди? Ойра,
Сюрлюгюгюз жылкымыды, жесирмиди? О-ой.

«Чюедди остановил **своего резвого коня, ойра**,
 – А, гости мои! – сказал он, **о-ой**.
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!
 С какой целью вы вышли? **Ойра**,
Коней или невольников хотите взять? **О-ой**.

Анализируя эту «Песнь о Чюедди», нужно обратить внимание на язык песни, ее лексику: *туу байтал* «необъезженная, неприрученная кобыла (кобылица)», *жылкьы* «табун лошадей», *жесир* «невольник, наложник (пленник)» и далее по тексту: *Боракъа къала* «башня Борака», *Жылкьы къош* «кош, где смотрят за табуном лошадей», *жетей тамгъа* «тавро», *къара сыра* «напиток спиртной», *къаракъулакъ акъ ёгюзле* «черноухие белые волы», *жортууул* «набег», *Аман жандан – бет ахшы* (посл.) «Достоинство и честь важнее недолговечной души», *чепкен* «кафтан», *Сьрт къол* «название местности», *жибек аркъан* «шелковый аркан», *жюген* «уздечка», *жесир* «заложник», *къабакъ* (в знач. «село, населенный пункт»), *чириген чалман* «сгнивший плетень», *артмакъ* «ноша, рюкзак», *гурушха* «недосказанность, недомолвка», *айгьыр* «резвый», *къылыч* «меч», (*жаугъа*) *бёрк алдырыу* в знач. «отступить перед врагом», *майдан* «площадь», *иер къаиш* «седло», *ат жауурлукъ* «чепрак, подседельник», *мычымазгъа* «не задержаться», *къыйпаргъа* «убить», *къанын-къунун сыйпаргъа* «вытереть всякую кровь», *ташларгъа* «отделаться», *сингерге* «внедриться», *жортургъа* «мчаться», *сирелирге* «торчать (негативное)» и т.д., которая носит также разноречный характер.

Следует заметить, что историко-героические («*тарых-жигитлик жырла*») и нартские (былинные) песни («*нарт жырла*») отличаются друг от друга. Так, если в нартских (нартовских) песнях повествуется непосредственно о героях эпоса, то историко-героические песни рассказывают о различных событиях и деятелях более поздней эпохи, и называются в карачаево-балкарском фольклоре «*эски жырла*» – старинные песни или «*тарых-жигитлик жырла*» – историко-героические песни. Взять, к примеру, историко-героическую песню «Мызы бла Зорт» («Мызы и Зорт»):

Тау Артында Мызы бла Зортму эди?

Тау Артында бу экисинден батыр жокъму эди?

Аякълары жалынмы эди, отму эди?

– Кел, Мызы, биз жортууулгъа барайыкъ!

– Къой-къой, кѣп баргъан сау къайытмаз! – дегенди, –

Энди биз жортууулгъа баргъанны къояйыкъ,

Харам хантдан да бир тояйыкъ! – дегенди.

– Ой, сен аманны, отунг-огъунг тауусулгъан болур! – дегенди.

В этой героической песне рассказывается о том, как Зорт (досл. рыскать, рисить «жорт», носители ц-диалекта говорят *зорт*), уговаривает Мызы поехать с ним, то в Чегем, то в Балкарию, на пастбища Сукан, угнать скот. Тот, предчувствуя недоброе, не желает, но Зорт, по вине которого впоследствии они погибают, уговаривает его, и они отправляются в набег. Анализируя это произведение, необходимо обратить внимание на богатство языка песни, на многообразие лексики; так, в ней встречается древняя форма множественного числа с окончанием на *-лар / -лер*: *айландылар – айландыла* (ызларына) (лит.) «вернулись (назад)», *кѣп къойларны – кѣп къойланы* (лит.) «(много) овец», *жетдилер – жетдиле* (лит.) «догнали», *къарелдилер – къарелдиле* (лит.) «силуэты, тени», *айталлар – айтадыла* (лит.) «говорят», *кетдилер – кетдиле* (лит.) «ушли», *къарайлар – къарайдыла* (лит.) «смотрят», *эслейлер – элейдиле* (лит.) «замечают». Также здесь встречаются пословицы, повторы, диалектная и наддиалектная лексика: *Аякълары жалынмы эди, отму эди* «ноги их пламя или огонь» (здесь в знач. быстрые), *жортууулгъа кѣп баргъан сау къайытмаз* (лит. *къайтмаз*) (посл.) «тот, кто часто ходит в набег, может не вернуться (живым)»; *жортууулгъа баргъанны къояйыкъ, // Харам хантдан да бир тояйыкъ* «оставим хождение в набег, // Чужим добром, имуществом насыщаться»; *ой, сен аманны, отунг-огъунг тауусулгъан болур* «ой, у тебя, плохого («аман» о своих ради скромности), боеприпасы, наверное, закончились»; *терген къарагъанда, эки да, юч да дорба артыкъ болду* «когда посмотрели и посчитали, оказались три торбы (сумка для корма лошади, которая вешается коню на шею) лишние». Здесь также встречаются устойчивые эпитеты, повторы и сравнения: *башлары – чирахтанны* (диал. – лит. *чырахтан*) *башынлай*, *Къуйрукълары уа – тирмен ташынлай* «головы их (баранов) – большие,

как прикрепленная к стене доска, на которую ставили лампу / лучину, а курдюки / курдючное сало (их) – как мельничные жернова»; *Къара жерде къаргъа ызын ызларла, – дегенди. – Ёлюгюнгу, туз къуюп, тузларла, – дегенди* «На темной земле не оставят и следа, – сказал. А труп, посолят солью, – сказал»; *ахшы хорала* «хорошие породистые лошади»; *Къаурасы итден аман юреди, // Итлери адам тилни биледи* «высохшие стебли / стерня лают хуже собаки, // А собаки знают человеческий язык»; *Къарабаши итни къандан-къундан тойдуруп, юйге ийип къоярла* «Черноголовую (кличка) собаку напоят сырой кровью и отправят домой»; *сауут юйге кирир ол, сынсыу этип* «на кухню пойдет (собака), скуля»; *чартлан чыгъарла Сарыбий бла Къарабий* «пулей выскочат (здесь «быстро») Сарыбий и Карабий»; *Ой, алай болса да, бизни эшигиз жабылгъан болур. Къарабаши локъум къапмайды, сауутлагъа ёрге-ёрге секиред* «ой, если это так, худо нам, Карабаш не ест лакум, прыгает вверх на посуду»; *Къарт Айдаболгъа болгъан ишден керти белги беред* «Старику Айдаболу о произошедшем дает верный знак»; *жауурунга къараргъа устады* «большой знаток в гадании на лопаточной кости»; *жерлеригизни ал къашилары артха айландырып салыгъыз* «седло поверните передней частью назад» и т.п.

В языке карачаево-балкарских историко-героических песен встречаются такие особенности, как установившиеся устойчивые формулы, модели-эпитеты, сравнения, метафоры, но также архаический устойчивый характер его лексики. Например: *орман* «лес», *къалкъан* «щит», *къара атхан* «стрелять в мишень», *гысса* «кожаный мешок между *къапчыкъ* и *тулукъ*», *гыпхын* «приспособление из дощечек или прутьев, накладываемое по обе стороны шеи коровы; шина, применяемая в медицине», *барамта* «самовольный захват имущества должника с целью вернуть долг», *байкъама* «могучий, великий», *байдам* / *байдамлыкъ* «радость, веселье; радостное событие», *жортуул* «набег» и т.д. Архаизмы в языке данных песен придают ему особый, присущий только ему специфический колорит: *кюбе* «щит», *сыртын* «меч», *пелиуан* «богатырь», *нарт* «богатырь; мудрец», *садакъ окъ* «стрела», *айбалта* «бердыш», *мондай* «глупый» и т.д.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что язык историко-героических песен отличается от повседневно-бытовой речи устойчивостью форм, обработанностью, архаичностью лек-

сики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями. Его разнодиалектность подтверждают устойчивые формулы, эпитеты, сравнения, метафоры, передававшиеся в процессе многовекового развития эпоса талантливыми сказителями из поколения в поколение, а также архаический характер его лексики.

Таким образом, устный поэтический язык историко-героических песен выполняет существенную роль в сближении диалектных расхождений, в выработке единых грамматических норм на основе общенародного языка и подготавливает тем самым почву для формирования национального литературного языка, для становления литературной нормы.

Примечания

1. Гергокова (Этезова) Л.С. Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.; Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 312 с.; Малкондуев Х.Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 320 с.

2. Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 744 с.

3. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. / Гл. ред. Ж.М. Гузеев. Т. I. Нальчик: Эль-Фа, 1996; Т. II. Нальчик: Эль-Фа, 2002; Т. III. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1160 с.

4. Кучмезова Л.Б. Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 135 с.

5. Кучмезова Л.Б. К проблеме языковой вариантности в условиях наддиалектности // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2015. № 1(63). С. 268–272.

6. Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б. Стратификация карачаево-балкарского языка с точки зрения диалектных особенностей // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. 2015. № 16. С. 693–702.

7. Кучмезова Л.Б. Некоторые особенности диалектной лексики в карачаево-балкарском языке // Гуманитарный профиль. Научный сборник Совета молодых ученых. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015.

С. 145–149. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/izdat/ebibl/sbornikSMU.pdf> (дата обращения: 12.04.2017).

8. Гергокова (Этезова) Л.С. Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.

9. Мусуков Б.А., Кучмезова Л.Б. Лексические и семантические особенности значений слов и их отражение в тюркских переводных словарях (на материале карачаево-балкарского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. URL: <http://www.sciens-education.ru/129-21746> (дата обращения: 05.10.2016).

10. Кучмезова Л.Б. Влияние диалектов на формирование норм литературного карачаево-балкарского языка в условиях наддиалектности // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2011. № 2. С. 148–152.

11. Кучмезова Л.Б. Роль диалектов в процессе становления лексических норм современного карачаево-балкарского языка // Язык, литература, фольклор. Книга в честь Юнуса Дешериевича Дешериева. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2014. С. 87–90.

12. Кучмезова Л.Б. Влияние диалектов на становление лексических норм карачаево-балкарского языка // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа. Материалы всероссийской научной конференции. В двух частях. Карачаевск: КЧГУ, 2011. Ч. 1. С. 266–270.

L.B. Kuchmezova

THE IMPORTANCE OF STUDYING HETEROGENEOUS FEATURES HISTORICAL-HEROIC SONGS (ON THE MATERIAL OF KARACHAY-BALKAR LANGUAGE)

In this article, the multi-dialect features of the Karachay-Balkar language, revealed in historical and heroic songs, are considered. It analyzes the values of heterogeneous / multi-dialect words in these songs within the framework of the oral poetic language system of Karachais and Balkarians. Investigating the materials of ancient works on the basis of a comparative analysis of explanatory and translated dictionaries, the delimitation of the semantic boundaries of dialectal and regional convergences and divergences of lexical units is carried out. Generalized practical experience of phonetic, lexical and semantic features and their use in syntactic constructions of Karachai-Balkar language.

Keywords: heterogeneous (multi-dialect) words, historical and heroic songs, dialect features, Karachay-Balkar language, translated dictionaries.

Л.С. Гергокова

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ И ИХ МЕСТО В ФОЛЬКЛОРНОМ НАСЛЕДИИ НАРОДА

В данной статье исследуются основные факторы создания сказочного жанра о животных в карачаево-балкарской фольклористике. Предметом изучения избран богатейший материал устного народного творчества – карачаево-балкарские сказки о животных, на примере анализа которых освещается национальное своеобразие в восприятии их места в фольклорном наследии данного народа.

Ключевые слова: сказки о животных, фантастика, аллегория, вымысел, условность, фольклорное наследие, добро, персонаж.

Сказка – это фольклорный жанр, в котором сюжет развертывается во вневременном пространстве, отличается своеобразием, употреблением художественных средств сказителями для описания разных сторон настоящего времени. Ее главной отличительной чертой является свободное применение фантазии, вымысла и условности.

«Как и другие жанры народной словесности, карачаево-балкарские сказки, которые записывались приблизительно с середины прошлого столетия, по настоящее время недостаточно изучены»¹. Общие проблемы сказочного фольклора затрагиваются в статьях и предисловиях к сборникам о фольклоре и литературе таких исследователей как А.И. Караева², А.З. Холаев³, Х.Х. Малкондуев⁴, Т.М. Хаджиева⁵, Ф.А. Урусбиева⁶, Л.С. Гергокова⁷, Б.А. Берберов⁸, Ф.Х. Гулиева⁹.

В карачаево-балкарском фольклоре сказки о животных являются своеобразной разновидностью данного жанра. Появившись в древние времена, сказочный фольклор сыграл немало важную роль в передаче потомкам жизненного опыта, а сказки

о животных помогают подрастающему поколению познать мир зверей.

Вначале формировались простые повествования о животных, но потом, эти тексты превратились в сказки, которые и по сей день существуют. Такие истории имеют столь древнее начало, что с точностью установить период их создания почти невозможно. Скорее всего, такие сказки сочиняли те самые пастухи или охотники, у которых деятельность непосредственно связана с миром зверей, поэтому животные являются главными героями таких произведений. Из крупных персонажей балкарских сказок о животных чаще всего встречаются: медведь, лиса, волк, бык, жеребец, кобыла, собака, осел, коза, корова. Такие истории обычно невелики по объему. Действующими персонажами являются животные, олицетворяющие собой людей с различными характерами, попадающие в сложные ситуации и выходящие из них благодаря неким помощникам. Герои проходят через трудности и препятствия, в конечном итоге в этих историях побеждает дружба и добро.

«Карачаево-балкарские сказки о животных по содержательной структуре типологически близки к мировым мотивам и тесно связаны с жизнью человека и природы, которая является их царством»¹⁰. Следовательно, в мотивах карачаево-балкарских сказок о животных единства не наблюдается, поэтому можно выделить лишь несколько фрагментарных характерных признаков таких сказок:

1) Сказки, которые построены на коварном совете одного персонажа другому. В основном советчиком является лиса. В сказке «Айбу, бёрю, тюкю» «Медведь, волк, лиса»¹¹ она, притворившись, что съела свои глаза, тем самым утолив голод, советует медведю сделать то же самое. После чего медведь становится слепым и беспомощным, став легкой добычей для коварной лисы.

2) Сказки, построенные на мотиве неожиданного испуга. Запугивание и является в сказках основой обмана. В основном более слабый герой вызывает страх у более сильного. Последний в таком случае остается одураченным («Эки кьоншу» «Два соседа»¹², «Буу бла кирпи» «Тур и ёжик»¹³, «Къой бла эчки» «Баран и козел»¹⁴, «Бёрю, тюкю, ат» «Волк, лиса, лошадь»¹⁵ и др.). Это

доказывает, что в период создания сказок обман воспринимался как средство борьбы за существование.

«В карачаево-балкарских сказках о животных, как и у других народов, сохранились отпечатки тех времен, когда основным видом деятельности у человека была охота. Человек вынужден был обманом завлекать диких зверей в ловушки, чтобы добывать себе еду»¹⁶.

3) Сюжетный ход, когда животное что-то роняет. Это также широко используемый элемент сюжета, служащий как этапом его развития или преломления, так и нравоучительным моментом, развязкой («Тюлкюню кьонгуроуу» «Колокольчик лисы»¹⁷).

Б.Н. Путилов углубил представление термина «мотив» и представил его как «...типовая формула, являющаяся специфическим средством реализации одного из типовых элементов эпического сюжетного арсенала»¹⁸. Таким образом, «...мотив представляет собой единицу художественной семантики и трактуется в системе произведения, связывая его проблематику с общими вопросами генезиса в фольклоре»¹⁹.

Однозначен в сказках взгляд на богатство. Жадность воспринимается как порок, бедность же является достоинством. Состоятельность достается героям легко, между делом, когда они о нем и не думают, как дополнительный приз к хорошей невесте или спасенной жене. Стремящиеся к богатству как самоцели всегда наказываются и остаются «у разбитого корыта» («Тирменчи бла тюлкю» «Мельник и лиса»²⁰, «Албёрю бла Тутбёрю»²¹ и др.).

В карачаево-балкарских сказках народ отдает первостепенную роль действующим животным, наделяя их чертами человеческого характера, разумом, речью. Сюжеты таких историй очень интересны, они дают возможность слушателю ощутить красоту суровой природы родного края, акцентируя внимание на особенности поведения животных и птиц, обитающих в данной местности. Эти сказки ориентированы на детскую аудиторию, и их сюжеты показывают, как нужно вести себя с товарищами, дают примеры поведения в социальной среде.

Они помогают детям быть ближе к окружающей природе и животному миру, который предстает перед слушателями в ином

свете, где деревья и животные живут жизнью людей, и добро непременно побеждает зло. В карачаево-балкарских сказках о животных все персонажи знакомы друг с другом и живут в покое, им свойственны человеческие добродетели, такие как сочувствие, дружба, сострадание. Соперничают только дикие и домашние животные, но при этом всегда победа за домашними животными.

В карачаево-балкарском фольклоре сказки о животных играют основную роль в передаче потомкам жизненного опыта и помогают подрастающему поколению познакомиться с миром животных. В них критикуются и высмеиваются те типы людей, которые олицетворены в образах животных, уподобляясь человеческим характерам, не стирая при этом черты животного происхождения.

Например, сказка «Кёгюрчюн уяны кьалай салады» «Как голубь вьет гнездо» дает слушателям возможность узнать о том, почему у голубя гнездо недостроенное. Постройкой гнезда у голубей, занимается только самец, а не самка. Он добывает строительные материалы – травинки и деревянные щепки, тонкие сучки и мелкие палочки, чтобы сложить из них потом прочное гнездо. Такие гнезда имеют довольно неаккуратный вид, точнее даже неопрятный.

На самом же деле эти гнезда недостроенные. Раньше голубка, как только наступала весна, находила углубление в земле, садилась и сносила яйцо, высиживала и выводила птенца. Но однажды хитрая лиса подкралась и съела все снесенные ею яйца.

После этого голуби начали гнездиться на деревьях. А неопрятный вид гнезда – это свидетельство спешки голубя, который не дождался, пока его обучат другие птицы вить гнездо и выпроводил их, ссылаясь на то, что сам все умеет. На самом же деле у него ничего не получилось.

Когда же он позвал помочь тех же птиц в очередной раз, птицы: «Два раза пошли, два раза ушли, теперь и у себя есть заботы», – сказав, не пришли. А некоторые из них сказали: «Зачем мы стараемся научить мастера!»

И так гнездо голубя остается в недостроенном виде. И голубь и голубка до сегодняшнего дня стараются устроить жизнь в этом наполовину недостроенном гнезде, говорят»²².

В образе птиц народ осмеивает характеры людей неряшливых, нетерпеливых и т.д.

Передаваясь из уст в уста многие века, сказки у карачаевцев и балкарцев обрели присущие им особенности композиции и изобразительных средств. Их основной отличительной гранью является использование фантазии, вымысла и условности, которые в разных сказках выражаются по-разному.

Сказка является бесценной помощницей в развитии языковых и речевых навыков подрастающего поколения. Слова и обороты, услышанные из сказок с их архаичным и глубоким значением сохраняются в нашем сознании и обитают в нас, независимо от того где находимся мы сами. Эти поучительные истории обучают нас находить дорогу из сложных жизненных лабиринтов, с достоинством выстоять в трудных ситуациях, одолевая страх, воспитывая в сердцах читателей добро, зная, что каждая сказка имеет счастливый финал.

Лексика сказочного жанра богата в стилистическом отношении: основу словарного состава представляют антонимы, синонимы, архаизмы, диалектизмы и регионализмы, просторечия, слова-архаизмы, пословицы и поговорки, чем так богат родной язык. Все это разрешает сделать тексты доступными и понятными для детского восприятия, что дает возможность легко и быстро запомнить сказку, развивая при этом фантазию читателей. Передавали сказочные истории из уст в уста, от поколения к поколению, по ходу дела изменяя их и дополняя новыми деталями.

Помимо прочего, ценность сказок и в том, что они дают возможность познакомить детей с жизнью и бытом родного народа. Такие сказки в аллегорической форме выражают социальные отношения людей.

Благодаря сказкам, мы имеем возможность поведать и передать потомкам, как жили наши предки раньше, как формировалась культура родного народа, частью которого являемся мы все. Сказки открывают все важнейшие стороны жизни народа для подрастающего поколения, являясь неисчерпаемым источником сведений о национальном характере, не только раскрывая особенности внутреннего мира людей, но и создавая новые

идеалы. То добро и премудрости, которые заложены в сказках, дают нам воспитать в детях наилучшие человеческие качества. И важно отметить, что этот потенциал неиссякаем, такие ценности вечны, из них формируется то, что называется – духовная культура родного народа.

Таким образом, сказки о животных в первую очередь играют воспитательную, назидательную роль, помогают победить невзгоды и лишения. Они дают подрастающему поколению поверить в торжество справедливости, осуждая коварство и насилие над слабыми. Фольклорное наследие любого народа подтверждает богатство его художественно-эстетического мышления, раскрывая множество индивидуальных черт характера и особенностей духовного мира человека.

Примечания

1. *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарская сказка: внутрижанровые особенности сказок о животных // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2015. №1 (63). С. 252–256.

2. *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. 320 с.

3. *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

4. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 4(23). С. 96–116.

5. *Хаджиева Т.М.* Ал сёз (Введение) // Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтгула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах. Т. 2 / Сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 3–6.

6. *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ, 2010. 125 с.

7. *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Специфика символических цветообозначений в фольклорных и художественных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9. Ч. 2. С. 36–39.

8. *Берберов Б.А.* Почему стариков не стали изгонять (сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива) // Акту-

альные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 212–212.

9. *Гулиева (Зануковева) Ф.Х.* К проблеме внутрижанровой классификации карачаево-балкарских народных сказок // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 226–229.

10. *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. С. 8–36.

11. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 45 папка; 6 паспорт.

12. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 45 папка; 7 паспорт.

13. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. 34 папка. «Балкаро-карачаевские сказки». Фонд Отарова К.С.

14. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 10 папка; 5 паспорт.

15. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 45 папка; 18 паспорт.

16. *Гергокова Л.С.* Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2016. №4(31). С. 122.

17. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 19 папка; 14 паспорт.

18. *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетообразующий элемент. Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 144.

19. *Манджиева Б.Б.* К проблеме изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. №1(01) 2016. С. 44–50.

20. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 10 папка; 1 паспорт.

21. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 45 папка; 1 паспорт.

22. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. 45 папка; 11 паспорт.

L.S. Gergokova

**KARACHAY-BALKAR TALES ABOUT ANIMALS
AND THEIR PLACE IN THE FOLCLORE HERITAGE
OF THE PEOPLE**

This article examines the main factors creating the fairytale genre about animals in Karachay-Balkar folklore. The subject of study elected to a rich oral folklore – Karachay-Balkar stories about animals, for example, the analysis of which highlights the national distinctiveness in the perception of their place in the folklore heritage of this nation.

Keywords: animal tales, fantasy, allegory, fiction, Convention, folklore heritage, good character.

Л.Б. Хавжокова, А.Х. Буранова

ПОЭТИКА СТИХОВ ЛАТМИРА ПШУКОВА

В данной статье впервые исследуется поэтика стихов современного кабардинского поэта Латмира Пшукова. Анализируется система образов, художественный стиль, выявляются особенности метрико-рифмовочного комплекса. Автором статьи акцентируется внимание на эстетике и поэтике стихов Л. Пшукова.

Ключевые слова: поэзия, поэтика, ритмика, рифма, мотив, тональность, композиция, метафоричность.

В 90-е гг. XX в. кабардинская поэзия обогатилась творчеством большой группы молодых поэтов: Л. Балаговой, Б. Аброковой, М. Тлостановой, З. Кануковой, Л. Пшукова, Н. Махотлова, К. Абазокова и др. Одним из ярких представителей указанной плеяды авторов является Латмир Пшуков. За два десятка лет своего творческого пути он издал три сборника, куда вошли множество стихотворений, венок сонетов «Нынешние думы» («Иджырей гупсысэхэр») и поэма «Отметина на сердце» («Сигум и ГэпапГэ»).

Поэтический образ есть одна из важнейших черт, отличающих стихотворное произведение от прозаического. Поэзия представляет собой образную литературно-художественную речь, и без образа она существовать не может. И пусть образность лишь часть художественного изображения действительности, но это ее важнейшая часть. Главным в образе всегда является неожиданная деталь (мысль, штрих), подмеченная автором и не видимая, не бросающаяся в глаза до этого момента никому другому. Значит, образность стиха выражается наличием художественно поданных неожиданностей в его тексте. Удивительна поэтическая речь Л. Пшукова. Порой читателю надо хорошо вдуматься,

чтобы понять, о чем на самом деле говорит автор. Например, в приведенной выше строфе под фразой «*умыгыуэтыжмэ уи «дыщэ Кланэр»*» – «когда не находишь свое «чудо» подразумевается взросление детей.

В стихотворении «Просьба» представлен метафоризированный образ жизни, у которой люди находятся в гостях: «*Сыкыщык-КуакIэ, сыщыгыэIэ, / Сигу ирихынкIэ мэхуу уи щIантIэр, / Къыслыу-мыгыэмси уи жьантIэр, / Сыкыбгыэлыныцъ гъэмахуэ щIыIэм*»¹. – «Раз я пришел [сюда], позволь остаться, / Может, мне понравится твой двор, / Даже если не уделишь мне почетное место, / [Хотя бы] спасешь меня от летнего холода». Оригинальным в данном отрывке представляется оксюморон «летний холод», в котором выражена душевная драма героя. Им же подчеркивается богатство поэтического языка Л. Пшукова.

Стихи Л. Пшукова насыщены новаторскими и оригинальными эпитетами: «*абджым и щIыфэ щIыIэм*», – «холодная поверхность стекла», «*мы къалэм и сурэт щIыIэр*», – «холодный облик этого города», «*сурэт бзагуэ*» – «немая фотография», «*сыхъэт ицIыуныс*», – «живые часы» и т.д. В своей поэтической речи поэт также удачно пользуется гиперболой: «*жэщыбгым зиггъэщхъри си дамэм щэху дьдэу щыгыащ*» – «полночь тихо зарыдала у меня на плече», «*уафэр мэхуищхъэ-мэщатэ*» – «небо зевает». Многократно повторяемые строки – рефренные параллелизмы – в поэзии Л. Пшукова раскрывают основную мысль стихотворений. Этот прием придает стихотворениям музыкальность, сближает их строение с поэтикой старинных народных песен. При этом рефренные параллелизмы в его поэзии можно подразделить на: *начальные* (повторяющиеся в начале каждого куплета – как, например, в стихотворении «СынэкIуэжынути уи деж» – «Хотел вернуться я к тебе») и *концевые* (или *замыкающие* – т.е. повторяющиеся в конце каждого куплета, как, например, в стихотворении «Сэ гьусэ сщIынукъым нэгъуэщI» – «Я не буду с другой»).

У поэта также обнаруживаются рефренные параллелизмы, повторяющиеся внутри одного куплета. Так, например, фраза «*Уэ ар къысхуэбгыгъунукъым*»². – «Ты мне этого не простишь» в одном куплете повторяется дважды – во второй и третьей строках. Встреча-

ются также повторы внутри одной строки: «Сэ *щIэжyрт а гьатхэр, а гьатхэр сэ щIэжyрт*»³. – «Я помнил ту весну, ту весну я помнил».

Особенностью композиции стихов Л. Пщукова является частое употребление анафоры – повторение одинаковых звуков или слов в начальной строке.

*Псэм кьекIуэкIыну щыIэкъым джанэ,
Псым имыгъэткIуу щыIэкъым уз...*⁴

Весьма разнообразен рифмовочный комплекс поэзии Л. Пщукова. В своих стихах поэт использует множество способов рифмовки:

– **фольклорная (народная) рифма:**

*Сыт псэукIэми, си псэм пэIэщIэ зумыщI:
УщынэщхъыфIи, щIыIэ техъэгъуэм ущиси,
Уи фалгэм щизи, шэнтиуэ щабэм ущиси,
Щумыгъуэтыжи си ныбжь пытхъахуэм нэмыщI⁵.*

Здесь фольклорной рифмой связаны конец первой строки и начало второй, конец второй и начало третьей, конец третьей и начало четвертой.

– **внутренняя рифма:**

*АфIэкI сумыбгынэ, афIэкI успымыкI,
АфIэкI кьысхуумыхъ хъыбар гуауэ⁶.*

– **начальная рифма (анафора):**

*Сэ си уэрэдыр пшэхэм я фэгъуш,
Сэ си уэрэдыр тхэхэм я щIасэщ.
Зэ утолIыкIри – кьыпхуамыгъэгъу,
ТIэу утолIыкIри – щIылгэм зегъазэ⁷.*

– **концевая рифма (эпифора):**

*IэфIу уозэгъэжри уожей,
Сэ уэздыгъэ нэфыр дызошей,
Сэ уэшх цIынэ щабэр си псалъэгъуш,
Уэ – щIалэ кьуданхэр уи псалъыхъуш⁸.*

– сквозная рифма:

СыкыбыщыкIуакIэ, сыщыгъэIэ,
 Мы дуней фыгъуэр *щызэрахъэм*,
 ПцIы дахэ куэдхэр *щызэрахъэм*,
 Зэрызмышъэфхэр *щыщIагъэIэм*⁹.

В поэзии Л. Пшукова также обнаруживаются случаи концевой рифмовки всех строк куплета:

Пэжыр къапщIэмэ, пцIы *мэхъуж*,
 Удз гъэгъахэр *умыгъэгъуж*,
 Уигу сымаджэр *умыгъэгъуж*,
 ЕпцIыжакIуэм *хуумыгъэгъуж*,
 Зыри фIыуэ *умылъагъуж*,
 Лъыр упщIыIумэ-псы *мышъуж*¹⁰.

Восприятие стихов в наибольшей степени связано с формой, чем восприятие прозы. При этом огромное значение приобретают способы звуковой организации, то есть стихотворные размеры. В кабардинской поэзии наиболее обширное распространение получили двусложные размеры – ямб и хорей. В поэзии Л. Пшукова чаще всего встречается ямб в разных вариациях:

– трехстопный ямб:

Иджы уешэж нэгъуэщIыIм,
Иджы сошэж нэгъуэщIыIр,
Ухамэуи сыхамэуи
*ТэлайкIэ къысщымышъу*¹¹.

U – / U – / U – / U
 U – / U – / U – / U
 U – / U U / U – / U U
 U – / U U / U –

Как известно, **пятистопный ямб** в кабардинской литературе был освоен в послевоенное время и встречался довольно редко. Но в настоящее время поэты часто пользуются им. Л. Пшуков является одним из молодых авторов, который уверенно использует данный стихотворный размер:

*Нэхууцыр бжэм аргуэру кьытоулуэ,
Нэхууцыр псэм аргуэру цоггуэлъыкI.
Пиэджыжь нэмзым мацIэ гур щIэныкьуэр?
ИтIани псэм цымыIэ кьехьэлъэкI¹².*

U - / U - / U - / UU / U - / U
U - / U - / U - / UU / U -
UU / U - / U - / UU / U - / U
U - / U - / U - / UU / U -

В кабардинской литературе поэты всех поколений использовали хорей. В поэзии Л. Пшукова встречается трехстопный хорей, переходящий в четырехстопный хорей внутри одного куплета:

*ДиIэц дэ хьэ маскIэ
Куэдрэ ар мэбанэ
КьысфIекIухьыр махуэ кьэскIэ,
Джаби губгьуи кьимыгьанэу¹³.*

- U / - U / - U
- U / - U / - U
UU / - U / - U / - U
- U / - U / UU / - U

Поэт успешно использует пятистопную вариацию данного стихотворного размера:

*Сэ сымаджэ сыхъумэ, си гум кьокI:
Удз епэрхэм си псэр дэхъужынууц.
Си шыпхъуитIым удз гьэгъа ягъэкI,
Си щIалэгъуэр ямыгьэгъужыну¹⁴.*

- U / - U / - U / - U -
UU / - U / - U / UU / - U
UU / - U / UU / - U / -
UU / - U / UU / UU / - U

Часто и весьма своеобразно Л. Пшуков использует трехсложные размеры:

– двухстопный амфибрахий:

Си Iупэр хызощIэ
 Псы щIыIэ шынакЪым
 МыракЪым си унэр,
 Модрейри-аракЪым!¹⁵

U – U / U – U
 U – U / U – U
 U – U / U – U
 U – U / U – U

– четырехстопный амфибрахий:

ЩIымахуэ бжэщхьэлум си макЪыр тощашэ,
 ЩIымахуэ бжэщхьэлум си макЪыр тощтыхь.
 Си макЪым кЪимыкIыр сэракЪым зи лажьэр –
 ЩIымахуэм и щэхухэр кЪысхуищIыркЪым тыхь¹⁶.

U – U / U – U / U – U / U – U
 U – U / U – U / U – U / U –
 U – U / U – U / U – U / U – U
 U – U / U – U / U – U / U –

– пятистопный амфибрахий:

Псы щIыIэ лъащIэхуу си нитI кЪэутхъуар зыхэдиер,
 Мы гъатхэми гъащIэми зыкIи емыщхь жыг лъэдийхэр
 Си нэгү щыщIэбгъэкIкIэ сьт хуэдэ гуэныхь сьбгъэпшыныр?
 Си напIэр кЪсIэту уи нэгүм сиплъэну сошынэ...¹⁷

U U U / U – U / U U U / U – U / U – U
 U – U / U – U / U – U / U – U / U – U
 U – U / U – U / U U U / U – U / U – U
 U – U / U – U / U – U / U – U / U – U

– двухстопный анапест:

Зэрыщыту кЪэгъанэ,
 ГъащIэ закЪуэр архъуанэщ.
 Уэрэдынишэу ськЪанэм,
 Псым адрьщI сикIыфынищ¹⁸.

U U – / U U – / U
 U U – / U U – / U
 U U – / U U – / U
 U U – / U U –

– **двух-трехстопный дактиль:**

*ГуфIэу ныптежьэми –
 Си гур иджьыри сьмаджэц,
 Гъузэгуу къыхихым
 И зэхуэдитIыр къуэладжэц...¹⁹*

– U U / – U U
 – U U / – U U / – U
 – U U / – U
 U U U / – U U / – U

В своей поэзии Л. Пшукоев затрагивает жизненно важные вопросы, в его произведениях остро чувствуется время. При этом социальное время завуалировано за авторским метафоричным мировосприятием. О чем бы и в какой форме ни писал Л. Пшукоев, его стихи глубоко философичны. В них переплетены размышления автора об устройстве мира, взаимоотношении человека и природы, месте и роли личности в окружающей действительности. Для поэта мир собственной поэзии – это созданное им пространство, в котором живет он сам со своими мечтами, чувствами, где необыкновенная красота природы и любовь порой соседствуют с печалью и разлукой.

Примечания

1. Пшукоев Л.Х. Отметина на сердце. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 32.
2. Пшукоев Л.Х. Калина полевая. Нальчик: Тетраграф, 2011. С. 26.
3. Там же. С. 13.
4. Там же. С. 76.
5. Там же. С. 79.
6. Там же. С. 46.
7. Там же. С. 39.
8. Пшукоев Л.Х. Отметина на сердце... С. 29.
9. Там же. С. 32.
10. Пшукоев Л.Х. Калина полевая... С. 45.
11. Пшукоев Л.Х. Утренняя заря. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 17.
12. Пшукоев Л.Х. Отметина на сердце... С. 19.
13. Пшукоев Л.Х. Утренняя заря... С. 53.

14. Пшукон Л.Х. Калина полевая... С. 57.
15. Там же. С. 29.
16. Там же. С. 44.
17. Там же. С. 20.
18. Там же. С. 58.
19. Там же. С. 49.

L.B. Havzhokova, A.H. Buranova

POETICS OF LATMIR PSHUKOV'S VERSES

This article first explores the poetics of contemporary of poetry of Kabardian poet Latmir Pshukov. We analyze the system of images, artistic style, the distinctive features of metric-rhythmic complex. The author of the article emphasizes the aesthetics and poetics of the L. Pshukov's verses.

Keywords: poetry, poetics, rhythm, rhyme, theme, tone, composition, metaphorical.

Л.Б. Хавжокова, Р.А. Жемухова

ИСТОРИЗМ ПОЭЗИИ ИСХАКА МАШБАША

В статье исследуется историзм поэзии известного адыгейского автора Исхака Машбаша. В частности, анализируются лирические и лиро-эпические (поэма «Море») произведения. Основное внимание обращено на способы художественного осмысления Кавказской войны и махаджирства в поэзии И. Машбаша.

Ключевые слова: поэзия, историзм, лирика, лиро-эпика, поэма, махаджирство, историческая память.

Адыгская поэзия располагает произведениями ряда авторов, в которых тема исторической памяти народа является основополагающей. Такова, например, поэзия К. Жанэ, И. Машбаша, Х. Бештокова, М. Бемурзова, К. Дугужева, М. Нахушева, А. Черкесова и др. Даже названия сборников стихов этих авторов («У адыгов обычай такой» К. Жанэ, «Земля отцов» Х. Бештокова, «Адыгом быть нелегко» М. Бемурзова, «Слезы адыгов» М. Нахушева, «Легенды о моей земле» А. Черкесова и др.) указывают на ориентацию их творчества на осмысление и художественное воспроизведение исторического и культурного наследия адыгского этноса.

Осмысление истории составляет одно из главных направлений эволюции поэзии Исхака Машбаша (1931 г.р.). В его поэтических строках находят отражение самые тяжелые и радостные дни из прошлого и настоящего народа. «Старый адыг, сидящий у очага и раздумывающий о житье-бытье своего народа, молодой воин, проводящий в седле сутки, недели, месяцы и года ради защиты своего отечества, крестьянин, ловко и проворно орудующий средствами труда на полях – привычные герои прозы и поэзии Исхака Машбаша, то есть адыги умом, стараниями, трудом

создавшие прекрасную страну, кровью, жизнью своей защищавшие от ее многовековых врагов»¹.

Историзм поэзии И. Машбаша, как и всего его творчества, основан на скрупулезном изучении архивных материалов, реальных исторических документов, которые послужили важным подспорьем и при создании десятков романов о прошлом этноса. В произведениях поэта, как в горном потоке, перемешались ужасы войны, боль махаджирства, субъективное и объективное восприятие событий, фактов, эпох, судеб: «*Девятнадцатый век – он для вечности миг, / Но суровая память для нас*»², – пишет он в одном из своих стихотворений.

Главным мотивом освещения темы исторической памяти народа в поэзии И. Машбаша является описание образа чужбины. В своих стихах поэт представляет словесные портреты мест, ставших символом трагедии адыгов. Чаще всего он обращается к образам Турции, Стамбула, Черного моря, турецкого берега и т.д. В двух строках стихотворения «Турецкий берег» поэт сумел воспроизвести огромное разочарование, постигшее горцев-переселенцев на чужой земле:

Ты здесь искал свобод, о добрый мой народ,
Да цепи и беда – замена хоть куда!³ (Пер. В. Твороговой)

Стамбул стал объектом внимания многих отечественных поэтов и писателей. Практически во всех случаях описания этого города внимание акцентируется на тесном и неразрывном сплетении религиозного мотива с политическим. К примеру, здесь уместно процитировать политизированный образ Стамбула, представленный А. Пушкиным:

Стамбул гяуры ныне славят,
А завтра кованной пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут – и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.
Стамбул отрекся от пророка,
В нем правду древнего Востока

Лукавый Запад омрачил –
 Стамбул для сладостей порока
 Мольбе и сабле изменил.
 Стамбул отвык от поту битвы
 И пьет вино в часы молитвы.
 Там веры чистый луч потух...⁴

В сознании адыгов Стамбул запечатлен как отрицательный образ, символизирующий массовое выселение, получившее в народе название «ИстамбылакӀуэ» – букв. «Исход в Стамбул». Еще в начале XX в. Б. Пачев в одноименном стихотворении представил следующий образ этого города, который, по сути, напоминает приведенное выше описание А. Пушкина: «*Пацтыхъу пльагъум музыч хуагъаджэ, / Я азэн джапӀэр ншэ лъабжьэм щӀоуэр, / Я зауэр къэхъумэ, Іулъхъэ щӀэнэцӀхэщ, / Жылэгъуу уенэцӀмэ, убейуэ къакӀуэ...*»⁵. – «Правителям посвящают музыку, / Их минареты достигают до небес, / В войне преследуют материальную выгоду, / Если желаешь сюда переселиться, приезжай [будучи] богатым». К образам столицы Турции, созданным А. Пушкиным и Б. Пачевым, близок и машбашевский Стамбул:

Европа и Азия шумно в тебе сплетены,
 Как правда легенд с удивлением сказки живой.
 И край истонченный от медно-зеленой луны,
 Висит полумесяц над древней твоей головой.
 Царит полумесяц, кричат с минаретов: «Алла!» –
 И учит терпению твоих правоверный пророк⁶. (Пер. В. Твороговой)

Художественное ядро стихов о Стамбуле образуют национально маркированные символы этого города и Турции в целом – полумесяц, мечеть, минареты, стамбульский базар. Последний из них представлен И. Машбашем в оригинальных поэтических сравнениях: «*Твой солнечный день, как пустыня, горяч, Истамбул, / Твой пестрый базар, словно сонмище мух, суетлив*»⁷.

Осмысление и художественная интерпретация проблемы махаджирства через воспроизведение центральных образов ее локализации – то есть через описание мест переселения адыгов, в частности, Турции – наблюдается также в стихотворениях «И я чу-

жой на этом берегу», «Возьмет поводья верная рука», «Не назову тебя лучшею на свете», «Стихи, сказанные в день отлета», «Стихи, написанные в самолете над Турцией» и др. В них И. Машбаш описывает Турцию «вся в минаретах древнего Востока»⁸, «Босфор, с пропахшими рыбой сетями, с урожаем маслины и с хлопком в корзинах»⁹, «стручки фасоли»¹⁰, выращиваемые людьми «чьи руки привыкли к работе, чьи ладони в мозолях, в земле и мазуте»¹¹, «полумесяц на Коране, и чайки над Босфором, и Стамбул»¹²; к образу Турции часто применяются эпитеты «старый», «древний». Параллельно поэт передает ужасы прошлых эпох – «рабство на галерах», как «плакали черкешенки в гаремах» и с горечью констатирует нынешнее положение махаджиров:

И где-то мои братья до сих пор
 Чужую землю поливают потом
 И тянутся душой за самолетом,
 Который улетает за Босфор¹³. (Пер. В. Твороговой)

Поэт отмечает, что «братьев по земле, как листья, размело»¹⁴, но, в отличие от многих адыгских авторов, придерживается принципа, что «история не терпит сослагательного наклонения»: «Кто пулю сражен, кто грозным морем взят, / Не мне судить о том, кто больше виноват»¹⁵, – пишет поэт. Следование данному принципу наблюдается и в творчестве М. Бемурзова: «Сэ блэКІам сыкІэ-льогъри – мыхабзэ...»¹⁶. – «Я плакал бы вслед за прошлым – [но] не принято...». В данном случае бессмысленность страданий и оплакивания прошлого можно подчеркнуть известной адыгской пословицей «Уэлбанэ блэКІам щІакІуэ кІэльащтэркъым»¹⁷. – «Вслед за прошедшим дождем бурку не достают». Именно поэтому, из приведенных примеров явствует, что поэты не ищут причин трагедии, а просто проживают свою внутреннюю боль – историю адыгского народа – имеющую свойство обостряться через века.

В адыгской поэзии, начиная с середины XX в., тема Кавказской войны и махаджирства стала предметом не только лирического, но и лиро-эпического освещения. Известно, что до указанного периода идеологические установки власти тормозили эволюцию данной тематики в национальной литературе. Одна-

ко, историческая память – понятие вечное в этноментальном сознании, она не может быть предана полному забвению. Именно поэтому слова офицера царской армии, участника Кавказской войны К.Ф. Сталья оказались пророческими: «Пройдут годы, изменятся обстоятельства и постепенно успокоится эта страна – поприще стольких трудов, на которой, так сказать, нет места, не окупленного подвигом, не озаменованного кровавым событием. <...> Когда-нибудь <...> писатель соберет материалы, <...> опишет просто, без прикрас эту войну и подымет из минутного забвения героев, доблестно, неусыпно трудившихся на этом отдаленном, долго безвестном, поприще. И каждый период этой войны *будет поэмой строгой и величественной* (курсив наш – Р.Ж.), полной геройских эпизодов»¹⁸. В действительности, история самой продолжительной и кровопролитной Кавказской войны и ее жестокие последствия стали основой для создания большого количества поэм в адыгской поэзии: «Ошхамахо» («Юшгъхьэ-маф») и «Одна история Аммана» («Амман изытхыд») Ш. Кубова, «Тисовое дерево» («Тис жыг») А. Кешокова, «Дождливый день Бзююка» и «Сказ об ауле» Х. Беретаря, «Плач шикапшины» («Шык-кэпшынэ гъыбзэ») М. Кештова, «Море» И. Машбаша, «Храм Святой Софии» («Хьэж-Софэ мэджжыт») А. Акова, «Корни» («Лъапсэ») Х. Абитова, «История мужества» («Лыггэм и тхыдэ») М. Бемурзова, «Махаджирство» («ИстамбылакӀуэ» – *букв.* «Исход в Стамбул») С. Жилетежева, «Неизлечимая рана» («Уэггэ мыкыж») Х. Кодзокова, «Бачмиза» («Бэчмызэ») Д. Гутякулова, «Дорогами истории» («Тхыдэж гъуэгухэр») Б. Балкизова, «Сатаней» («Сэтэней») Л. Балаговой, «Махаджирство» («ИстамбылакӀуэ») З. Кануковой, «Лев Черкесии» Т. Дербе, драматическая поэма «Махаджирство» («ИстамбылакӀуэ») З. Аксирова и др.

В поэме «Море» Исхака Машбаша причинно-следственные связи истории и современности вытекают из всестороннего анализа исторических, бытовых, психологических обстоятельств, сложившихся в условиях Кавказской войны и массового выселения народа. Историзм творческого мышления И. Машбаша и удачное соотнесение в его поэзии разных социальных эпох отмечено известным писателем С. Дангуловым: «История живет

в книгах Машбаша, потому что сплелась с днем нынешним, а у этого явления одни истоки – близость общечеловеческому началу, нерасторжимость с темами, которые человек признал темами вечными»¹⁹.

Сюжет поэмы «Море» основан на мотиве обвинения, распространенного в адыгской поэзии о Кавказской войне и махаджирстве. Драматизм истории адыгов раскрывается в противопоставлении разных взглядов мужа и жены – Казбеча и Шамсет – на проблему переселения. Казбечу Турция представляется райским местом, Шамсету по душе воспитывать пока еще не родившегося сына на родине. При этом на передний план выдвигается и укрепляет свои позиции авторское начало. Функция автора-повествователя, воплощенного в образе моря, заключается в воспроизведении правдивой картины прошлого, при этом он получает серьезные возможности самовыражения, становясь, пусть и не в полной мере, но одним из действующих лиц произведения («Море – свидетель несчастья людского – / Мечется, стонет, чернеет от гнева...»²⁰).

В поэме весьма успешно воссозданы многогранные характеры персонажей. Среди них есть и мудрые старцы, которые в данной конкретной ситуации не сумели принять правильного решения и посоветовали народу переселиться на чужбину («Седобородые мудрые старцы, / Где был ваш разум в те годы былые? / Как это вы не смогли разобраться, / Кто вам друзья, а кто вороги злые?»²¹); и хитрые духовные служители, призывающие своих соплеменников к переселению в пределы Османской империи («Турция, эта страна правоверных, / Гостеприимно открыла нам двери! / Не избежать здесь нам гибели верной, / Пусть тут живут изменившие вере»²², – говорит местный эфенди Лауко Черный жителям аула Шигачехабль); и положительные образы русского солдата и офицера, «ненавидящего царя и насилье» («Путь ожидает вас долгий и трудный... / Как вы помыслили, сердцу не внемля, / Землю родную оставить безлюдной, / Дедов и прадедов кровную землю? <...> Думаю – слишком сдаетесь вы рано, / Скрыться спешите куда ни придется. / Это еще не смертельная рана. / Можно за правду еще побороться»²³, – говорит русский офицер Павел Петрович Казбечу, решившему покинуть родину).

Мотив обвинения, как уже отмечено, является сквозным и доминирующим в поэме «Море». Он воплощен в образе Шамсет, обвиняющей всех, в том числе и мужа, согласившихся на переселение. Кульминацией произведения становится «Гыбза» («Плач»), исполняемая ею:

Пароход задымил трубой,
Нас в Стамбул повезут гурьбой.
Где, родимый ты наш аул? О-уи-уи!
На ветру зачернела шаль,
Нам осталась одна печаль,
Покидаем отчизну мы, о-уи-уи!²⁴ (Пер. В. Тушиновой)

Данная песня является свидетельством удачного вплетения автором фольклорных элементов в контекст повествования.

Значительное место в исследуемой поэме занимают религиозные мотивы. По мере развития сюжета наблюдается усиление религиозного фанатизма отдельных персонажей. Так, например, Казбеч говорит:

Я – мусульманин. В стране правоверных
Легче мне будет дышаться и житься,
За морем Черным найду уж, наверно,
Добрую кровлю и горстку землицы!
<...>
Коль попадется гяур на пути,
Несдобровать ему! Так и запомни!²⁵ (Пер. В. Тушиновой)

Далее Казбеч, вознося кинжал над головой своей жены и угрожая словами «– Женщина, делай, что я приказал, / Чтобы раскаяться не было поздно»²⁶, заставляет ее совершить намаз. С данным частным случаем, а также с воплощением религиозного мотива в целом, связано частое вплетение автором проклятий в контекст поэмы. Они вложены в уста главной героини Шамсет, насильственно увозимой на чужбину:

– Проклят будь тот, кто стране изменяет,
Кто покидает отеческий дом!

<...>

Прокляты будьте, богатые турки
И англичане – пособники их!²⁷ (Пер. В. Тушновой)

В поэме также встречается оригинальное метафоричное воплощение проклятий с параллельным олицетворением образов природы:

Белую мглу раздвигая рогами,
Тащат волю за арбою арбу.
Камни скрежещут, кричат под ногами,
Оси скрипят, проклиная судьбу²⁸. (Пер. В. Тушновой)

Историзм творческого мышления И. Машбаша имеет глубокие корни и не ограничивается одной проанализированной выше поэмой. Его поэзия национально маркирована, в ней – «суровая прямота зрелого художника, постигающего глубины человека в его отношениях с жизнью и миром родной земли»²⁹. Традиционализм, историчность, глубокая этноментальность сюжетов его произведений дополняется афористичностью и изобразительно-выразительным богатством художественного языка поэта.

Примечания

1. История адыгейской литературы в 3-х томах / Редколлегия: К.Г. Шаззо, А.А. Скаляхо, Ш.Х. Хут и др. Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2002. Т. 2. С. 339.

2. *Машбаш И.Ш.* Щедрое солнце полдня. Краснодар: Кн. Изд-во, 1979. С. 121.

3. Там же. С. 151.

4. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Стихотворения 1825–1836 годов. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. С. 246.

5. *Пишибиев И.Х.* Добрые всходы: Литературно-критические статьи. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 116.

6. *Машбаш И.Ш.* Щедрое солнце полдня... С. 152.

7. Там же.

8. Там же. С. 157.
9. Там же. С. 156.
10. Там же. С. 153.
11. Там же. С. 156.
12. Там же. С. 157.
13. Там же.
14. Там же. С. 151.
15. Там же.
16. *Бемурзов М.Х.* Адыгом быть нелегко. (На черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 33.
17. Адыгские пословицы / Сост. З.П. Кардангушев. (Электронная версия книги из личного архива автора монографии).
18. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа. URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Stahl_K_F/text3.htm (дата обращения: 17.09.2016).
19. *Дангулов С.* Стихия поэта – человек // *Машбаш И.Ш.* Избранное. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1988. С. 9.
20. *Машбаш И.Ш.* Избранное. Стихотворения и поэмы / Пер. с адыг. В. Твороговой и др.; предисл. С. Дангулова. М.: Современник, 1988. С. 344.
21. Там же. С. 334.
22. Там же. С. 328.
23. Там же. С. 332.
24. Там же. С. 337.
25. Там же. С. 329.
26. Там же. С. 332.
27. Там же. С. 336.
28. Там же. С. 333.
29. *Дангулов С.* Стихия поэта – человек... С. 9.

L.B. Havzhokova, R.A. Zhemuhova

THE HISTORY OF ISKHAK MASHBASH'S POETRY

The article investigates the historicism of the poetry of the famous Adygeyan author Iskhak Mashbash. In particular, the lyric and lyric-epic (the poem «The Sea») are analyzed. The main attention is drawn to the ways of artistic comprehension of the Caucasian war and emigration in the I. Mashbash's poetry.

Keywords: poetry, historicism, lyric poetry, lyric epic, poem, emigration, historical memory.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тетуев Алим Инзрелович, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-928-083-16-66

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Опрышко Олег Леонидович, старший специалист научного архива Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8(8662) 77-29-09

E-mail:kbigi@mail.ru

Кармов Амерби Хазретович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-928-078-68-98

E-mail: karmovamerbi@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России ИИФиСМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел: 8-928-703-90-79

E-mail: lena_gm@mail.ru

Органова Юлия Аслановна, магистрант направления «История» ИИФиСМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел: 8-964-037-33-69

E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич, к.и.н., доцент, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-928-720-32-76

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Варивода Наталья Владимировна, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-903-494-43-51

E-mail: variks1@yandex.ru

Карданова Карина Ахмедовна, аспирант кафедры отечественной истории и этнологии Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Арманд, 37А

Тел.: 8-909-489-05-49

E-mail: kardanova_07bk.ru

Шахалиева Фатима Борисовна, аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел. 8-903-494-05-06

E-mail: fatimashahalieva@yandex.ru

Пшихачева Дахалина Тахировна, студентка 3 года обучения направления «Юриспруденция» ИПЭиФ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел.: 8-928-080-88-06

E-mail: dahalishechka@mail.ru

Ханаху Руслан Асхадович, д.ф.н., профессор, зав. отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13.

Тел.: 8-(8772) 57-08-21

E-mail: hanahu1@rambler.ru

Гучетль Зухра Хачмафовна, к.с.н., ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13.

Тел.: 8-(8772) 57-08-21

E-mail: zuchraguchetl@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-909-487-65-86

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Бетуганова Елена Нартшаовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-928-078-02-31

E-mail: alena.betuganova@yandex.ru

Жежева Марьяна Рашадовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-962-649-09-59

E-mail: maryana.khezheva@yandex.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарской литературы Института гуманитарных

исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-962-652-11-62

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Кучмезова Лариса Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-918-727-57-57

E-mail: larisakuchmezova@mail.ru

Гергокова Лейла Созакбайовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8-928-705-64-60

E-mail: leilaEtezova@mail.ru

Буранова Арина Хусеновна, аспирант кафедры языкознания и литературоведения Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

360000, г. Нальчик, ул. Арманд, 37А

Тел.: 8-963-167-52-06

E-mail: arina.byranova@mail.ru

Жемухова Радима Ахъедовна, магистрант направления «Филология» ИИФиСМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел.: 8-963-166-15-75

E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, associate professor, leading scientific worker of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-928-083-16-66
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Opryshko Oleg Leonidovich, senior scientific archive of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8(8662) 77-29-09
E-mail: kbigi@mail.ru

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, senior researcher of the modern history sector of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-928-078-68-98
E-mail: karmovamerbi@mail.ru

Muratova Elena Georgievna, Doctor of History, professor, head of the Department of Russian history of the Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8-928-703-90-79
E-mail: lena_gm@mail.ru

Ortanova Yuliya Aslanovna, graduate student of the direction «History» of the Institute of History, Philology and Media of the Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street

Nalchik 360004

Ph. 8-964-037-33-69

E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru

Prasolov Dmitri Nikolaevich, Candidate of History, associate professor, manager sector of ethnology and ethnography of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8-928-720-32-76

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Varivoda Natalia Vladimirovna, researcher in modern history of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8-903-494-43-51

E-mail: variks1@yandex.ru

Kardanova Karina Ahiedovna, post-graduate student of chair of Russian history and Ethnology Scientific-educational center of FSBI «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

37 A Armand Street

Nalchik 360000

Ph. 8-909-489-05-49

E-mail: kardanova_07bk.ru

Shahalieva Fatima Borisovna, post-graduate student of the Chair of history of Russia of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street

Nalchik 360004

Ph. 8-903-494-05-06

E-mail: fatimashahalieva@yandex.ru

Pshikhacheva Dakhalina Takhirovna, student of 3 course of the direction «Jurisprudence», Institute of Law, Economics and Finance of the Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8-928-080-88-06
E-mail: dahalishechka@mail.ru

Hanahu Ruslan Askhadovich, Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev.

13 Krasnooktyabrskaya Street
Maikop 385000
Ph. 8-(8772) 57-08-21
E-mail: hanahu1@rambler.ru

Guchtel Zuhra Khachmafovna, Candidate of Sociological Sciences, leading researcher at the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev.

13 Krasnooktyabrskaya Street
Maikop 385000
Ph. 8-(8772) 57-08-21
E-mail: zuchraguchetl@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, senior researcher at the kabardino-circassian literature Department of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-909-487-65-86
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, researcher at the kabardino-circassian literature Department of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-928-078-02-31
E-mail: alena.betuganova@yandex.ru

Khezheva Maryana Rashadovna, Candidate of Philology, researcher of kabardino-circassian language Department of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8-962-649-09-59

E-mail: maryana.khezheva@yandex.ru

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, Candidate of Philology, senior researcher at the balkarian literature Department of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8-962-652-11-62

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Kuchmezova Larisa Borisovna, Candidate of Philology, senior researcher at the karachay-balkar language Department of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8-918-727-57-57

E-mail: larisakuchmezova@mail.ru

Gergokova Leila Sozakbaiovna, Candidate of Philology, senior researcher at the karachay-balkar folklore Department of the Institute of Humanitarian Researches – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8-928-705-64-60

E-mail: leilaEtezova@mail.ru

Buranova Arina Husenovna, post-graduate student of chair of Linguistics and Literary Studies Scientific-educational center of FSBI «Federal Sci-

entific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

37 A Armand Street

Nalchik 360000

Ph. 8-963-167-52-06

E-mail: arina.byranova@mail.ru

Zhemuhova Radima Ahyedovna, graduate student of the direction «Philology» of the Institute of History, Philology and Media of the Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street

Nalchik 360004

Ph. 8-963-166-15-75

E-mail: kbigi@mail.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(1917–2017 гг.): ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

Сборник научных статей
по материалам региональной научной конференции
(Нальчик, 29 июня 2017 г.)

Компьютерная верстка
и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Подписано к использованию 19.10.2017.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype. Усл. печ. л. 11. Заказ 187.

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru